

Annotation

Далила Самсонова подозревала всех! Да, все знакомые погибшей восемнадцатилетней Машеньки Верховской могли быть ее убийцами. Так показывали результаты фирменных психологических опросов Далилы... Но не может же быть такое на самом деле! В свой день рождения девушка нарядилась в ультрамодные шмотки подружки, испекла пирог — и кого-то поджидала... Этот кто-то пришел и всадил ей пулю в лоб. Какой же злодей мог сотворить такое?.. Не один день ломал голову брат покойной, ведь преступника найти так и не удалось. Верховский обратился за помощью не к частному детективу, а именно к психоаналитику Самсоновой. Чтобы не ударить в грязь лицом, Далила решила начать все сначала. И установила, что погибшая девушка.., была беременна! Этот факт тщательно скрывался. Почему? Чтобы это выяснить, Далила начинает в прямом смысле слова «трясти» ухажеров Машеньки...

- [Людмила МИЛЕВСКАЯ](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Людмила МИЛЕВСКАЯ

ПРОДАЕТСЯ ШКАФ С ЛЮБОВНИКОМ

Глава 1

"Все произошло необычно, удивительно и внезапно: я влюбилась!
Волшебное состояние.

Еще недавно он был чужим, а теперь самый родной, самый добрый, умный, красивый...

Разлука с ним — страшная боль, а встреча — экстаз. Я не знала, что любовь способна делать человека таким счастливым. От многообразия чувств, кажется, можно сойти с ума.

И я схожу!

Но что же он медлит?

Ах, сколько во мне нетерпения! Я хочу, чтобы он пришел раньше? Но пирогу находиться в духовке как минимум десять минут...

Кстати, о пироге! Пора его повернуть — не дай бог, неравномерно подрумянится корочка.

Ну вот, с пирогом вроде покончено, пирог удался... Ах, я забыла поставить фужеры! Что я за бестолочь, и салфеток нет на столе!

Ну вот, теперь наконец можно присесть.

Минуты последние длинные! Длинней, чем часы. Какой он бессовестный. Почему не спешит? Почему он такой пунктуальный?

Что?! Я ругаю его?! Нет-нет, он самый хороший!

Ах, я так сильно его люблю!

Я уверена, он очень спешит. Интересно, какой он мне приготовил подарок? Да, подарок! Подарок! Что он мне принесет? Это будет нечто из ряда вон. Нечто супер. Нечто...

Что? Звонок! Это он!

Боже мой, я подпрыгнула, словно током меня ударило! И сердце колотится! И колени дрожат! Как я выгляжу? Зеркало! Где же зеркало? Ах, вот оно.

Ой, мамочка, растрепалась прическа! А губы! Слишком яркие, неверный я выбрала цвет...

Ну да поздно теперь исправлять. Как он звонит!

Как он торопится!

Открою дверь и повисну на шее.

— Милый, я так долго тебя ждала!

— Любимая, но я пришел вовремя.

— Я соскучилась!

— А я? Как ты думаешь?

— Думаю, ты тоже соскучился. А что ты принес мне? Что ты прячешь там за спиной?

— Любимая, это сюрприз. Закрой, пожалуйста, глазки.

— Нет, не закрою. Что ты прячешь? Немедленно доставай! Я слишком долго ждала!

— Ну любимая, так нечестно. Ты хочешь испортить сюрприз? Закрой глазки.

— А вот не закрою! Что там? Что там у тебя? Дай мне! Мучитель, немедленно дай!

— Хорошо, не тряси меня, достаю, ты очень упрямая.

— О боже! Пистолет?! Милый, что ты делаешь? Это очень плохая шутка!

— Это не шутка.

— Убери пистолет с моего лба! Милый, умоляю, не надо меня пугать!

— Прости, ты сама виновата...

Бог мой, какие жестокие у него глаза! Не может быть, я не верю. Словно это все не со мной. Он не шутит, он выстрелил?! Он действительно выстрелил! Все произошло неожиданно, быстро — я даже не успела его разлюбить..."

Лицо Верховского исказила гримаса боли — он замолчал. Громадный сильный мужчина стал похож на обиженного ребенка. Он сглотнул ком, на глаза его навернулись слезы, которых Верховский не стеснялся, — так велико было его потрясение. Он слез своих не замечал, он был все еще там, со своей младшей сестрой. Он переживал последние секунды ее жизни — жуткие, холодящие кровь секунды.

Опытный психоаналитик Далила Самсонова была тоже потрясена рассказом Андрея Верховского, хоть и слышала много ужасных историй в своем кабинете.

— Убийца наказан? — спросила она.

— Нет, его не нашли, — дрожащим голосом ответил Верховский.

— Не нашли?! — поразилась Далила. — Как такое возможно?!

— А вот так. Не нашли и перестали искать.

— Он что, так далеко сбежал?

— Если бы. Мы просто не знаем, кто убил нашу Машеньку. Понятия не имеем.

Самсонова отшатнулась:

— Невероятно! Вы не знали, кого любит ваша сестра?

Верховский с досадой поморщился:

— Какая любовь? У нее даже парня не было. Машеньке было не до любви.

— Могу я узнать ее возраст? — удивленно осведомилась Далила.

— Восемнадцать.

— Восемнадцать? Действительно, для любви возраст неподходящий, — с горькой иронией заметила она.

— Вы Машу не знали, — рассердился Верховский. — Она была уникальная девушка: училась, работала, имела множество увлечений...

— Каких?

Он растерялся:

— Ну, так сразу не скажешь. По лекциям бегала, по курсам каким-то, по клубам. Всего не упомнишь.

— Вижу, вас не очень-то интересовала жизнь вашей младшей сестры, — заключила Далила.

Верховский возмущенно затряс головой:

— Не правда! После катастрофы, после гибели наших родителей, я много работал. Но это не значит, что я забросил Машу с Наташей. Я и за девочками присматривать успевал.

— Как вам удавалось?

— Друзья помогали.

— Какие друзья?

— Однокашники: Борька Мискин, Пашка Замотаев, Кроликов Гоша, Серега Хренов.

— Как-как? — изумилась Далила, с трудом скрывая улыбку.

— Серега, кореш мой, Хренов, — пояснил с серьезнейшим видом Верховский. — Мы, как те мушкетеры из книжки Дюма, четверкой дружили. Замотаев был вроде Атоса. Он вдумчивый и серьезный. Бабник Мискин больше похож на Арамиса, хотя Кроликов Гошка красивей. Но он здоровяк и балда, потому был у нас за Портоса. А я заводила компании, вроде как д'Артаньян.

Далила с иронией осведомилась:

— А Хренов был у вас за кого?

— За кого был Серега Хренов?

Растерянность Верховского говорила о том, что ранее подобным вопросом он не задавался.

— Даже не знаю, — задумчиво ответил он после продолжительной паузы. — Серега к нам пятым присоединился значительно позже, кажется, классе в восьмом. Но мы его как-то сразу приняли в нашу компанию.

— А разве это легко — дружить впятером? Разве вы не разбились на

пары?

— Нет. У нас настоящая дружба, у нас монолит.

Когда погибли родители, мне было трудно, но друзья помогли. Особенно Замотаев.

Заметив уличающий жест Далилы, Верховский поспешил пояснить:

— Мы по-прежнему монолитом дружили, но с Замотаевым у меня был общий бизнес тогда. С ним я виделся чаще, он чаще и помогал. Кстати, Пашка допомогался: в результате он на моей Наташе женился, на сестре. Теперь и она Замотаева. Вы ее знаете. Она меня к вам и направила.

— Да-да, мы одноклубницы с вашей Наташей, — подтвердила Далила. Верховский смущенно признался:

— Если честно, я упирался, к вам идти не хотел, но Наташа моя... Короче, заставила.

— Отчего же идти не хотели? — с легкой усмешкой поинтересовалась Далила, заранее зная ответ.

Русский мужчина консервативен, он плохо следует моде содержать в чистоте свою душу, он не верит в психологов. Соответствуя русской традиции, он сам стрессы и топит, а не лечит последствия стрессов.

Стрессы, правда, не тонут — тонет русский мужик.

Однако это ему безразлично, потому что он пьян и доволен. А до того, что утром ждут его новые стрессы, нет ему дела. Он и новые стрессы будет топить.

Далила много раз слышала от мужчин: «Зачем мне психолог? Я сам себе доктор. Рюмашку-другую накаатишь, и все стрессы будто рукой сняло».

— Почему вы не хотели обращаться к психоаналитику? — повторила она вопрос, ожидая традиционного ответа.

— Да как-то неловко, — не обманул ее ожиданий Верховский. — Здоровый мужик, а словно девица должен вываливать проблемы на женщину.

Далила напомнила:

— Для вас я не женщина, я психолог.

— Да хоть и психолог. Чем мне психолог поможет?

Машеньку никто не вернет. Значит, и от боли никто меня не излечит.

Далила спорить не стала, она дипломатично сменила тему.

— Странно, — сказала она. — Вашу сестру, Наташу Замотаеву, я год уже знаю, но она никогда не упоминала о Маше.

— А что тут странного? — удивился Верховский. — Гибель Машеньки всех потрясла. Несколько лет все жили в шоке. Наташа очухалась только тогда, когда Пашка на ней женился. Ей врачи строго-настрого запретили о

Машеньке говорить. Даже думать о Маше запретили. Я, мужчина, и то не могу пережить это горе, а уж Наташа моя и подавно. Она сидит дома, без дела, одна. Я хоть на дела отвлекаюсь. В последние годы мой бизнес наладился, я за границу подался и вроде начал беду забывать, а в Питер вернулся и снова расклеился.

— На что вы жалуетесь? — осторожно спросила Далила, не слишком рассчитывая на ответ.

Верховский вздохнул, сделал длинную паузу и нехотя произнес:

— Как тут скажешь? Нервы ни к черту, бессонница. Но если чудом засну, сны тогда мучают. Сон, впрочем, снится один и тот же. Его я вам уже пересказал.

«Жуткий сон», — мысленно содрогнулась Далила и осторожно спросила:

— Вы лечились?

— У каких врачей только не был, — отмахнулся Верховский. — Никто не помог. Процедуры, таблетки меня не берут. Да и какие, к черту, таблетки, страдаю-то я от бессилия. Вылечусь, когда придушу гада своими руками. Эх, знать бы, кто он, Машин убийца, увидел бы в жизни смысл. А до тех пор, пока не узнаю, так и буду себя изводить.

— У Маши были неприятности?

— Неприятности?

Верховский призадумался, а потом решительно сказал:

— Нет.

И опять призадумался:

— Правда, незадолго до смерти с ней история вышла. Она в мелкой редакции подрабатывала, так, ради интереса, проба пера. Редактор ее попросил подыскать подешевле офис, старый они не тянули. Маша нашла, а офис оказался квартирой чужой. Мошенники Маше попались, обманули ее. Вот и все неприятности. Больше, кажется, не было. Не знаю, во всяком случае, я не замечал.

— Но с чего вы взяли, что Машу убил мужчина?

Кстати, как вы сами объясняете ваш навязчивый сон?

Надеюсь, не потусторонними силами. Уверяю, душа покойницы здесь ни при чем.

— Да знаю я, — мельком взглянув на часы, ответил Верховский. — Сон всего лишь плод реконструкции тех событий. Когда я в тот страшный день вошел в нашу квартиру, сразу понял: Маша ждала мужчину.

— Почему?

— Принарядилась, подкрасилась, стол накрыла, пирог испекла. Что

тут можно подумать? Не подругу же сестренка ждала.

— Да-а, — задумчиво пропела Далила. — Похоже, и в самом деле мужчину.

— В том-то и дело, — рассеянно откликнулся Верховский, снова взглянув на часы.

— Одно дело пригласить в гости мужчину, а другое дело его любить. Ваш сон говорит о сильной любви.

Почему вы решили, что Маша была влюблена?

— Как — почему? — воскликнул Верховский и надолго замолчал.

Было видно, что он абсолютно в этом уверен, но не знает, как объяснить.

— Да слишком непохоже все это на Машу, — наконец сказал он. — Маша скромной и умной была, а тут какие-то смешные супермодные тряпки. Ну, знаете, из тех, про которые говорят «прикид». Потом выяснилось, что она их взяла у Морковкиной. Марина Морковкина слывет обольстительницей, это если культурно выразиться. Как мужчине, мне очевидно: кому-то Маша хотела понравиться. Уж очень она старалась.

Далила подалась вперед:

— А Морковкина не знает кому?

Верховский обреченно махнул рукой:

— Ничего эта шлындра не знает!

— Шлындра?

— Противная девка она, эта Морковкина. Маша с ней не очень дружила. Морковкина подруга Наташи.

Никчемная девка, пустая. Знаете ли, из тех, что гоняются за богатенькими женихами. Затесалась в нашу компанию... Ну да дело не в ней...

Далила его перебила — А почему в вашем сне Маша подарка ждала? — поинтересовалась она — В свой день рождения Маша погибла. День был будний, но дата серьезная, совершеннолетие как-никак. Вечером в ресторане отмечать собирались, но Машка не дожила.

Верховский еще раз взглянул на часы и виновато воскликнул:

— Простите, но я спешу! В Питер приехал не только сестру, друзей повидать, но и по делу. Видите сами, никто мне не поможет. Я лучше пойду.

— Хорошо, — согласилась Далила, — я вас не держу, но зря вы в науку не верите. Именно в вашем случае можно и должно помочь душе излечиться.

В ответ Верховский вздохнул. Не обращая внимания на его громкий

скептический вздох, Далила продолжила:

— Согласна, горе никогда не забудется, но восприниматься будет значительно здоровей. Жизнь нас делает мудрыми.

Верховский нетерпеливо помотал головой:

— Спасибо за доброе слово, но пока убийца Машеньки жив, меня бесполезно лечить. Спокойно спать все равно не смогу. Я уверен.

Она удивилась:

— Зачем же пришли?

— Из-за Наташи пришел. Разволновалась она. Вы Наташу мою успокойте, пожалуйста. Пусть она думает, что мне стало легче.

— Лгать не могу, — запротестовала Далила. — Наташе скажу как есть.

— Что ж, понимаю, простите.

Верховский виновато пожал плечами, поднялся и неуверенно потопал к двери. Молодой красивый мужчина под гнетом беды двигался как старик.

Далила вдруг осознала, что он сейчас выйдет из кабинета, а горе его — нет. Горе его с Далилой останется. Опытный компетентный психолог, она умела ставить барьеры. Она умела защищать свою душу от разрушения чужими переживаниями, но на этот раз не убереглась Слишком сильно было горе Верховского и слишком опасно.

Далила, глядя в его сутулую спину, подумала: «Не переживет. Еще хорохорится, но доведет себя до инфаркта. Обязательно доведет, уж этого я навидалась».

Все восстало в ее душе: «Надо дать ему шанс, дать надежду. Надежда фантастически иногда спасает».

— Погодите, — остановила его Далила. — Я хочу вам помочь.

Верховский оглянулся и изумленно спросил:

— Что вы сказали?

— Я попробую вам помочь.

Он повторил:

— Моя жизнь будет адом до тех пор, пока не узнаю, кто убил Машу.

— Конечно, я это понимаю, — кивнула она. — Потому вам помощь и предлагаю.

Верховский, делая к ней шаг, изумленно спросил:

— Вы найти убийцу Машеньки собираетесь? Я правильно понял?

— Правильно, — подтвердила Далила.

Глава 2

Утопающий хватается за соломинку. Далила ожидала от Верховского скептицизма, но он поспешно вернулся к столу и с надеждой спросил:

— А как мы будем искать убийцу?

Его «мы» хоть и звучало наивно, но очень ее порадовало. Значит, Верховский не просто готов был поверить в силы Далилы, но и собирался ей помогать.

Сама она в своих силах не была так уверена, как пыталась ему продемонстрировать, но это не огорчало ее.

Главное возродить его к жизни, не позволить отчаянию и пессимизму источить молодой организм, а остальное уж как получится: все в руках господина — так считала Далила.

И вместе с тем, она действительно намеревалась искать убийцу, а не просто отвлекать Верховского от его душевных страданий.

— У меня уже есть некоторый опыт в таких делах, — с гордостью пояснила Далила. — Дважды мне удалось раскрыть преступления, которые оказались не по зубам профессиональным сыщикам. Понимаю, для статистики маловато, но для надежды достаточно.

У нас есть причина думать, что и на этот раз повезет.

— Да-да! — впиваясь в нее оживившимся взглядом, воскликнул Верховский. — Надо попробовать, обязательно, если вам удастся.

Его внезапная вера в нее Далилу смутила.

— Я не волшебница, — сказала она. — И не хочу критиковать нашу милицию...

Он поспешил сообщить:

— Не бойтесь, там есть что критиковать.

Она нетерпеливо потрясла головой:

— Дело не в том. К предыдущим двум задачам, которые я успешно решила, невозможно было подходить традиционным путем. Их мог решить только хороший психолог. Я уже дважды себе доказала, что я психолог хороший. Надеюсь и третий раз доказать.

Верховский нервно поерзал в кресле и сообщил:

— Буду вам очень признателен. Сами понимаете, я не в том положении, когда можно скупиться.

— Ах, дело не в деньгах, — отмахнулась Далила. — Я лишнего с вас не возьму. Мне самой интересно.

Здесь, очевидно, та ситуация, в которой без знаний психологии разобраться нельзя. Знаете, почему не нашли убийцу?

— Почему?

— Не с той стороны на проблему взглянули. Не сомневаюсь, работы проделали много, но все впустую.

И именно потому, что в путанице событий ухватились за ложный кончик. Короче, искали не там.

— А где надо было искать?

Далила посмотрела ему в глаза и уверенно произнесла:

— Я скоро узнаю.

Верховский уже ничего не говорил — он просто ждал.

— Какие действия вы предпринимали? — спросила она, мысленно дав себе клятву не обмануть его ожиданий.

Он безрадостно сообщил:

— Частного сыщика нанимал.

— И каков результат?

— Он опросил всех друзей и знакомых, выяснил, где Маша бывала, чем занималась. У меня два тома его отчетов, а результат нулевой. Сокурсники Маши, знакомые и друзья — все твердят в один голос, что она не встречалась ни с кем. Да и сам я каждый день Машку видел. И Наташка с сестрой дружила. Они откровенничали. Если Маша парня и завела, то встречались они недолго.

— Какое время? — спросила Далила.

Верховский задумался:

— Максимум месяц. Дольше она не смогла бы свою тайну хранить. Я бы заметил, что она влюблена.

— А психологический портрет Маши вы не пробовали составлять?

Он удивился:

— А что это даст? Я Машу до последней клеточки знал, видел ее насквозь, а толку с того...

Далила не согласилась:

— Вы не правы! Без портрета нельзя начинать.

— Да я прямо сейчас нарисую вам Машин портрет, — горячась, заявил Верховский. — Умная Машка была, сообразительная, талантливая, добрая, упорная, даже упрямая, — начал он рисовать.

— Нет, так не пойдет, — остановила его Далила. — Этак можно долго рассказывать, и все без пользы.

Лучше я подготовлю вопросы, вам и вашей сестре.

Обработав ответы, составлю Машин портрет.

— Договорились, — согласился Верховский и опять взглянул на часы. — А когда будут готовы эти вопросы? — спросил он и виновато, с поспешностью пояснил:

— К сожалению, мне скоро придется уехать. У нас есть максимум восемь дней.

Далила его успокоила:

— Самое необходимое мы успеем сделать. Завтра я увижу в клубе Наташу и передам ей свои вопросы. Но учтите, их будет много.

— Не страшно, — ответил Верховский значительно оптимистичней.

Это позволило Далиле думать, что ее тактика уже дала результат. И результат этот положительный.

Глава 3

У Пендраковского умерла прабабка — вот тогда-то и начались с ним настоящие чудеса.

Древняя прабабка досталась ему по наследству от давно умершей бабули, которая нянчила Пендраковского. Здравствующие родители его, опасаясь потерять квартиру в престижном районе, переселили сына к старушке. С правнуком она и доживала остаток дней.

Дней этих, надо заметить, осталось немало. Юный правнук успел повзрослеть, возмужать, он даже сам начал стариться и полнеть, уверовав в то, что бабуля бессмертна. Вот тут-то прабабка и умерла.

Наследство оставила: квартиру и шкаф. Но зато все по закону. Не поленилась старушка сходить к нотариусу, составила завещание, в котором указала наследника и наследство. А любимый свой шкаф детально, в подробностях описала: сколько и где царапин на нем, какое количество гвоздиков, ручек и завитков, даже овечек пересчитала на дверных горельефах [\[1\]](#) и пастухов, и пастушек — все чин-чином, не придерешься.

Наследство наследника отяготило. К старинной квартире Пендраковский давненько привык, а вот шкаф для него оказался сюрпризом. Комната, где обитала прабабка, просилась под кабинет: старые стены мореного дуба настраивали на рабочий лад, а вид из окна наводил на умные мысли.

Правда, бизнес, которым промышлял на жизнь Пендраковский, никаких умных мыслей не требовал.

Там одно только знай: вовремя всем (кто просит) взятки раздай и бегай себе по принципу «волка ноги кормят». На всем, что Пендраковский в бизнесе делал, была печать той «либеральной» глупости, которую наше суматошное время выжимает даже из очень умных голов. Девиз сей системы: себе кроху урви и не замечай, что бед при этом наделал гору — короче, то, чем вся страна теперь занимается.

Ясное дело, душа всегда недовольна: размах маловат. Душа-то просит высокого, вот Пендраковский и затеялся с кабинетом. Выбросил старую мебель на свалку и уперся в завещанный шкаф.

Как с ним быть?

Прабабка так пафосно шкаф завещала, что порадовать свалку подарком старушки нельзя — неприлично и даже кощунственно.

Оставалось его продать, но кто купит пыльную рухлядь?

Пендраковский вытащил шкаф из угла, отмыл от грязи и паутины, ахнул и поставил обратно в угол.

В тот же вечер он по совету приятеля вызвал оценщика с пышным именем Артур Велюрович. Тот быстро явился на зов, долго разглядывал шкаф, фотографировал даже и в результате спросил:

— Вы твердо решили это продать?

— Твердо решил, — подтвердил Пендраковский и мысль пояснил:

— Антиквариата не выношу и считаю, что рухляди место в музее.

— На музей ваша рухлядь вряд ли потянет. Думаю, вещь ваша стоит недорого, но загляну в каталог и обязательно вам позвоню, — пообещал оценщик и, оставив визитку, пропал.

Пендраковский выждал неделю и сам ему позвонил. Артур Велюрович, ссылаясь на занятость, просил еще подождать. Ждать Пендраковский не мог. Он нашел другого оценщика, и с этих пор начались чудеса.

В назначенное время явился респектабельного вида мужчина и, представившись антикваром, нетерпеливо проследовал к шкафу.

Пендраковский, проводив его в комнату бабушки, не отходил ни на шаг. Он с интересом ожидал приговора. Антиквар делиться своим впечатлением не спешил. Достав из кармана лупу, он долго и пристально изучал главное достоинство шкафа: горельефы пасторали, отлично сохранившиеся на дверцах. Наконец, удовлетворив свое любопытство, он учтиво спросил:

— Вы позволите внутрь заглянуть?

Пендраковский воскликнул:

— Предупреждаю, там пыльно! — и, не спуская с оценщика глаз, одну за другой распахнул все три дверцы.

Антиквар испуганно отшатнулся, охнул:

— Простите, — и в смущении убежал.

Пендраковский перевел изумленный взгляд в обнажившееся чрево шкафа и.., обнаружил там симпатичную даму. Дама была в роскошном костюме Евы — то есть в чем мать родила.

— Кто вы? — ошеломленно отступая на шаг, спросил Пендраковский.

Дама, выбираясь из шкафа, откровенно призналась:

— Я проститутка.

Видимо, Пендраковский не был готов к свиданию со жрицей любви, иначе чем объяснить его дикий крик:

— Что вы здесь делаете?!

Но дама не испугалась и ответила с гневным презрением:

— Что я здесь делаю? Совсем охренел? Я тебя жду, придурок!

— Ждете меня?! В этом шкафу?!

От фамильярности дамы и загадочности ситуации бедняга едва не плюхнулся на пол.

А дама сварливо заверила:

— И я про то говорила, что незачем мне лезть в эту пылюку, но ты меня в шкаф затолкал. А то лежала б себе в кровати...

— В кровати?! — взвыл Пендраковский.

— Ну да, — надув губки, пискнула дама, и тут ее осенило отвратительным подозрением:

— Ты что, передумал, гад, мне платить?

— Я вам должен платить? За что?

— Ха! Он еще спрашивает!

И началось самое неприятное. Холостяк Пендраковский узнал наконец, кто он есть и что такое настоящий скандал. Писклявый голосок хрупкой дамы легко заглушил его возмущенный бас.

«Вот они, женщины! Неужели это я совсем недавно мечтал о семейном гнездышке?» — поражался собственной глупости Пендраковский, неистово и бесполезно отбиваясь от дамы.

Она была напориста и несокрушима. Пендраковский столкнулся вот с каким парадоксом: глядя на изящную даму с высоты своего гренадерского роста, он казался себе худосочным пигмеем. В заключение дама надавала ему пощечин и с угрозами скрылась за дверь спальни.

Напуганный, но несломленный, Пендраковский храбро понесся за ней и с изумлением обнаружил свою постель в большом беспорядке. Беспорядок был красноречивей, чем дама, которая откровеннейше объясняла, чем, как и сколько раз они занимались, да Пендраковский ей не поверил.

Не поверил он и теперь, с ужасом глядя то на постель, то на даму, вползающую гремучей змеей в неприлично тесное платье. Не поверил, но к портмоне потянулся, смущенно спросив:

— Сколько я должен?

— Сотню, — обиженно отрезала дама, благополучно покончив с платьем и принимаясь за сетчатые чулки.

— Сто рублей? — уточнил Пендраковский.

— Еще «копеек» скажи! — гаркнула дама и, позволив себе непристойный жест, презрительно пояснила:

— Сто евро, козел!

— Так много? — Глаза Пендраковского совершили попытку

переселиться на лоб.

— Не много, а вдвое дешевле, чем остальным. Постоянным клиентам фирма делает скидки, — успокоила его дама и приказала:

— Быстро бабки гони, у меня еще четыре таких же, как ты, импотента.

Вежливо расплатившись, Пендраковский остался один на один со своими сомнениями. С одной стороны, крамольного он ничего не помнил, но, с другой стороны, дама раздета была. Совсем.

И постель!

Кто ее разобрал, если дама сидела в шкафу? И как она в квартиру попала? Ведь кто-то ее впустил.

Кто, если не сам Пендраковский?

И (самое главное!) как эта дама узнала про импотенцию? С импотенцией обстояло все так секретно, что он сам себе боялся признаться в этом недуге, а дама откуда-то знает!

Тут уж задумаешься — есть от чего. Больше всего Пендраковского беспокоила фраза, которую дама обронила, прощаясь.

— До встречи, — небрежно сказала она, стремительно выходя из квартиры.

Пендраковский вопросительным эхом за ней повторил:

— До встречи?

— Ну да, позвонишь как обычно. Номер ты знаешь, — бросила дама и была такова.

Вот вам загадка. Несколько дней Пендраковский пребывал в смутных сомнениях, задаваясь вопросом:

«Здоров ли я? Не сошел ли с ума?»

Припоминая визит юной дамы, он прислушивался к своему организму: нет ли сбоев еще?

Сбоев вроде бы не было.

Наконец он успокоился, заглянул в комнату отошедшей в мир иной прабабки, увидел свой наследственный шкаф и ушел в другие проблемы. Охваченный нестерпимым желанием иметь кабинет, он еще больше теперь хотел избавиться от старины. Пендраковский нашел другого оценщика.

На этот раз к нему явился благостный старичок с козлиной бородкой и голосом. Он проблеял с порога:

— Что будем смотреть?

И Пендраковский повел его к ненавистному шкафу.

Антиквар с порога восхищенно воскликнул:

— О! — и метнулся к пастушкам.

Желая рассмотреть горельеф, он решительно распахнул ближайшую

дверцу и...

И с воплем: «О боже!» — едва не сшиб Пендраковского с ног. Тот в ужасе закричал:

— Что, снова дама?!

И сильно ошибся: на этот раз в шкафу сидел симпатичный мужчина. Юный и голый.

— Вы кто?! — покрываясь холодным потом, спросил Пендраковский.

— Да ладно, противный, — кокетливо отмахнулся в ответ незнакомец, вылезая из шкафа и поражая всех своими размерами.

Разумеется, размерами в самом приличном смысле: с его комплекцией работать бы в кузнице, а не прятаться по пыльным шкафам.

Антиквар — застарелый, неисправимый «натурал», не понимающий голубых продвинутых веяний — в брезгливом ужасе и смущении вылетел из квартиры, а Пендраковский вынужден был остаться.

На этот раз он не стал препираться: рост, плечи и кулаки незваного гостя к лишним вопросам не располагали. Поэтому Пендраковский сразу спросил:

— Что я вам должен?

И с приятным изумлением услышал в ответ:

— Да ладно, противный, ты уже расплатился. Будто не знаешь, я беру вперед.

От такой наглости, от такого цинизма Пендраковского едва не стошнило. Однако он учел габариты мужчины и сдержался. Он простился с ним вежливо даже тогда, когда, цепенея, услышал;

— До скорого, пупсик, встретимся как обычно, я буду ждать.

Фраза наводила на грустные мысли. Пендраковский, свирепея, подумал: «Моя крыша съезжает, а чертов шкаф на месте стоит, будь он проклят!»

Желание избавиться от подарка прабабки стало столь нестерпимым, что Пендраковский готов был наброситься на несчастный шкаф с топором.

Слава богу, разум взял верх над эмоциями, и вскоре был приглашен новый оценщик.

На этот раз запуганный неудачами Пендраковский проявил осторожность и бдительность. Когда в квартире раздался звонок, он не сразу отправился к антиквару, а предварительно заглянул в «чертов шкаф» — иначе уже Пендраковский и не называл подарок прабабки.

Шкаф был пуст.

Облегченно вздохнув, Пендраковский подумал:

«Кажется, пронесло».

И смело открыл оценщику дверь.

Новый антиквар оказался здоровущим детиной.

Илья Муромец, Геркулес и Терминатор, вместе взятые (говоря языком современным), «не трепыхаются и отдыхают».

— Итак! — рявкнул детина и в предвкушении удовольствия проследовал к шкафу.

Пендраковский держался к антиквару поближе.

Тот скупно восхитился овечками, пастухами, пастушками и задорно спросил:

— А внутренности в каком состоянии?

— Мои? — отшатнулся хозяин.

— Ваши зачем мне?

— Ах, вы про шкаф.

Пендраковский хихикнул заискивающе и поспешно заверил:

— Внутренности сохранились отлично. Даже лучше, чем шкаф.

— Проверим, — сказал антиквар, решительно открывая дверцу.

Дальнейшее произошло молниеносно, Пендраковский даже не уловил, каким фантастическим образом улегся он у ног антиквара. В позе, весьма неудобной. Но не поза занимала его: горела щека. И не просто горела, а стремительно раздувалась, наползая на глаз.

Однако долго заниматься щекой Пендраковскому не позволили. Его подняли, внушительно потрясли и с криком: «Скотина! Ты все нарочно подстроил!» — пустили в высокий полет.

Согласно закону притяжения, полет завершился падением. Пролетев метров пять, Пендраковский приземлился в гостиной.

Теперь его мучило многое: боль в щеке, в пояснице, в боку и желание знать, почему он летает.

На первый взгляд причин для левитации не наблюдалось: крылья не выросли, а вес, напротив, за последние годы изрядно возрос.

Но (увы!) именно на свой взгляд Пендраковский и не мог положиться. Взгляд был неточным по причине затекшего глаза. Уже и второго.

А знать хотелось!

Очень хотелось знать, какая сила послала его, несчастного хозяина шкафа, в полет?

И что разожгло эту силу?

Оторвавшись от пола, Пендраковский дрожащими пальцами отвел с глаз распухшие щеки и не поверил этим глазам. Он увидел голую женщину.

Разумеется, незнакомую.

Бедняжка в ужасе металась по углам, а за ней галопом скакал

антиквар. Действие происходило в комнате покойной прабабки, в присутствии шкафа, из которого, похоже, дама и вылезла. В келье старушки шел жуткий выброс энергии. Стекла в окнах звенели, дрожали полы, шкаф ходил ходуном, антиквар же тыкал пальцем в сторону Пендраковского и осатанело вопил:

— Даша, что ты нашла в этом уроде?

Требуя у дамы ответа, ответить ей антиквар не давал, яростно возвещая:

— Скотина он! Импотент! Страшная рожа!

«И этот знает уже о моей импотенции, — загоревал Пендраковский. — Но к чему оскорбления? — вдруг обиделся он. — Я не скотина и совсем не урод. А рожа У меня вообще симпатичная».

И тут до него дошло, что антиквар эту женщину называет по имени — ну разве не удивительно?

Пендраковский поднялся с пола и, направляясь к месту баталии, наивно спросил:

— Простите, вы разве знакомы?

Антиквар выпустил из себя сноп огня (образно выражаясь) и проревел, тыча пальцем в голую Дашу:

— Эта сучка — моя жена!

Затем его палец изменил направление и уперся в грудь Пендраковского.

У того потемнело в глазах, — Она сучка, а ты скотина! — проревел антиквар, наводя свой страшный кулак на скулу Пендраковского.

Тот вжал голову в плечи, но удар был предотвращен нечеловеческим воплем раздетой Даши.

— Не смей трогать Валеру! — провизжала она, бесстрашно заслоня своей соблазнительной грудью оседающего на пол Пендраковского.

Опускаясь к плитусу, Пендраковский жалобно простонал:

— Женщина, мы незнакомы.

— Женщина? — поразила она и с угрозой спросила:

— Лерик, как ты меня назвал?

— Вот вам крест, я вас впервые вижу, — заявил атеист Пендраковский и лихорадочно начал креститься.

Антиквар и Даша остолбенели.

— Что ты сказал? — плаксиво проблеяла голая Даша. — Мерзавец, ты клялся в любви!

— Я вас вижу впервые, — упрямо повторил Пендраковский и дерзко добавил:

— Обоих.

Ответом ему была пощечина. Звонкая, но тяжелая.

За ней вторая. И третья. И четвертая...

Даша била, но он не плакал — плакала она.

— Ах, мерзавец! Мерзавец! Ты клялся в любви! — рыдала женщина.

Щеки его горели, еще бы!

Но еще больше горели бока, которые энергично (ногами!) охаживал антиквар.

Атеист Пендраковский, теряя сознание, горестно вопрошал:

— Господи, за что мне?! За что?!

И господь явился.

И тихо сказал:

— Валера, за шкаф.

«Точно, крыша поехала! — прозрел Пендраковский. — И во всем виновата бабуля!»

Глава 4

Когда Далила составила психологический портрет покойной Маши Верховской, она осознала, что в нежных отношениях сестер имелись скрытые сложности.

В Наташу были влюблены все друзья брата. Некрасивая Маша завидовала красавице старшей сестре.

Одновременно с этими не очень хорошими чувствами Маша испытывала благоговение перед Наташей. В Наташе ее восхищало все: задорные ямочки на щеках, субтильная худощавость, высокий рост, тонкие длинные ноги, жирафья горделивая грация медлительных спокойных движений. Даже глупая привычка сестры говорить невпопад нравилась Маше.

Спортивная крепкая Маша не пыталась подражать хрупкой изящной Наташе. Умная девушка быть смешной не хотела, но и смириться со своим положением не могла: Маша с Наташей соперничала.

Возникал вопрос: как она это делала?

Далила ответ быстро нашла и с сожалением констатировала, что этот ответ Верховскому категорически не понравится. Такой ответ он отвергнет вместе с Далилой. Верховский будет возмущен ее выводом, оскорблен и, конечно же, откажется от ее помощи.

"Стало быть, сей факт от Верховского придется скрывать, — решила Далила и озабочено заключила:

— Что значительно осложнит расследование".

Выяснив это, она отправилась в клуб в надежде застать там его «президентшу» и по совместительству подругу Наташи, Елизавету Бойцову.

Далиле повезло, Бойцова была в клубе, она бойко командовала садоводом. Компенсируя недюжинной силой голоса поразительную глупость своих команд, Елизавета с просветленным видом бодро вещала:

— Семеныч, этот фикус тащи под лестницу! Там у нас пусто и мрачно! Надо бы фикусом освежить!

Семеныч возражал устало и безысходно:

— Елизавета Давыдовна, это пальма, не фикус. Ей не выжить под лестницей.

— Почему это? — с напором, с угрозой осведомлялась Бойцова.

— Пальма в темноте не растет, — виновато пожимая плечами,

просветлял «президентшу» Семеныч. — Ее бы на солнышко.

— Ну ты даешь! Где в Питере солнышко брать? Ладно, фикус поставим у входа.

Далила с усмешкой наблюдала за Елизаветой Бойцовой, мысленно поражаясь: "Как Лиза умудряется одновременно любить цветы и не уметь их различать?"

Даже я вижу, что эта пальма не фикус, и даже я знаю, что нельзя пальму совать в темное место".

Но Елизавета, не замечая Самсоновой, намеревалась и дальше ее удивлять.

— Хватай алоэ и в бар тащи, — приказала она Семенычу.

Садовник аккуратно выбрал нужный горшок и тут же был остановлен:

— Не этот, а тот!

— Елизавета Давыдовна, — взвыл утомленный Семеныч, — вы же сказали «алоэ», алоэ я и несу. А в том горшке, на который вы указали, агава растет.

— Что-что? — презрительно осведомилась Бойцова.

Нервы садовника сдали.

— Агава маленькая, агавка! — рявкнул он раздраженно.

Тут Елизавета увидела наконец Далилу и с ходу пожаловалась:

— Видишь, что делается! Агавкают на меня все, кому только не лень!

— Нам нужно срочно поговорить, — постукивая наманикюренным ноготком по ручным часикам, сообщила Далила.

Воззрившись на садовника, Бойцова строго осведомилась:

— Справишься без меня?

Семеныч вздохнул с облегчением и, благодарно поклонившись Далиле, радостно возопил:

— Елизавета Давыдовна, конечно, я справлюсь!

Вы идите себе, президентствуйте, управляйте! А я тут тихонечко, по-стариковски...

— Да? Ну, тогда смотри, если что, без обид, — перебив его, предупредила Бойцова.

Она решительно проследовала в свой кабинет, грохоча каблуками и сердито ворча:

— Нигде без меня нет порядку, нигде, ну нигде.

Далила, послав ободряющий взгляд садовнику, посеменила за ней. Едва подруги вошли в кабинет, Елизавета начальничьим тоном спросила:

— По какому ты делу?

Сообщила Далила, лишь тщательно прикрыв за собою дверь:

— Я по секретному делу.

— Отлично! — обрадовалась Бойцова, усаживаясь за свой президентский стол. — Страсть как обожаю секретные дела! Надо бы мне работать в разведке...

Осененная внезапной мыслью, она вдруг сама себя перебила, азартно спросив:

— А как там братец Наташкин? Он к тебе приходил?

— Приходил, — кивнула Далила.

— Ты ему помогла?

— Пытаюсь помочь, потому к тебе и пришла.

Елизавета, резко подавшись вперед, упала силиконовой грудью на стол.

— А что у него? Импотенция? — возбужденно прошептала она.

— Хуже, гораздо хуже, — скорбно сообщила Далила, закатывая глаза и нарочно ввергая Бойцову в ужас.

Трюк удался.

— Импотенции хуже?! — поразилась Елизавета и окончательно разволновалась:

— Да что ж у него?! Неужели изменила жена?

— У него нет жены.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнула Бойцова и, выдав команду:

— Рассказывай! — приготовилась слушать.

Далила начала осторожно:

— Я заметила, вы в последнее время с Наташей Замотаевой очень дружны.

Елизавета яростно возразила:

— Да ладно! Не ревнуй! Ерунда! Ты по-прежнему единственная моя подруга!

— А в качестве кого ты опекаешь Наташу?

— Опекаю ее, как «президентша» новую «членшу».

— Новую? Наташа в нашем клубе давно, кажется, больше года, — вынуждена была напомнить Далила.

— Ерунда, — отмахнулась Бойцова. — Раньше она просто так к нам приходила, а в последнее время ей советы требуются. Ты же знаешь, я страсть как люблю советы давать. Между прочим, ты тоже ее опекала.

— Когда?

— Да неделю назад.

— Каким образом?

Елизавета радостно возвестила:

— Ты ей советовала тайно от мужа заняться бизнесом! А я одобрила твой совет!

— Мой совет? — поразились Далила. — Это твой был совет, а я рядом стояла.

— Значит, ты одобрила мой совет! — с пафосом поправились Елизавета и прозаично добавила:

— Всего не упомнишь.

— Я молча стояла, — ядовито вернула Далила. — Вы так трещали, что не дали мне рта раскрыть. Не понимаю, что ужасного в том, что ты дружишь с этой Наташей? Почему ты отказываешься эту дружбу признать? — удивилась она.

Бойцова сдалась без боя.

— Тебя не хочу расстраивать, — с наивной откровенностью призналась она.

— Да я только рада буду. Не суди по себе, — «брыкнулась» Далила.

Елизавета расплылась в самодовольной улыбке:

— Да, я ревнивая. Я такая. Я бы тебя ревновала, но ты не ревнуй.

— И не собираюсь.

— Зря ты ревнуешь, — пропуская заверения подруги мимо ушей, снисходительно продолжила Елизавета. — Наташка славная баба, но дура. Кой-какой капиталец имеет, а все равно живет у мужа на иждивении. Ей повезло, что она попала ко мне.

— В наш женский клуб, ты хотела сказать, — со змеиной улыбочкой вернула Далила, подумав: «Иногда меня страшно злит эгоизм Лизы и ее патологическая самовлюбленность. Нельзя же постоянно всем демонстрировать, что ты пуп земли, но, с другой стороны, мне ли злиться? Я еще хуже».

Не подозревая о мыслях подруги, Бойцова вдохновенно продолжила:

— Наташка овца, а вот ее Замотаев совсем не дурак. Посадил дома женушку, ее капиталец пригреб и по девочкам шастает.

— С чего ты взяла? — удивилась Далила.

— Да я уверена! — рявкнула Елизавета.

— И в самом деле, такой сногшибательный «аргумент» никак нельзя опровергнуть. А еще что-нибудь есть у тебя, кроме твоей уверенности?

Бойцова искренне поразились:

— А что еще надо?

— Хоть какой-нибудь фактик. Ну в крайнем случае сплетню, — смиренно подсказала Далила, с трудом скрывая улыбку.

Наивная самовлюбленность подруги перестала ее злить, теперь эта

самовлюбленность ее смешила.

— Сплетню? — задумалась Елизавета. — Сплетни нету меня...

Взглянув на Далилу, она рассердилась:

— Расскажи лучше про герхернудель! Приходит, голову мне морочит! Сама же на лекции говорила, что своим женам изменяют семьдесят процентов мужей, так с чего я должна думать, что Замотаев Наташкин счастливое исключение? Ты его видела?

— Нет.

— Тот еще боров!

— Умеешь ты приводить аргументы, — подивилась Далила. — Ну да ладно, о Замотаеве мы потом поговорим. Давай вернемся к Наташе.

— Наташка мне нравится, — мгновенно подхватила Бойцова. — Ее нельзя одну оставлять. Она как ребенок: доверчивая, наивная, беззащитная. Потому я шефство над ней и взяла. Она привязалась ко мне, как к матери. Из-за каждой мелочи бежит ко мне за советом.

Далила горестно сообщила:

— Лиза, это не Наташа, это ты наивный ребенок.

Зря восторгаешься своей Замотаевой, она тебя еще замочит вопросами. Уверяю, скоро тебе надоеет выдавать ей советы.

— Почему это?

— Потому, что она вампир. Она тебя начнет раздражать, как только ты выяснишь, что подшефная твоя никаким советам не следует. Ты уже жертва психологического вампиризма.

— Да ты что?!

— Наташа вампир, а ты ее донор. Она Беспомощная Личность — довольно частно встречающийся вид психологического вампиризма, — сообщила Далила, приготовившись слушать старую песню о ревности.

Однако Бойцова свято верила в компетентность подруги и к словам Самсоновой отнеслась очень серьезно.

— И что теперь со мной будет? — меняясь в лице, спросила она.

Далила ее успокоила:

— Ничего страшного. Наташа уже присосалась к тебе, но ты же не умерла. Дальше она будет пить твою кровь, потихоньку, малыми порциями. Разумеется, иносказательно, а не в прямом смысле.

— Ясное дело. А как это будет происходить? — поеживаясь, осведомилась Бойцова.

— Да все так же, как уже происходит. Только пока тебя это радует, но в ближайшее время начнет бесить.

Игра, которую ведет Беспомощная Личность, называется «Почему бы

вам не?...» — «Да, но...» Она будет предлагать тебе ситуации, ты их будешь с жаром решать, она — отклонять все решения. И как бы ты умна ни была, Наташа-вампир тебя победит. Вступая в ее игру и выдавая ей психологические «поглаживания», ты начнешь раздражаться, а ей только того и надо.

Она питается чужой энергией. К тому же она начнет перекладывать на тебя ответственность за все свои неудачи. Это позволит ей почувствовать над тобой свое превосходство. Короче, — заключила Далила, — вампиры извлекают из донора множество положительного. Долго перечислять.

— И как же мне быть? — растерянно спросила Елизавета.

— Отказаться от роли Родителя. Перестань давать ей советы.

Бойцова подошла кардинально к проблеме.

— Я с ней вообще перестану дружить, — заявила она.

— А вот этого делать не надо.

— Почему?

Далила шепотом сообщила:

— Потому что я подозреваю Наташу в убийстве младшей сестры.

Глава 5

Услышав сообщение Далилы, Елизавета едва не выпала из своего дорогого кресла — так рискованно качнулась она вперед, ажиотажно воскликнув:

— Не может быть!

— Значит, ты уже слышала о младшей сестре Замотаевой, — мгновенно сделала вывод Далила.

— Да, Наташа рассказывала мне о своей покойной сестре, — призналась Бойцова. — Но у меня сложилось впечатление, что она сестру обожала. Наташка до сих пор жутко страдает, а ведь времени прошло много со дня смерти Маши. Могла бы и позабыть.

Далила предположила:

— Возможно, именно муки вины и раскаяния не позволяют ей позабыть сестру.

Елизавета восстала:

— Да с чего ты взяла, что Наташка убийца? Ничего себе обвинение. Я не верю. Ты точно ревнуешь.

— Началось, — рассердилась Далила. — Хочешь на меня повесить ярлык?

— Нет, конечно, — испугалась Бойцова.

— Тогда внимательно слушай.

Далила рассказала подруге о проблеме Верховского и о выводах, которые она сделала из ответов, полученных на свои вопросы.

— Составляя психологический портрет Маши, — сообщила она, — я имела возможность окунуться в ауру семьи Верховских и поняла, что семья эта весьма невротична.

Елизавета фыркнула:

— Нашла чем удивить. В наше время почти все невротики, так какие у них будут семьи? Само собой, невротичные.

— К сожалению, ты права, урбанизация не оздоровила психику человека, — согласилась Далила. — Общение — это психологическая борьба, необходимая человеку. Но у нас этой борьбы слишком много. В большом городе люди искры высекают друг из друга.

— Какие там искры, — посетовала Бойцова, — гранаты друг в друга бросаем. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. И не только психологическая, а уже и физическая. Вулканы гнева извергаем на

родственников, соседей, сотрудников. Хотим друг за другом успеть, от жадности осатанели, тянем к себе все подряд, рвем из глотки у брата.

— Именно, — подтвердила Далила, — а потом расплачиваемся за это соматическими расстройствами: язвой, гастритом, астмой, дерматитами, гипертонией.

Болезней не счесть, и все болезни от нервов. На тебя, Лизонька...

Запнувшись, Далила подумала и махнула рукой:

— Впрочем, на любого бизнесмена, на любого крупного менеджера можно смело вешать табличку:

«Меняю здоровье на баксы». Увы, это так. Без работы я не останусь.

Елизавета схватилась за голову:

— Я живу только твоими молитвами. Со здоровьем положение катастрофическое у всех. С ума сойти, гипертония у нас молодеет! Моему лучшему специалисту всего двадцать семь, а давление у него сто восемьдесят на сто десять. И все из-за нервов. Сама знаешь, бизнес в нашей стране весь насквозь экстремальный.

— Знаю, — кивнула Далила и продолжила:

— Так вот, вернемся к Верховским. Своим не правильным воспитанием родители (ныне покойные) сформировали из дочерей психологических вампиров. Ты уже в курсе, что вампиры живут по сценарию.

— Да, я до сих пор в восторге от той твоей лекции.

Я столько про всех узнала! Та лекция всем «членшам» понравилась, — отметила Елизавета.

— Спасибо, родная, — поблагодарила Далила, — но все же я напому. Вампирам кажется, что они сами строят свою судьбу, но их будущее предопределено их невротическим состоянием. Вампиры конфликтуют с собой и с окружающими. Едва они выйдут из одной ситуации, а их уже поджидает другая, точно такая же. Поэтому они предсказуемы. И именно поэтому у меня появилась уверенность, что смогу разгадать тайну гибели Маши.

— Потому что она вампир?

— Да. Маша жила по сценарию Золушки, а Наташа — по сценарию Принцессы на горошине. К тому же Наташа, как я уже говорила, еще и Беспомощная Личность.

— Двойной вампир, — ужаснулась Бойцова. — А выглядит очень мило.

— Принцессы на горошине именно так и выглядят на первых порах. Они талантливы, артистичны, красивы, любят внимание и старательно его

к себе привлекают. Но не стоит обманываться. За привлекательной личиной скрывается эгоистка, причем жестокая в своей самовлюбленности. Вампирью сущность Наташа еще проявит.

Елизавета насторожилась:

— Каким это образом?

— Суди сама. Принцессе на горошине незнакомо чувство благодарности. На словах она признает чужую полезность. Если ей это выгодно, разумеется. Но на самом деле она приуменьшает чужие заслуги и преувеличивает свои. Принцесса на горошине считает себя подарком. Ей все должны уже за то, что она (такая прекрасная) просто живет на свете. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как она через тебя начнет руководить клубом, а потом и вовсе попытается захватить власть. Она изобретательно всех рассорит и всех во всем обвинит, поднимутся склоки, начнется распад.

Ведь Принцесса на горошине любит находиться на гребне событий, чего сейчас ей катастрофически не хватает. Наташа сидит дома, ее Замотаев окончательно замотался. Бизнес его процветает, ему явно не до жены.

— И поэтому она приперлась в мой клуб! — возмутилась Бойцова. — Хочет развлечься за мой счет!

Далила, грустно покачав головой, сообщила:

— На самом деле у Принцессы на горошине благородная цель, она хочет любви, восхищения. К сожалению, добивается этого светлого чувства она отвратительными приемами: с помощью подкупа, взывания к жалости, борьбы за справедливость, угроз, шантажа.

Впрочем, все, кроме подкупа, по сути, тоже шантаж.

Эмоциональная Елизавета, хлопнув себя по колену, с чувством воскликнула:

— Ха! Шантаж ради любви!

— Для нее любовь — это лишь власть над окружающими. Теперь можешь представить, как жилось бедной Маше рядом с такой сестричкой.

— Ужас! — содрогнулась Бойцова. — И все же мне кажется, зря ты Наташку подозреваешь в убийстве сестры.

Далила ее успокоила:

— Я подозреваю не одну Замотаеву.

— Кого же еще?

— Всех друзей Андрея, ее старшего брата. Я абсолютно уверена, что среди его друзей обязательно есть вампиры. Андрей тоже вампир, а вампиров тянет к подобному. Правда, Верховский, можно сказать, бывший вампир. Он Вечный Принц, который добился успеха и стал Королем. Если

сейчас ему не помочь, он потеряет бизнес и вновь превратится в Вечного Принца. И, боюсь, заболеет уже серьезно. Но пока еще все поправимо.

Елизавета, нетерпеливо тряхнув головой (бог с ним, с Верховским), спросила:

— Но с чего ты решила, что убийца кто-то из близких? Вампиры вампирами, я сама у себя нахожу иногда вампирьи черты, но речь идет об убийстве.

— Именно об убийстве, — подтвердила Далила.

— Тогда это слишком серьезное обвинение. Верховские из очень приличных кругов, а Машу убил подонок! Страшно даже представить: умная милая девушка, пирог испекла, стол изящно накрыла, принарядилась, гостя ждала в свой день рождения. Все так трогательно, и вот пришел подонок и вlepил пулю в лоб имениннице, чистой, ни в чем не повинной девушке. Жуть, — содрогнулась Бойцова и заключила:

— Нет, убил ее кто-то совсем чужой. Маша могла познакомиться с кем угодно и где угодно. Она была слишком юная, не разбиралась в людях. Молодежь сейчас ценит отвязность, вот и нарвалась. Мало ли маньяков на свете.

Далила сокрушенно вздохнула:

— Именно с такой позиции начинал свой поиск и тот детектив, которого нанял Верховский.

— Ото! Верховский нанимал детектива? — поразила Елизавета.

— Да, когда убедился, что милиция в этом деле бессильна. Детектив разыскал множество ненужных знакомых покойной и проделал большую работу. К сожалению, эта работа мало мне пригодится.

— Но почему?

" — Дело в том, что познакомиться с кем угодно и влюбиться в кого угодно Маша никак не могла. Она была всецело поглощена совсем другим занятием.

Бойцова скептически осведомилась:

— Каким же?

— Совершенно очевидно, что в красавицу Наташу были влюблены все друзья Андрея Верховского. А на дурнушку Машу они не обращали внимания. Именно поэтому Машу интересовали только парни старшей сестры. На любого, в кого влюблялась Наташа, Маша тут же объявляла охоту.

— Ерунда. Маша была девушкой самых высоких принципов. С чего ты взяла, что она могла позволить себе отношения с парнем сестры?

— Следи за логикой, — попросила Далила. — Ты верно подметила,

что Маша стремилась жить в рамках высокой морали. К этому стремятся все Золушки. Все они руководствуются лучшими идеями: всецело отдаются служению друзьям и любимой семье. Но как раз тут-то и кроется заковыка.

— Какая же? — осведомилась Елизавета, накрытая новой волной скептицизма.

— Если верить словам Верховского, да и самой Наташи, Машу абсолютно не интересовала любовь.

Разве в ее возрасте это нормально? Девушке исполнилось восемнадцать лет в день ее смерти. Можешь ты допустить, что такая юная особа совсем не думает о парнях?

Такого даже мужененавистница Бойцова допустить не могла, а потому она неуверенно произнесла:

— Пусть так, Маша думала о парнях и согласно твоей логике это скрывала. Но вовсе не обязательно друзей ее старшего брата сюда приплетать. И совсем глупо приплетать к убийству Наташку.

Далила мученически закатила глаза:

— Я что, нарочно ее приплетаю, Наташку твою?

Однако как ты ее защищаешь!

— Да, защищаю, потому что поверить не могу даже в то, что Наташка вампириша. А убийство совсем в голове не укладывается, — призналась Бойцова и пояснила:

— Мозгами понимаю, что насчет вампириши ты вроде права. Я и сама замечала, что Замотаева фальшивит, косит под дурочку, иногда нагло льстит, но в целом она просто душка. Умом-то я осознаю, что Наташка опасна, раз ты говоришь, а сердцем эту информацию принять не могу. Она все равно мне симпатична.

— Хорошо. Тогда ответь на такой вопрос: почему Маша должна была скрывать свой интерес к парням?

Строгость брата здесь ни при чем, — предотвращая возражения подруги, сказала Далила. — Наташа своих влюбленностей не скрывала, а разница в возрасте у сестер невелика. Верховский утверждал, что сестры откровенничали друг с другом. Да и Наташа говорила о доверительных отношениях с младшей сестрой.

— Да, я знаю.

— Тогда почему Маша скрыла важнейший эпизод своей жизни? Ладно, от Верховского скрыла, но от сестры!

Вопрос поставил Лизу в тупик.

— И в самом деле, зачем Маше скрывать свои чувства? — спросила она у Далилы. — Когда влюбляешься, с утра до вечера готова трещать о

любви. Даже я в юности была такой дурой. Уже и слушать меня никто не хотел, а я все трещала. Аж противно теперь вспоминать. Ну и почему Маша скрывала? — с интересом осведомилась она.

— Ты что, не слышишь меня? Согласно логике я вижу только одну причину: чувства Маши были направлены на возлюбленного сестры. Если найдешь вторую причину, буду тебе благодарна, — искренне (без всякой иронии) сообщила Далила.

Бойцова нахмурилась:

— Попробую поискать.

— Попробуй. Я уже пробовала, но у меня не получилось. Не нашла.

После минутной паузы Елизавета вдохновенно воскликнула:

— А что, если Маша влюбилась в преступника?

Скажем, в вора, в братка. Если ее избранник из низших слоев, ей было бы стыдно признаться сестре.

— Во-первых, по нашей жизни воры и эти, как ты их называешь, братки, совсем не из низших слоев, а скорее из высших — так все перед ними пляшут и пресмыкаются. Но влюбиться в явного подонка умная Маша никак не могла, а в простого парня — пожалуйста. Это в характере Золушки.

— Ну, что я говорила! — возликовала Бойцова — Золушка могла влюбиться в простого парня, но Маша как раз не влюбилась, — возразила Далила. — Я абсолютно в этом уверена.

— Но почему?

— Да потому, что Маша — Золушка. Золушка очаровательна: жертвенна, трудолюбива, скромна, безропотна. Если она влюбляется, окружает избранника вниманием и заботой. Не дай бог, у него проблемы, она не останется в стороне, а мгновенно подставит плечо. Золушки не боятся чужих проблем и способны на жертвы. Исходя из этого, давай анализировать. Ты предположила, что избранник из простых парней, следовательно, какие у него просматриваются проблемы?

— Как минимум отсутствие денег или хорошей работы, — не задумываясь, выпалила Елизавета.

— Правильно, — согласилась Далила. — А Верховские отнюдь не бедны и с обширными связями. Так могла ли наша Золушка-Маша не воспользоваться возможностями семьи ради любимого? Золушка на все готова ради любимого. Так неужели ты до сих пор думаешь, что Маша могла испугаться каких-то насмешек?

— Вряд ли, — усомнилась Бойцова. — Уже так не думаю.

— Маша непременно обратилась бы за помощью и к брату, и к его

друзьям, благо, все они уже тогда процветали. Кстати, вот тебе эпизод ее жизни. В двенадцать лет Маша влюбилась в дядю Васю, дворника, и любви своей не скрывала. Она повела себя как настоящая Золушка: со слезами умоляла папу (он был директором крупной фирмы) устроить алкоголика-дворника «каким-нибудь хорошим начальником».

— Детская непосредственность с возрастом исчезает.

— У Маши она почти сохранилась, что не мешало ей оставаться сложной натурой. Кстати, Маша еще и принципиально никогда не лгала. Повторяю, мораль этой девушки была на редкость, по нашим временам, высока, — с уважением отметила Далила, чем рассердила подругу.

— Хороша мораль! — фыркнула Елизавета. — Ты меня убедила, такая Маша могла скрывать только чувства к парню Наташки, но куда делась мораль этой Золушки? Ха, у старшей сестры парней отбивать! Если так, стерва она, твоя хваленая Маша!

— Увы, человек — сложное и противоречивое существо. Наукой установлено, что в корне любого невроза лежит конфликт морали и желаний. Человек хочет чего-то, но его характер и жизненные принципы говорят: так нельзя! Именно они не позволяют человеку удовлетворить потребность.

— О! Это так! — с жаром подтвердила Бойцова. — Если бы не мои принципы, я бы весь Питер за пояс заткнула!

Вдруг ее осенило:

— Так что же, выходит, меня ждет невроз?

Далила невозмутимо продолжила:

— Карен Хорни выделила три основных противоречия. Первое противоречие — между стремлением к успеху и человечностью. Это как раз то, о чем ты переживаешь.

— Да, я не хочу брать за глотку, не хочу быть агрессивной, но ведь приходится, иначе затопчут. А в душе я беленькая и пушистая, — поплакалась Лиза.

Далила вынесла приговор:

— Это уже конфликт. Второе противоречие, — продолжила она, — это противоречие между стимуляцией потребностей и невозможностью их удовлетворения. Мода, реклама призывают купить, а купить невозможно. Вот тебе и новый конфликт — путь к неврозу.

Бойцова сочувственно возмутилась:

— А как без нее, без рекламы?! Сама ведь даю!

И тут же посетовала:

— Наживаются на мне, сволочи, бередят мою душу и здоровью вредят.

Покопавшись в ящике, она бросила на стол журнал:

— Вот, взгляни на проспект. Красный кабриолет — закачаешься! Двести тысяч евро! Хороша я в нем буду в красной карденовской шляпе с белым пером?

— Будешь неподражаема, — усмехнулась Далила.

Елизавета пожаловалась:

— Во запала! Каждый день этот проспект из стола достаю и себя извожу. Как посмотрю, под ложечкой сразу сосет. Того и гляди наживу или гастрит, или язву. Придется бюджет подкосить и купить, — вздохнула она и сквозь зубы добавила:

— Пора сажать за рекламу. На каждом шагу искушают. Я на диету, а они мне шоколад предлагают. Я что, железная? Какая выдержит воля? А вот еще проспект. Посмотри, какие тут виллы! Мама родная! Я точно умру! — схватилась за сердце Бойцова.

Далила (уже без усмешки) заметила:

— Человек гонится за достойным образом жизни и обязательно заболевает. Реклама наносит чудовищный вред человеку, это бесспорно, но кто слушает нас, психологов?

— Ладно, фиг с ней, с рекламой, — махнула рукой Елизавета. — Третье противоречие давай.

— Третье противоречие по Карен Хорни — это противоречие между ощущением безграничной власти в отношении собственной судьбы и чувством незащищенности и беспомощности. Общество убеждает: ты свободен, тебе все доступно, только работай. На самом деле человек не может выбрать себе даже родителей, не говоря уже обо всем остальном: жене, работе, доме, отдыхе и одежде. Как вынужден поступать человек?

Елизавета с компетентностью бизнесмена возвестила:

— Человек плюет на совесть и рвет от жизни куски пожирней.

— А на совесть безнаказанно плюнуть нельзя, — сообщила Далила. — Говоря иными словами, невроты и соматические заболевания (сердечные болезни, язва желудка, мигрень, полиартрит, хроника легких и т. д.) возникают у человека с нечистой совестью. Поэтому все Золушки рано заболевают и чаще именно соматическими заболеваниями. Они очень тревожные, переживательные и слишком много работают. Маша такой и была: внешне спортивной и сильной, но часто простужалась. Судя по всему, от своей непорядочности она очень страдала, но поделаться с собой ничего не могла.

— Вот те на! Она еще и страдала! Тогда почему Маше приспичило влюбляться в парней Наташки? — изумилась Бойцова. — Ей что, не

хватало других парней?

— Увы, Маша была охвачена сложной, противоречивой и очень болезненной гаммой чувств. У подростков так часто бывает. Маша была некрасива, а рядом живет красавица. Маша соперничала с Наташей. Она ей жутко завидовала и одновременно ее презирала.

Она ревновала ее к парням и подсознательно к ним стремилась сама.

— Зачем? — поразились Елизавета.

Далила, вздохнув, развела руками:

— Увы, чтобы разрушить новый роман Наташи.

Так проявлялся ее вампиризм. Маша хотела властвовать над сестрой.

— Что за сдвиг?

— Она Золушка, следовательно, собственница.

Собственность Золушки обычно семья. Но Маша не верила, что в нее кто-то влюбится по-настоящему, она поставила крест на себе как на женщине. Такой взгляд на себя — трагедия для любой девушки, но для Золушки это чрезвычайно мучительно. Ведь Золушка должна хлопотать, должна о ком-то заботиться. Не надеясь выйти замуж. Маша признала собственностью сестру и брата, а собственность должна принадлежать лишь хозяину, лишь ей, Маше. А тут какие-то парни, поклонники. И Наташа им свою любовь отдает.

— А Наташка еще по ней убивается. Да она заела бы Наташкину жизнь, — ужаснулась Бойцова и, кручинясь, добавила:

— О, люди — порождения крокодилов!

Пожав плечами, Далила заметила:

— Жизнь Золушки тоже счастливой не назовешь.

Вампиры вредят не только донорам, но и себе. Маша очень много трудилась, чтобы доказать своим родственникам, как она им необходима. Естественно, она боялась потерять свою власть. Несмотря на то что Маша в семье самая младшая, на ней держался весь дом.

Она привыкла заботиться о брате и Наташе. Наша Золушка была этим счастлива и мила. Но как только возникала опасность потерять это счастье, покладистость исчезала. Оберегая свои интересы, Золушки бывают очень жестокими.

Впечатленная, Елизавета спросила:

— Но как некрасивая Маша могла отбить парня у красотки Наташи?

— Элементарно, — рассмеялась Далила. — Не забывай, Маша умна. К тому же Золушки очаровательны, их обычно все любят. В отличие от Наташи Маша не проявляла эгоизма в открытую. Она могла внимательно выслушать, посочувствовать, поддержать и советом, и делом. Это оружие.

Им Маша пользовалась очень умело, одновременно стараясь себе доказать, что она лучше красотки Наташи. И все это протекало на фоне обожания старшей сестры. Старшая сестра была кумиром для младшей. Эти сложные противоречия, естественно, порождали вражду.

Елизавета запротестовала:

— Что угодно, только не это. Вот здесь ты ошибаешься. Сестры не враждовали, в этом я абсолютно убеждена.

Далила завершила:

— Враждовали, но неосознанно.

Бойцова опять восстала. Сузив глаза, она ядовито поинтересовалась:

— Откуда ты знаешь? Ты эту Машу ни разу не видела и с Наташей общалась не больше трех раз, а уже судишь об их отношениях. Да еще так уверенно. Психология психологией, но и я не глухая. Наташка до сих пор обожает сестру. Слышала бы ты, какие она ей дифирамбы поет. Если уж речь зашла о кумирах, то скорей наоборот, это Маша была для Наташки кумиром.

— Подруга твоя сама мне все приоткрыла, — пояснила Далила, вытаскивая из сумочки тетрадку с ответами Замотаевой. — Вот, смотри, что она пишет.

Я спросила, ругались ли сестры? Наташа пишет: «Поругивались иногда». Я спрашиваю: «Кто был зачинщик?» Она пишет: «Маша всегда нападала». Я спрашиваю: «Употребляла ли Маша ругательства и, если употребляла, какие?» Она пишет: «Говорила, что у меня дырки в щеках, щепкой меня обзывала, каланчой и жирафой».

Елизавету ответы не впечатлили:

— Ну и что?

Далила терпеливо продолжила:

— Еще Маша любила подшучивать над сестрой.

Знаешь этот старый прикол?

— Какой?

— "Девушка, у вас нитки из-под юбки болтаются!

Ой, пардон, это ваши ноги!"

— Ну и что? — раздраженно повторила Бойцова. — Все сестры друг дружку подкалывают.

— Совершенно верно, — согласилась Далила. — И по тому, как они это делают, можно составить впечатление и о них самих, и об их отношениях. — Елизавета сдалась и, обреченно махнув рукой, скомандовала:

— Составляй впечатление.

— Золушки стараются всем понравиться и всем угодить. Колкость, задиристость, вредность — это не их стиль. Следовательно, Маша не могла намеренно обижать сестру. Но Маша не ангел, и у нее бывали вспышки обиды, гнева и раздражения. Тем более что Наташа умеет все это вызывать. И вот тут-то получается интересная штука: ругая сестру, Маша практически признавалась той в своей зависти и, как это ни парадоксально, в любви.

Бойцова схватила за голову:

— А теперь ты меня запутала окончательно!

— Следи за логикой, — попросила Далила. — Если Маша тактичная и добрая девушка, разве может она "сделать больно сестре?"

— Неосознанно может.

— Правильно. Когда сестры ругаются?

— Когда не согласны с чем-то, когда хотят выразить свой протест, когда хотят чего-то добиться, — добросовестно перечислила Елизавета.

Далила добавила:

— И когда все, тобой упомянутое, накопилось в душе и перешло в раздражение. Все, о чем ты сказала, у таких, как Маша, умных и сдержанных, вызывает желание разобраться. В ход идут не ругательства, а аргументы. А вот запас раздражения мог утопить ее рассудительность в сильных эмоциях. Тут уж трудно удержаться от ругательств и Золушке. Но даже в такие моменты Маша себя контролировала. Она боялась обидеть сестру.

Бойцова всплеснула руками:

— Ну с чего ты взяла? То она сестру предавала, то обидеть ее боялась! Что вы за люди, психологи! Как начнете тень на плетень наводить — крыша едет!

— Никакая не тень, — рассердилась Далила. — Все ясно, как в солнечный день. Наташа красивая женщина, но разве нет у нее недостатков?

— Да сколько угодно! — радостно сообщила Елизавета. — У нее глаза даже разные: один — больше, другой — меньше. И как она ни пытается исправить разницу макияжем, все равно это сильно заметно.

— Однако Маша этой разницы вроде не замечает.

Глазами она ни разу не подковырнула сестру. Следовательно, наша Золушка боялась сделать Наташе больно даже тогда, когда с трудом себя контролировала.

Но и сдержаться она не могла. Потому и получалось, что, ругая сестру, Маша практически признавалась ей в своей зависти и, как это ни

парадоксально, признавалась в любви. Можно ли Наташины ямочки в щеках назвать дырками?

— Конечно, нельзя, — с большой неохотой отозвалась Бойцова.

Далила подытожила:

— Следовательно, именно такие ямочки хотела иметь Маша. Дразня щепкой Наташу, она завидовала ее стройности. Называя каланчой, завидовала ее росту.

Сравнивая же сестру с жирафой, она уже не ругала ее, а делала ей комплимент. Всем известно, как величественно грациозны жирафы. Ну что, я убедила тебя?

Елизавета ответила на вопрос вопросом:

— Ты не помнишь, как я ругаю тебя?

— Когда ты на меня злишься, обычно говоришь:

«Слишком ты умная», — с улыбкой сообщила Далила.

— Это что же выходит, — растерянно пропела Бойцова, — я завидую, что ли, уму твоему?

— Не смею настаивать, но выходит, что да.

— Но ведь я уж точно умней тебя-то! Я же богаче!

Далила виновато пожала плечами и ядовито произнесла:

— Подсознание — штука весьма объективная. Под сознание не проведешь.

— Да ладно! — рассердилась Елизавета. — Про герхернудель лучше мне расскажи!

— Про герхернудель я ничего не знаю, а про Беспомощную Личность Наташу скажу: своими жалобами и вопросами она раздражала сестру и провоцировалась на плохие поступки. Маша обожала Наташу и одновременно вела с ней борьбу. Но, с другой стороны, Наташа тоже любила Машу и в то же время завидовала ей.

— Это в чем же?

— Наташа осознавала, что интеллектуально уступает младшей сестре. Я предполагаю, что Наташа учуяла и разгадала интригу Маши, она всячески приглашала сестру к борьбе. Между ними установилось негласное соревнование «кто кого». Сестры схватились на поле любви: между ними началась битва, но за кого? Кто самый лакомый кусочек? Конечно, друзья Верховского. Обе сестры боготворят старшего брата и обожают, а он любит и уважает своих друзей. Андрей явный лидер, все к нему тянутся, значит, в доме полно гостей. Ты согласна со мной?

— Похоже на правду.

— Я уверена, между сестрами шла борьба за всех друзей брата. Обе

сидели внимательно и придирчиво, кого парни выделяют? Кому отдадут предпочтение?

Наташа красива, а Маша добра. Но был среди них один, кого обе любили. И вот тут-то кроется разгадка тайны. Тайны, которая не дает покоя Верховскому.

Елизавета охнула:

— Хочешь сказать, что Маша пострадала именно в этой борьбе?

— Из-за чего она пострадала, мне еще предстоит узнать, но убийцу найти мне поможет именно борьба двух сестер, — уверенно сообщила Далила.

— Каким образом?

— С помощью психологии. Одно дело утереть нос старшей сестре, стянуть на себя внимание ее обожателей, и совсем другое дело — любовь. Маша влюбилась.

А в кого Золушка может влюбиться?

— Только в принца, — рассмеялась Елизавета.

Далила подняла вверх указательный палец и воскликнула:

— Именно! Ты пошутила и невольно попала в цель.

Золушки действительно чаще влюбляются в принцев.

В нашем случае — в Вечных Принцев. Еще в Алкоголиков или Деловитых Страдальцев. Заметь, все вампиры. Кстати, для Принцесс на горошине эти невротические личности тоже весьма привлекательны.

— Давай ближе к делу, — перебила Далилу Бойцова, взглянув на часы. — От меня ты хочешь чего?

— Буду с тобой откровенна. Как по-твоему, зачем я это все рассказала?

— Не знаю.

— Чтобы тебе стало ясно, как велики мои основания в ожидании успеха.

— Успеха в чем? — удивленно осведомилась Елизавета.

— В расследовании Я буду искать не просто убийцу, а человека, чей портрет мне знаком. Психологический портрет, разумеется. И ты должна мне помочь.

— Ну, нет, только не я! — запротестовала Бойцова. — Знаешь сама, как страшно я занята. И вообще, терпеть не могу сплетничать и подслушивать — Ты всегда так говоришь, а потом и сама не замечаешь, как входишь во вкус. Но в этот раз тебе не придется ничего особого делать. Ты все равно в клубе часами с Наташей болтаешь, а теперь будешь болтать не впустую, а с целью. С полезной целью.

— Полезной кому?

— Всем порядочным людям, которые имеют к Верховским хоть какое-то отношение.

— И о чем я должна болтать? — нервно осведомилась Бойцова.

Далила ее успокоила:

— О ерунде. Где сама пооткровенничаешь, где Наташу расспросишь. Глядишь, и выявим возлюбленного обеих сестер.

— А ты не могла бы сама ее расспросить?

— Я для Наташи чужая, а к тебе она тянется. Тебе легче ее расспрашивать. К тому же я не уверена, что она станет со мной откровенничать о друзьях старшего брата.

— Выходит, ты хочешь знать только это.

— Не только это. Мне важно все, но найти Вечного Принца самое главное. Я уверена, он убийца.

Елизавета поразились:

— Но с чего ты взяла, что убийца именно Вечный Принц? Ты же говорила еще про Алкоголика и про Деловитого Страдальца. Может, Маша в кого-то из них влюбилась. И потом, она что, обязательно в этих вампиров влюбиться должна была? И почему именно в вампиров? Ей что, обычные парни не подходили?

— Не подходили. Исключения, конечно, бывают, но редко, — развела руками Далила. — Золушки чаще выбирают вампиров, причем тех, которых я перечислила.

Елизавета с напором спросила:

— Но почему ты ищешь Вечного Принца? Я так и не поняла.

— Суди сама. Алкоголиком никто из друзей Верховского не был. Деловитый Страдалец тоже отпадает.

Друзья Верховского слишком успешны, значит, заняты своим делом. А у Деловитого Страдальца как раз в том и трагедия, что он загубил свой талант, посвятил себя не тому, к чему склонен.

— А вот тут ты не права, — возразила Елизавета. — Друг Верховского, Гоша Кроликов, ведь он сын дипломата и дочка большого ученого, а кем стал? Знаешь, кто он сейчас?

— Телохранитель Павла Замотаева, — спокойно сообщила Далила.

— Правильно, мужа Наташи. И как, по-твоему, разве Кроликов сделал карьеру? Парень из приличной семьи, а кулаками на жизнь промышляет. Наташа мне рассказывала, как переживают родители Гоши, как долго они не могли смириться с его бездарностью.

Чем это тебе не Деловитый Страдалец?

— Уж он-то точно не Деловитый Страдалец, Гоша как раз свое дело

нашел. К тому же Кроликов пышет здоровьем, а Деловитый Страдалец, он потому и страдалец, что склонен жаловаться и болеть. Он потому и Деловитый, что всегда в делах, а Гоша не любит работать.

— Какие его годы, заболел еще, — «щедро» пообещала Бойцова.

— Хорошо, — согласилась Далила, — допустим, болеть ему еще рано. Страдальцы обычно начинают страдать годам к сорока, когда осознают, что не тем занимались и жизнь прожита бездарно. Но трудолюбие — их конек. Глядя на Деловитого Страдальца, создается впечатление, что на нем все ездят.

Елизавета разочарованно сообщила:

— Видела я Гошу Кроликова, на нем не поездишь.

Далила заключила:

— Следовательно, и Деловитый Страдалец у нас отпадает. Остается один Вечный Принц. За него говорит и тот факт, что Верховский сам был Вечным Принцем. Сестры обожают старшего брата?

— Обожают. Наташка уж точно, — подтвердила Елизавета.

— И Маша любила Андрея, это бесспорно. Следовательно, черты Вечного Принца для обеих сестер привлекательны. А из этого следует, что обе сестры влюбятся в того из друзей брата, который окажется Вечным Принцем. Я убедила тебя?

— Убедила, — нехотя проворчала Бойцова и, вдруг оживившись, воскликнула:

— А зачем я у Наташки про друзей буду выпытывать? Ты что, сама не можешь познакомиться с друзьями Верховского? Сама их и протестируешь.

Далила смахнула со лба прядь и пояснила с терпеливой усталостью:

— С друзьями Верховского я обязательно познакомлюсь, но вряд ли они согласятся тестироваться. Да я и не стану им предлагать.

— Почему?

— Глупо их настораживать. Выявить Принца беседами вряд ли удастся. Вечный Принц мог стать Королем, это бывает. Бывают и скрытые Принцы. Короче, мне нужны их биографии и воспоминания окружающих. Чем больше информации, тем точнее будет моя оценка. Как друга прошу, Лизеночек, помоги.

Елизавета сдалась:

— Хорошо, я согласна. Говори, что я делать должна.

Далила обрадовалась:

— Делать ничего не придется. Теперь, когда ты все знаешь, побольше говори с Замотаевой о сестре, о друзьях старшего брата. Говори и внимательно наблюдай, не промелькнет ли в ее рассказах чего полезного

для меня.

— А портрет Вечного Принца ты мне нарисуешь?

— Обязательно. Он всегда подает надежды. В школе — отличник и любимец учителей. В одноклассниках, разумеется, возбуждает зависть. В институте — все время рвется выступить на научной конференции.

У него все получается. Сверстники Вечных Принцев за это, конечно же, недолюбливают. Он полон идей, вечно в поиске, часто меняет увлечения, лезет на передний план, и небезосновательно. Он способный.

— Отличный парень, — поразилась Елизавета, — в чем же его проблема?

— Настоящие проблемы у Вечного Принца начинаются годам к тридцати пяти. Он все еще подает надежды, так ничего и не добившись. Вот когда точно выяснится, что он не состоялся. Хватаясь за все, он все бросает. Его губит талант, он привык, что ему все легко дается. Но всякое дело требует напряжения, а Принц как раз напрягаться-то и не умеет. Именно в это время особенно проявляется его вампирья сущность. Перекладывая свою вину на близких, он подпитывается их энергией. Вот почему Принцам нравятся добрые Золушки.

— Но ты описала не лидера, а Верховский и лидер, и Вечный Принц.

— Не забывай, он стал Королем, следовательно, решил все свои проблемы. Кстати, — спохватилась Далила, — чуть не забыла сказать: я уверена, что Наташа, наша Принцесса на горошине, одновременно встречалась с двумя парнями. Следовательно, один из романов скрывала.

— И обеих парней она выбрала из друзей старшего брата? — с азартом поинтересовалась Бойцова.

— Разумеется. Ты должна как-то сподвигнуть ее к душевной беседе.

Елизавета самовлюбленно заверила:

— Я? Легко!

— Мне хотелось бы знать, как? — осторожно поинтересовалась Далила.

Бойцова обиделась:

— Не доверяешь?

— Доверяю, но знать все же хочу. Мне интересно.

— Расскажу ей пару историй из собственной жизни. Похвастаю, как кружила головы двум парням одновременно. Наверняка и Наташка не выдержит. Тут-то мы ее и приловим.

— Молодчина, — похвалила Далила и подумала:

«Однако с Лизой надо держать ухо востро. Она прирожденный манипулятор».

Глава 6

Проинструктировав Елизавету Бойцову, Далила отправилась к другой подруге, к Галине Семеновой.

У Галины случилась беда, о чем она уведомила Далилу, едва та переступила порог ее дома.

— Дождалась! Мой чех [2] наконец-то мне сделал вчера предложение, — с плаксивыми интонациями сообщила она.

Далила не слишком одобряла выбор подруги. Чех Ванек — пьянчуга, бабник и безумный картежник — не казался ей подарком. И все же она, изображая радость, воскликнула:

— Слава богу! Действительно, дождалась! А почему так грустно сообщаем о его предложении?

— Потому что он предложил мне сыграть с ним в очко! — зло прошипела Галина.

— Ах вот ты о чем, — скрывая настоящую радость, с облегчением вздохнула Далила.

Взглянув на горестное лицо подруги, она устыдилась и, успокаивая ее, добавила:

— Не горюй, все еще впереди.

Галина хлюпнула носом.

— Если и есть у меня что впереди, так это будет не с Ванеком, — сообщила она.

— Почему?

— Потому что я выгнала чеха вчера! Выгнала и даже отобрала ключи!

— Ключи от сердца?

— Нет, от квартиры!

Падая на диван, Далила опешила.

— Значит, не врешь, значит, выгнала! Но как такое возможно? Он же мужчина! Твой бог и кумир! — воскликнула она не с иронией, а просто констатируя факт.

Семенова (в отличие от Бойцовой) относилась к мужчинам как восточная женщина — весьма пиететно, — хоть восточной женщиной и не была.

— Да, в паспорте чеха написано, что он мужчина, но мне наплевать! — смахнув с глаз слезу, гордо заявила Галина и с наслаждением произнесла:

— Я выгнала эту скотину в три шеи! Выгнала!

— Надеюсь, не за предложение сыграть с ним в очко? — осведомилась Далила.

— Нет, конечно. Он оказался женат.

— Кошмар! — отшатнулась Далила, хотя Ванека в этом подозревала давно.

Галина с остервенением повторила:

— Да, женат! В чем, зараза, мне и признался, когда я начала с замужеством на него наседать. Хочешь, тебя огорошу?

Далила не хотела, но послушно сказала:

— Хочу.

Галина плюхнулась на диван рядом с подругой и, вцепившись ногтями в ее холеную руку, с презрительной страстью воскликнула:

— У Ванека в Праге не только молодая жена! Там у него трое детей!

— Ой, мамочка! — взвизгнув, подскочила Далила. — Я не могу больше терпеть!

Слова эти относились к боли, которую причиняли ей острые ногти Галины. Однако Галина, по-своему истолковав вопли подруги, с чувством спросила:

— Ты не можешь терпеть, а мне каково?

— Ужас! — освобождая наконец свою руку и со слезами рассматривая ее, сказала Далила. — Это раны уже, а не царапины. Такие заживать будут долго.

— Еще бы! — яростно подтвердила Галина. — Гребаный Ванек оказался героем-отцом! Трое детей!

Удивляюсь только, чем он их настрогал!

— В каком смысле? — оставив руку в покое, удивленно спросила Далила.

Приученная к дифирамбам и гимнам в адрес многочисленных мужских достоинств Ванека, она искренне изумлялась.

— У него же там, в штанах, нет ничего. Кроме волос. И пота. И мобильного. Он мудозвон! — радостно заявила Галина. — У него все время оттуда звон какой-то идет. Разве нормальный мужик носит мобильный в переднем кармане брюк? А он, импотент хренов, носит. Потому у него и облом, потому и размеры такие.

Далила (не подумав) попробовала возразить:

— Но, помнится, ты говорила...

— Молчи! Я врала! — осадила подругу Галина и, рыдая, призналась:

— Безбожно врала, как врут все бабы, когда хотят вызвать зависть.

— Но зачем тебе зависть у меня вызывать? — поразилась Далила.

Подруга с воем призналась:

— Ах, знала бы ты, как я страдаю!

— Но почему? У тебя же есть все.

— Точно! — согласилась Галина. — Самсонова, ты права! У меня есть все: дурацкая нищая жизнь! Внебрачный ребенок! Слезы в подушку! С мужиками полный облом! Даже отсутствие хорошей работы и ремонта в квартире есть у меня! И пустой холодильник!

Одного только мне не хватает: зависти лучшей подруги. Вот когда ты начнешь мне завидовать, тогда я успокоюсь. Только тогда, наверное, я почувствую себя: немного счастливой.

Далила осознала, что происходит с подругой, и внезапно расплакалась. Прижав Галину к груди, она с горестным воем ей сообщила:

— Об этом мечтаю сама! Когда наконец я тебе позавидую, Семенова? Господи! Ну когда! Бедная ты моя!

Бедная!

— От переживаний у меня пропал аппетит, — расположившись на плече у подруги, жаловалась, рыдая, Галина. — Из-за сволочи-чеха я жрать не могу! Ну, ни крошки не могу в себя затолкать!

— Как обидно, — вторила ей Далила. — А я принесла твой любимый торт...

— Торт?!

— Да, со взбитыми сливками...

Печаль из Галины ушла, Галина мгновенно вскочила:

— Торт со взбитыми сливками?!

— Да, пропитанный клюквенным ликером и посыпанный шоколадной крошкой.

— С ума сойти! Я три дня о таком мечтала! А мы тут сидим!

Далила напомнила:

— Ты же сказала, что у тебя нет аппетита.

— Но жрать-то хочется, — рассердилась Галина и призвала:

— Немедленно лопать торт!

— Отличное предложение, — согласилась Далила и, осторожно промакивая пальцами слезы, окликнула крестницу:

— Ангелина! Детка! Быстро ко мне!

Малышка, пользуясь увлекательной беседой взрослых, свирепо грызла коробку, в которой (это она по опыту знала) лежала игрушка. Далила, как прилежная крестная, каждую субботу баловала девочку новой игрушкой.

— Что творит эта разбойница! — возмутилась Галина и приказала дочери:

— Немедленно прекрати грызть коробку! У нас есть вкуснящий торт! Аида грызть его!

За трапезой Галина в борьбе с отсутствием аппетита уничтожала торт со взбитыми сливками, Ангелина же торт не жаловала, но зато взбитые сливки с наслаждением размазывала по своей задорной мордахе. Пользуясь тем, что рот подруги надежно занят, Далила рассказала ей об Андрее Верховском и его покойной сестре.

— Он мужик хоть ничего? — сквозь бисквит осведомилась Галина.

— Неужели только это интересует тебя? — рассердилась Далила.

— Нет, не только. Он женат?

— Нет, не женат и вполне симпатичный.

— Тогда познакомь, — мгновенно последовало предложение.

— Не могу.

Кусок торта застыл в воздухе, а Галина спросила обиженно и растерянно:

— Почему?

— Он уехал, — нехотя солгала Далила. — И не скоро вернется. В данный момент Верховский живет за границей. Но я тебя познакомлю с его другом. Точнее, надеюсь, что ты сама с ним познакомишься.

— Ради тебя на что угодно пойду! — незамедлительно раздалось в ответ.

— Только без этого.

— Без чего? — бестолково осведомилась Галина.

Далила вежливо попросила:

— Пожалуйста, не надо прикидываться, ты отлично все понимаешь.

— А я не прикидываюсь, я действительно не понимаю, о чем идет речь.

— Речь о том, на что ты у нас мастерица.

Галина кокетливо осведомилась:

— А на что я у вас мастерица?

— Ты просто познакомишься с ним, и все, поняла? — рассердилась Далила. — И никакого секса.

Только попробуй устроить разврат из расследования.

На этот раз я тебя просто побью, — пригрозила она.

— Ах вот ты о чем, — радостно прозрела Галина. — Успокойся. С Ванеком я забыла про секс. Отучил он меня, половой гигант этот хренов. Ха! Секс! Уж не помню, когда это чудо со мной и бывало.

— Вот именно, этого я и боюсь. Мигом вспомнишь, едва окажешься рядом с мужчиной.

— Да после Ванека я мужиков не переношу на нюх.

Я уже как твоя тетушка Мара стала.

Далила, пытаясь уберечь подругу от дерзких сравнений, напомнила:

— Тетушка Мара девственница.

— Не смей гадости о нашей тетушке говорить, — возмутилась Галина. — Она красавица и довольно пожилая. Никогда не поверю, что за долгую жизнь ей ни разу не подвернулся энергичный мужик. Надеюсь, хоть разок она согрешила. Тетя Мара достойна этого, я верю, что ей повезло. Она из скромности это скрывает.

— Давай лучше вернемся к Верховскому, — вскипая, попросила Далила.

Галина сей же миг оживилась:

— Давай, говори, что я должна с этим другом делать, и не беспокойся. Все будет в ажуре.

— Тебе нужно познакомиться с Хреновым, другом Верховского. Зовут его Сергей Николаевич.

— А чем он такой плохой, этот Сергей Николаевич? — удивилась Галина.

— Здрасьте! С чего ты взяла, что Сергей Хренов плохой? — в свою очередь удивилась Далила.

— До свидания! С того! Ты только что сама сообщила, что Сергей этот хренов. И второй раз повторила, так хренов этот Сергей.

— Он гораздо хреннее, чем ты о нем думаешь, — рассмеялась Далила. — Хренов или Хренов (уж не знаю, как правильно ставить ударение) — это фамилия друга Верховского.

Галина шутливо схватилась за голову:

— Горе мне! Кому-то приличные мужики достаются, а мне какие-то хреновы! Не успела от чеха избавиться, и вот уже Хренов!

Далила на всякий случай напомнила:

— Ты обещала без секса.

— Уж конечно, — согласилась Галина. — Раз этот Сережа хреновым таким оказался, придется обещание выполнять. Если уж сразу известно, что мужик Хренов, если он в открытую признается, то можно представить, чего от него дальше ждать.

— Семенова, ты опять за свое? — рассердилась Далила. — Не вздумай роман с ним заводить! Обижусь, клянусь!

Подруга ее успокоила:

— Какой там роман. Даже я на такого не клюну.

Это позор. Смех кому-то, к примеру, сказать: «Любовник мой,

Хренов». Сразу вопросы посыпятся: «А что у него не так? Что, и вправду так хренов?» А представь, каково начальнику этого Хренова. Приедет, скажем, правительственная комиссия, а начальник членам комиссии и говорит: «Это мой подчиненный». И в сторону добавляет: «Хренов». Комиссия в ужасе: «Что, неужели он так хренов? Зачем же вы держите хреновых сотрудников?» И начальнику выговор. Кстати, где он работает, этот Хренов? — внезапно заинтересовалась Галина.

— Он сам начальник, — скрывая улыбку, сообщила Далила.

— Ну, умора! — рассмеялась Семенова. — Я животик сейчас надорву! Кому-то фатастически повезло!

Представляешь, с каким удовольствием его подчиненные произносят его фамилию: «Хренов». Прямо в лицо! Вот красотища! Хоть бери, и сама на работу к такому устраивайся.

— Но пока я предлагаю тебе устроиться к нему в приятные собеседницы.

— Как это можно сделать? — деловито осведомилась Галина.

— Я точно знаю, в каком ресторане этот Хренов обедает по субботам. Кстати, обедает он всегда один за двухместным столиком и просит администратора подсаживать к нему только женщин. Разумеется, обязательно привлекательных.

Галина с нечеловеческой надеждой уставилась на подругу, воскликнув:

— Ведь я как раз привлекательная, и сегодня как раз суббота!

— Именно, — не обманула ее надежды Далила. — Поэтому приводи себя быстро в порядок и прогуляйся-ка ты в ресторан. Нужный столик я уже заказала.

— Ах, мама моя дорогая!

Семенова подлетела к зеркалу и, с ужасом оглядев свой живот, горестно спросила:

— Зачем же я лопала торт?

— Здравсьте! Что тебя не устраивает? — удивилась Далила.

Галина возмущенно подперла кулаками бока и заявила:

— До свидания! Настоящая ты подруга!

— А в чем дело?

— Ты нарочно меня накормила? Хотела испортить мою фигуру? Теперь полюбуйся, чего ты добилась.

В какое вечернее платье я засуну такой живот? Кстати, все мои платья вышли из моды...

Руки Галины переместились с бедер на щеки — возмущение уступило место обиде и горю.

Далила хитро усмехнулась:

— Здрасьте, нашла над чем горевать.

— До свидания! — рассердилась подруга. — Самсонова, ты издеваешься. Ты подумала, в чем я пойду? — сбавив тон, жалобно спросила она.

— Подумала! — с триумфом сообщила Далила. — Ты пойдешь в моем лучшем платье!

— Вот это мне повезло! — подпрыгнула от восторга Галина и, содрогнувшись, воскликнула:

— Мы про Линку забыли! На кого я оставлю ребенка?

— Так и быть, с Ангелиной я посижу.

Оценив подвиг подруги, Галина с визгом набросилась на Далилу:

— Самсонова, я обожаю тебя!

Отбиваясь от поцелуев, та в который раз повторила:

— Только умоляю, без секса.

Отпрянув, Галина наивно спросила:

— С ума сошла? Какой в ресторане секс?

Глава 7

Получив инструкции и массу напутствий, Галина Семенова, вилля бедрами, с восторгом отбыла в ресторан. Далила храбро осталась нянчиться с обожаемой крестницей.

Малышка Ангелина в присутствии матери демонстрировала милый покладистый нрав, оставшись же с крестной наедине, она имела обыкновение из ангела превращаться в бесенка. Она хватала самые дорогие предметы и неистово швыряла их в стену, она бешено колотила руками-ногами, она трясла головой, кусалась, царапалась и лягалась. А вопли, которыми Ангелина обычно выражала протест против разлуки с мамашей, будоражили весь дом, от первого этажа до последнего. И не было никакого от воплей спасения.

Обрывались они только тогда, когда на пороге вырастала Галина: бесенок Ангелина мгновенно превращалась в симпатичного ангелочка.

Теперь можно представить, с каким чувством согласилась Далила играть роль няньки.

Однако, против всех правил, Ангелина не заметила отсутствия матери. Она ползала по ковру, увлеченно играя с новой игрушкой: сработало ноухау Далилы.

На этот раз Далила не рискнула просто так входить в клетку к разъяренному льву, который прикидывается безобидным котенком. Зная метаморфозы своей крестной доченьки, она запаслась против нее оружием: едва Галина вышла из комнаты, как Далила включила запись ее экспрессивного голоса. Под материнский речитатив Ангелина отлично играла, не собираясь бузить.

С игрушкой в руках она и заснула на дорогом мягком ковре — тоже подарок крестной. Далила даже не решилась переносить «термоядерную» малышку в кроватку. Она подложила под голову Ангелины подушку, прикрыла ее одеялом и на цыпочках вышла из комнаты.

Перекрестившись на кухне и воздев глаза к потолку, Далила радостным шепотом выдохнула:

— Господи! Кажется, пронесло!

И в этот миг (о ужас!) оглушительно зазвонил ее сотовый!

На самом деле сотовый не звонил, а еле слышно натренькивал задорное рондо Моцарта. Однако в свете возможных проблем эти невинные звуки показались Далиле трубным зовом на Страшный суд. Она

лихорадочно поднесла телефон к уху и услышала пафосный возглас племянника:

— Бонд! Джеймс Бонд!

— Женька, я тебя точно убью! — раздраженно прошипела Далила.

— Вижу, я очень не вовремя, — констатировал Бонд, и в трубке раздались гудки.

«Он мне нужен!» — вспомнила вдруг она и, быстро набрав номер племянника, виновато спросила:

— Женечка, зачем ты звонил?

Бонд радостно сообщил:

— Хотел рассказать анекдот.

— Новый?

— Прямо с конвейера.

Евгений любил придумывать хохмы, поговорки, анекдоты и пускать их по свету. Распространив, он немедленно забывал свои опусы, причем намертво.

Когда же его анекдоты к нему возвращались (через друзей, соседей, знакомых), он безбожно критиковал свое чувство юмора. Это изумляло и смешило Далилу.

— Что ты придумал на сей раз? — поинтересовалась она.

— Опять еврейская тема.

Боречка Розенблюм, лучший друг и однокашник Евгения, «был с детства евреем», как любил шутить он сам по этому поводу. Естественно, еврейская тема развивалась со школьной скамьи. Причем Боречка собирал и бережно хранил все дружеские анекдоты, присказки, прибаутки и поговорки.

Иные поговорки потом переделывались в свете новых времен, постепенно становясь анекдотами. Здесь нужна предыстория.

В связи с тем, что фамилия Бонд воспринималась многими как еврейская, Евгению с юных лет приходилось давать объяснения соседям, родственникам и друзьям Розенблюма. Таким образом родилось изречение:

"На исконно русский вопрос: «Как вы относитесь к евреям?» — я с гордостью отвечаю: «К ним категорически не отношусь!»

Когда на нашу ровно подстриженную страну наступил капитализм и кое-кому открылось пространство для роста, изречение, несколько изменив смысл, приобретало такую вот форму:

"На неприлично русский вопрос: «Как вы относитесь к евреям?» — я со смешанным чувством гордости и стыда отвечаю: «Увы! К счастью, я к ним не отношусь!»

Годы шли, и жизнь показала, что и это изречение надо менять. Согласно духу времени теперь оно выглядит так: "На совершенно дурацкий вопрос: «Как вы относитесь к евреям?» — со стыдом признаюсь:

«Пока к ним не отношусь».

Но вернемся к Далиле: разумеется, она пожелала выслушать анекдот племянника, и он с радостью его рассказал:

— Абрамчик вернулся из командировки и спрашивает: «Сарочка, сколько у тебя было любовников?» Сарочка виновато ему отвечает: «Всего пять, Абрамчик».

И спешит пояснить себе в оправдание: «Но они тебе страшно завидовали».

Далила решила продолжить:

— А Абрамчик, поскребывая в затылке, укоряет жену: «Всего пять, говоришь? Что ж так мало?»

Евгений разочарованно возразил:

— Нет, это уже перебор. Во всем нужна мера.

— Да, по части юмора я не сильна, — согласилась Далила. — Но зато, как психолог, спрошу: что, твой Розенблюм из командировки вернулся?

— Нет, а с чего ты взяла?

— Кто-то же должен был натолкнуть тебя на развитие любимой еврейской темы.

Бонд рассмеялся:

— Наша тетушка Мара и натолкнула.

Вполне русская тетушка Мара по мере старения накапливала еврейские черты и во внешности, и в характере. Возрастная трансформация внешности и повадок тетушки Мары вдохновляла на творчество ее внучатого племянника, Бонда Евгения.

— Что же случилось на этот раз? — зная об этом, спросила Далила.

— Сегодня звоню ей и хвастаю, как дешево урвал для своей тачки «мишлены». Вместо того чтобы порадоваться за меня, тетушка въедливо интересуется, сколько я заплатил.

— И ты сказал? — испугалась Далила.

— Сдуру сказал, старушку чуть удар не хватил.

— Ну, знаешь! Я честным тебя воспитала, я за честность тебя и прибию!

— Слушай дальше, — рассмеялся Евгений. — Пока тетя Мара приходила в себя, я назвал ей настоящую цену «мишленов». Она мгновенно начинает меня ругать, почему мало взял, всего каких-то два колеса.

И сентенцию мне выдает: «Везение для того и существует, чтобы им

пользоваться, а не зевать». Тут меня анекдотом про Абрамчика и осенило. Кстати, тетюшка просила тебя срочно ей позвонить.

Далила взволновалась;

— Что-то случилось?

— Не знаю, она вроде здорова.

— Не мог расспросить?

— Кажется, у нее к тебе просьба. На всякий случай я интересоваться не стал. Вдруг она захочет заменить мною тебя.

— Неужели ты бездушный такой? — не удержалась от упрека Далила.

Евгений обиделся:

— Вовсе нет, просто я занятой. По мелочам прошу не беспокоить. Я создан для крупных дел.

— Ну да, как все бездельники и мужчины. Кстати, ты сам напросился, у меня есть для тебя крупное дело, — сообщила Далила.

— Надеюсь, приятное? — насторожился Евгений.

— О да. За молодой и красивой женщиной надобно приударить.

Бонд мгновенно и вдохновенно заверил:

— Можешь всецело рассчитывать на меня!

— Отлично. Завтра утром к тебе загляну и выдам инструкции.

Он испугался:

— Завтра? К чему же тянуть?

Далила пожаловалась:

— Сегодня я не могу. У меня Линочка на руках, и Галка поздно вернется.

— Так ты у Галины, — радостно прозрел Бонд и решительно заявил:

— Немедленно выезжаю для получения надлежащих инструкций.

Далила в панике зашипела:

— Только не вздумай звонить.

— Почему?

— Лина спит, и горе тому, кто посмеет ее разбудить.

Бонд озадачился:

— А как же я без звонка к тебе попаду?

— Я дверь оставлю открытой, — пообещала Далила. — Ты только на цыпочках заходи и не вздумай с порога орать, как ты это любишь обычно делать, дикий ты, невоспитанный человек.

— Я же от радости видеть тебя ору, — начал оправдываться Евгений.

Далила его перебила:

— Знаю, но предупредить-то должна. Ты скоро будешь?

Бонд заверил:

— Прямо сейчас выезжаю.

— Тогда через полчаса я открою входную дверь, — обязалась она.

На том и закончили разговор. Прокравшись в гостиную, Далила убедилась, что Линочка безмятежно спит, и, вернувшись на кухню, набрала номер тетушки Мары. Старушка была чем-то взволнована.

— Ах, детка, мне так неудобно обременять тебя просьбами, — начала извиняться она.

Далила, зная, что «песнь» будет долгой, поспешила заверить:

— Я абсолютно свободна.

Тетушка обрадовалась:

— Как хорошо. У близкого мне человека депрессия. Ты не могла бы с ним поработать?

— Поработать?! — испугалась Далила. — У меня все расписано на месяц вперед. К тому же я недавно взяла на себя обязательства, которые не знаю, как выполнять, так это хлопотно. Я ввязалась в сложное дело и так теперь занята...

Тетушка строго напомнила:

— Минуту назад ты говорила, что абсолютно свободна. Как это понимать?

— Я думала, тебе окна надо помыть, — призналась Далила — Весна на носу. Я и сама собиралась помочь тебе по хозяйству.

— Окна мои подождут, — безапелляционно заявила старушка, — а мальчик ждать больше не может.

У мальчика, кажется, истерия.

— Ты же говорила, депрессия, Тетушка отмахнулась:

— Не знаю, я его не смотрела. Какое это имеет значение? В любом случае ему нужна твоя помощь.

Отягощенная обязательствами, Далила восстала:

— Моя помощь многим необходима, а с истерией пускай в поликлинику обратится.

— Обращался. Врачи не помогли.

— С ним работы на месяцы, а я занята.

Наткнувшись на препятствия, хитрая тетушка тактику изменила.

— Пойми, деточка, — жалобно запричитала она, — у близкого мне человека беда. Мальчик страдает.

— Если он такой близкий, сама им и займись.

— Я бы взялась за него, но так давно не практиковала, что не решаюсь, честное слово, боюсь. Ты же знаешь, хуже всего получается именно с близкими. Чем больше стараешься...

Уж это Далила знала.

— Да-да, — рассеянно подтвердила она. — А он точно к врачам обращался, этот твой близкий родной человек?

— Если честно, то я не знаю, — горестно пискнула тетя Мара и снова начала причитать:

— Мальчик так плох, он не спит, с отвращением ест, он худеет...

«Где брать время?» — мысленно облилась слезами Далила и, дрогнув под натиском тетушки, с тяжелым вздохом сдалась:

— Хорошо, завтра после шести пусть приходит.

Вместо отдыха буду мальчика твоего ублажать.

— Спасибо, деточка, ты очень добра, — интеллигентно заверила тетушка Мара и, добавив:

— Не буду тебя отвлекать, — собралась вешать трубку.

— погоди! — забыв про спящую Ангелину, закричала Далила. — Скажи хотя бы, как зовут этого мальчика?

— Я не знаю, — растерялась старушка. — Сейчас посмотрю, у меня где-то записано. Ах, эта память, надо только найти...

— Не нужно, завтра узнаю. Надеюсь, твой близкий родной мальчик не забудет представиться. Скажи хоть, кем он тебе приходится.

— Ах, — умилилась тетушка Мара. — Ну Лелю мож ты знаешь.

— Еще бы, — потеплел голос Далилы.

Тетя Леля (Елена Гавриловна) старая подруга Мары, почти член семьи.

Тетушка с напором продолжила:

— Так вот, тот, за кого я прошу, сын соседки сотрудницы, даже начальницы, племянницы невестки нашей Лелечки.

Традиционно питерская «заморочка» — от ее сложности Далилу передернуло даже.

— Жуть! — возмутилась она. — Ты сама хоть поняла, что сказала?

— Ну что же тут непонятного? — удивилась тетушка Мара и, к ужасу племянницы, начала объяснять:

— Невестка нашей Лели имеет по первому мужу племянницу, ну ты знаешь ее. Недавно у нее потолок обвалился.

— Ах, та, что на Невском живет, — прозрела Далила.

— Именно. Так вот, у нее есть сотрудница, даже начальница. Кстати, она на Большой Конюшенной проживает, в том доме, в котором жил Миша Романов.

Миша Романов — школьный друг матери Далилы: ее первая любовь, первый поцелуй, первое признание. В свете этого весомого факта начальница племянницы уже без всякой Лелечки не чужой человек Маре, а

вместе с ней и Далиле.

— Так вот у начальницы этой, — продолжила экскурс в таинство отношений тетушка, — есть соседка, у которой есть сын, милый прелестный мальчик. Вот он-то и нуждается в твоей помощи.

— И эту седьмую воду на киселе ты называешь близким родным человеком? — поразилась Далила.

Вообще-то она и сама частенько пользовалась питерским братством, но время от времени пыталась против него бунтовать. Особенно когда была перегружена профессиональными обязательствами.

Сейчас был как раз такой случай. Тетушка, отлично все понимая, гнула свое.

— А по-твоему, Леля чужая нам? — строго спросила она и категорически возвестила:

— Леля родная!

— Леля — да, но... — пыталась отбиваться Далила.

Однако тетушка и слушать ее не хотела.

— А невестка Леле, по-твоему, абсолютно чужой человек? — наступала она.

— Невестка — да, но...

— Невестка родная! А невестка Лелина разве виновата, что у ее первого мужа есть родная племянница?

Или она с первым мужем из-за тебя ругаться должна?

У них общие дети. Поэтому племянница ей родная.

У племянницы, кстати, и так беда, потолок обвалился. Разве она нам не родная?

— Племянница — да, но...

— А может ли эта племянница начальнице своей отказать? Ты хочешь, чтобы она лишилась работы?

— Начальница — да, но...

— А начальница может отказать своей лучшей соседке? Они на Большой Конюшенной прожили всю жизнь дверь в дверь. И что ей теперь, спокойненько наблюдать, как гибнет младенец, мальчик, которого она нянчила на руках? И Миша Романов, я уверена, этого мальчика знает. Мальчик нам не чужой...

— Все! Ты меня умотала! — взвыла Далила.

Тетушка невозмутимо осведомилась:

— Прости, не расслышала, что я тебя?

— Убедила. Действительно, он нам родной человек, этот мальчик. Пусть приходит. Клянусь! Все сделаю для него!

Мара умильно поинтересовалась:

— Тогда, может, я дам ему номер сотового?

— Моего? — изумилась Далила.

— Разумеется, у меня же нет сотового.

— Конечно, конечно, дай.

— Возможно, придется ему оказать скорую помощь, — пояснила тетушка Мара.

Тут уж Далила взбесилась:

— Что? Я буду консультировать человека с депрессией по сотовому телефону? Ты хочешь меня разорить? Впрочем, что это я? Человек-то родной. И не аргумент, что ты сама боишься лишней раз позвонить единственной племяннице на мобильный. Кто ты такая? Ты всего лишь какая-то тетушка, а он целый сын соседки начальницы невестки тещи...

Далила сделала паузу и, осознав бесполезность затеи, отказалась перечислять.

— Тьфу! — сплюнула она зло. — Я запуталась. Разумеется, дай. Обязательно дай ему номер.

Старушка обиженно произнесла:

— Пожалуй, я лучше не буду давать.

— Я должна тебя уговаривать? — поразилась Далила. — Что ж, изволь, я тебя уговариваю. Милая моя, я тебя очень прошу, дай, пожалуйста, мальчику мой телефонный номер. Пусть и днем, и ночью звонит, не стеснясь. Я буду ему всегда и во всем помогать. Я берусь за него основательно.

— Слава богу, раз ты взялась, значит, мальчик спасен, — облегченно вздохнула тетушка Мара, великодушно прощая племянницу за фиглярство.

Пока Далила, жадно хватая воздух, поражалась тактике и упорству старушки, та просветленно произнесла:

— Пойду порадую Лелечку. Прощай, моя милая.

Глава 8

«Проблемы множатся, а я одна. Хоть бери и клонируй себя», — подумала Далила, распростившись с тетушкой Марой.

Она даже не подозревала, как шустро множатся ее проблемы. День стремительно приближался к концу, а Далилу еще ожидала тьма впечатлений.

Взглянув на часы, она удивилась, что Евгений запаздывает.

«Коли так, — зевая, решила она, — можно пока вздремнуть. Раз уж я всем сильно понадобилась, постараюсь быть в форме. А если Женька не загулял и все же придет, то разбудит: дверь я оставлю открытой, раз обещала».

Далила протопала в прихожую, открыла замок и отправилась в спальню. Лишь увидев кровать, она поняла, как устала, и, не снимая дорожущего покрывала, рухнула на модный матрас Галины — подруга на все, что связано с сексом, денег не жалела.

Вечер был поздний, но для Далилы время, в общем-то, детское — по выходным она привыкла ложиться за полночь. Однако в этот субботний день она так себя «уработала», что, едва коснувшись подушки, немедленно провалилась в сон.

Сон был приятный. Почему-то приснился Матвей — бывший муж, норовящий затесаться в любовники ^[3].

Почему он приснился?

Может, потому, что в последнее время Матвей проходу ей не дает: поджидает у офиса, часто звонит, настойчиво ищет встречи с Далилой.

Она ускользает, не идет на контакт, понимая его неуместность — слишком много между ними проблем. Их прошлую (хоть и длинную) жизнь удачной назвать нельзя. Их сын Димка в родителях не слишком нуждается. Он вырос, того и гляди, женится сам.

Ирина (вторая жена Матвея) родила прелестную дочь:

Матвей теперь счастливый отец.

Или не очень счастливый?

Или не очень отец?

Или счастливый отец, а супруг несчастный...

Видимо, в их молодой семье завелись неприятности. Чем же поможет Матвею Далила?

Развлекать бывшего мужа, мягко говоря, оскорбительно. Неинтересно.

И глупо.

Чего же он хочет? Мосты сожжены, побиты горшки, растоптаны чувства, разнесены в прах иллюзии...

Впрочем, все это в жизни, а во сне Далила была в их общем далеком прошлом. Она обнимала бывшего мужа, а Матвей увлеченно о чем-то рассказывал. Далила не слышала — в небе шумел самолет. Они стояли на заросшем сочной травой пригорке, над горизонтом висели белые облака, внизу серебристой лентой петляла речушка, по берегам волновался камыш — было очень красиво.

И в душе было так же красиво: сладкий покой с привкусом неги. Далила прижалась щекой к мощной груди Матвея и тихо запела: «Женское счастье — был бы милый рядом...»

Закончить этой «высокой идеей» она не успела — яростно зазвонил мобильный.

Телефон, как уже нам известно, звонил вовсе не яростно, но Далиле не хотелось покидать свой уютный сон, и от этого робкие призывы мобильного показались ей громом среди ясного неба: трубку она схватила с ощущением ужаса и горькой утраты. В ухо тотчас ударил хрипловатый, скрипучий бас:

— Самсонова Далила Максимовна?

«Много курит», — механически отметила она и откликнулась:

— Да, это я, а вы кто?

— Я Пендраковский.

— Простите, какой вы? — растерялась Далила, не совсем еще сбросивши сон.

— Пендраковский Валерий Гаврилович, — густо пробасил незнакомец и пояснил с легким смущением:

— Я к вам от Поповой.

— От Поповой? Простите, а кто это?

— Это сотрудница Валентины Ивановны.

— Валентины Ивановны? Я не знаю такой.

Бас с раздражением пояснил:

— Валентина Ивановна — это соседка.

— Ваша соседка?

— Конечно, моя. Попова ее подчиненная. Она якобы рекомендовала мне вас, или вам меня, нет, все же мне вас... Или вам меня? Кажется, я запутался, — зашел в тупик бас.

Далила ничем помочь не могла, терпеливо ждала и молчала. Бас смущенно откашлялся и решительно заявил:

— Короче, мне рекомендовали обратиться за помощью к вам. У меня нарушился сон и аппетит.

В голове Далилы мгновенно сложилась затейливая конструкция тетушки Мары: соседка сотрудницы племянницы невестки Лелечки. Кажется, так.

«Мальчик! — едва ли не радостно прозрела она. — Близкий и родной человек тетушки Мары!»

— Я вас слушаю, — уже приветливо сказала Далила.

«Мальчик» скрипучим басом поведал:

— Дело в том, что я продаю шкаф. Дорогой, антикварный. Ручная работа. Кажется, век семнадцатый. Точно пока не выяснил.

— А, уже продаете?

— Уже продаю.

Далила мысленно констатировала: «Налицо навязчивая идея. Возможно, следствие возрастных изменений мозга».

— Почему не выяснили? — деловито осведомилась она, подавляя зевоту. — Вы можете прогадать. Хотите, порекомендую оценщика? Специалист высокого класса. Сошлитесь ему на меня, он недорого с вас возьмет.

Бас скрипуче взорвался:

— Оценщик был! Он-то меня и достал! Чертов шкаф!

«Неадекватность реакций», — отметила про себя Далила и ласково осведомилась:

— Почему же оценщик не определил возраст шкафа?

«Мальчик», по-медвежьи рыкнув, с чувством пожаловался:

— Никак не могут выяснить этот возраст! Чертов шкаф! Там все время кто-то сидит! Будь проклят тот день, когда я надумал его продать!

«Ко всему еще и галлюцинации, — определила Далила. — Что угодно, кроме депрессии, обещанной тетушкой Марой. Мальчик буйный. При депрессии срывы бывают, но обычно так не вопят. Силы не те».

— Мне все ясно, — демонстрируя компетентность, сказала она. — Случай исключительный, но известный, сложный, но легко излечимый. Я вам помогу.

Пациенты любят узнавать о сложности своих случаев — разумеется, при условии, что они легко излечимы. Пациентам нравится чувствовать свою исключительность даже в болезни, тогда они проникаются доверием к Далиле, успокаиваются и неукоснительно выполняют все ее предписания.

Однако Мальчик не проникся и не успокоился.

— Поможете? — проныл он, и в его старческом голосе сквозило

дремучее недоверие.

«Лет семьдесят бедолаге, не меньше», — заключила Далила, категорически возвестив:

— Попробуем разобраться. Завтра после шести я вас жду. Прошу не опаздывать.

Мальчик поблагодарил, и они распрощались. Далила, не медля, рухнула на подушку досматривать сон.

Вопреки здравому смыслу ей страшно хотелось вернуть свою щеку на грудь Матвея.

И (не чудо ли?!) ей это удалось. Снова пригорок и облака, камыши и речушка, щека — опять на груди, руки Матвея ласкают Далилу, она вновь нежно поет:

«Женское счастье — был бы милый...»

И...

— О, кошмар!

Опять Моцарт! Мобильный снова играет задорное рондо: «Тили-ти, тили-ти...»

Далила выругалась, вскочила и, яростно припечатав к безвинному уху «трубу», незнамо кому адресовала свое возмущение:

— Вы мне ребенка разбудите!

В ответ проскрипело:

— Простите, я о ребенке не знал.

Это был, конечно же, Мальчик. Услышав его незабываемый бас, Далила значительно мягче спросила:

— Вы что-то хотели узнать?

Он начал с напором:

— Я не все рассказал вам про шкаф...

Далила его перебила:

— Завтра расскажете!

— Да, конечно, — сник Пендраковский. — Простите. До завтра.

— До завтра.

Мысленно обругав тетушку Мару, она отключила мобильный и рухнула на подушку: на этот раз в полной решимости досмотреть чертов сон. Надо же знать, куда заведут ее отношения с бывшим мужем.

И опять (разве не чудо?) изумрудный пригорок" над головой облака, у ног речушка, ее щека на его груди, на ее груди его руки.

О, эти руки Матвея! Они ласково бродят по телу Далилы, медленно снимают жилетик и блузку, приступают к капризному лифчику, застежка не подчиняется, Матвей ее рвет, его руки опускаются ниже, юбка сползает,

сползает, под ней кружевные трусики...

— Медленно, слишком медленно, — извиваясь, трепещет Далила. — Быстрее! О! Быстрее, — шепчет она.

А в ответ ей голосом пьяного Ванека:

— Да не могу я быстрее. Темно.

— Кто здесь?! — подскочила Далила.

Сон мгновенно слетел. Обнаружив себя копошащейся с чехом Галины на ее же кровати, Далила задохнулась от перегара и отвращения.

— Вон! Немедленно вон! — в панике завопила она, пытаясь носками Ванека прикрыть свое обнаженное тело.

Чех вон не пошел.

— Еще чего! — обиделся он и залепил ей рот таким поцелуем, что впору закусывать.

«Он зверски пьян, — пронеслось в голове у Далилы. — И сильный, зараза! Вряд ли с ним совладаю!»

И все же она пыталась: вцепившись в его бугристые плечи ногтями, старалась оттолкнуть от себя чеха и одновременно подтягивала ногой свою юбку.

Ванек присосался ретиво, юбка тоже не поддавалась. Смириться с реальностью Далила никак не могла. Извиваясь ужом, царапаясь и лягаясь, Далила реальности противостояла, но где оно, равноправие, на котором помещана Лиза Бойцова? Вот когда выясняется, что у женщины и мужчины неравные силы.

В Ванеке восемь пудов! Когда они легли на три жалких пуда Далилы, бедняжка обмякла, и в этот трагический миг вспыхнул свет.

На пороге спальни стоял ошалевший Евгений, из-за его плеча, коченея от злости, выглядывала Галина.

Парализованная зрелищем, Галина молчала. В нормальном своем состоянии она была способна на многое и потому мучительно переживала напавший столбняк.

Первым очнулся Евгений, он громко сказал:

— Извините!

При звуках мужского голоса распаленного Ванека, словно взрывной волной, отбросило от Далилы. Пытаясь прикрыть обнаженное тело сброшенной юбкой, она (то ли от неожиданности, то ли от большого смущения) взяла и спросила:

— Галка, ты? Почему так рано?

— Ах ты сучка! — очнувшись, завопила Галина. — Мне запрещает, а что вытворяет сама! С моим другом и на моей же постели!

И (о, ужас!) Далила, не веря своим ушам, взяла вдруг и брякнула:
— Галочка, ты не правильно поняла.

И это она, умудренный опытом мастер человеческих душ, изошренный психолог. Сама же многократно учила своих пациентов, что в таких щекотливых случаях подобная фраза хуже гранаты.

Вот она и взорвалась!

Глава 9

Долго! Долго Далиле пришлось объясняться с Галиной. Уж она и так и эдак подходила к подруге — теперь без глупых осечек, теперь уже все по науке.

Племянник в стороне не стоял, хоть и сам изумлен был немало увиденным. Далила то хохотала (увы, слегка истерически, а надобно добродушно), то с искренним жаром доказывала свою полнейшую непричастность. Евгений героически (увертываясь от летящей посуды) ей помогал. Он что-то кричал о спящем ребенке, об ответственном поручении и открытой заранее двери — все бесполезно.

Не хотела их слушать Галина.

Сущий ад Билась посуда; ходуном ходили кресла, стулья, столы; хлопали двери; вой стоял несусветный — его легко заглушала детским криком своим Ангелина; в стены стучали соседи, а Ванек закатился под стол и затих: то ли заснул, то ли, хитрец, затаился.

Свершилась несправедливость: весь гнев пролился на Далилу. На Далилу, которой везде не везет, а у психоаналитика не должно быть проблем. Проблемы для психоаналитика — профессиональная смерть.

Как решать чужие проблемы, если ты захлебнулся в своих?

Она почти захлебнулась. Ее бросил муж, возненавидел любовник. У нее не ладится с сыном. Племяннику не до нее, у него то девушки, то друзья. Тетушке не до нее, у тетушки Лелечка, Мальчик. А у Далилы везде только полный облом. У нее осталось всего-то и радостей, что подруга, крестница да работа, и теперь подругу (и крестницу с ней) потерять?

Нервы сдали, слезы — фонтаном из глаз.

— Идите вы к черту! — взвыла Далила и в отчаянии рухнула на пол.

Поближе к Ванеку: видимо, там удобней рыдать.

Вот вам и вся терапия.

Против всякой науки именно это и помогло. Галина, осадив свою ярость на полном скаку, растерянно уставилась на Евгения:

— Жень, что это с ней?

Кому, как не племяннику, знать свою тетушку — Евгений в грязь лицом не ударил: объяснять долго не стал, а с философской скупостью заключил:

— На несправедливость обида.

Галина с угрозой спросила:

— На несправедливость?! Думаешь, я ослепла?

— Судя по тому, что я видел, ты не слепа, — «успокоил» ее Евгений и поспешно добавил:

— А твой Ванек скотина. Не будь он смертельно пьян, я убил бы его, урода.

Чех моментально себя обнаружил, пожелав прояснить сей вопрос.

— За что? — донеслось из-под стола с недоуменной обидой.

Бонд нагнулся, пытаясь взглянуть на Ванека, и в бешенстве гаркнул:

— За то, что ты мою тетку насильовал!

Далила охнула:

— Фу-у!

Галина сказала:

— Ха-ха!

А чех виновато Бонду признался:

— Твоя тетка худая на хрен мне не нужна. Семенову я насильовал.

— Допустим, — предположила Галина, откинув край скатерти и послав чеху умеренный, но достойный пинок.

— Я ошибся, ой-ей, — от невиннейшего движения женщины ревмя заревел изнеженный Ванек. — Я думал, что она — это ты, ой-ей-ей! Откуда я знал, что у тебя на кровати валяется черт-те что?

— Это Далька моя черт-те что?! — пришла в ярость Галина, энергично заработав ногами. — Ну, я щас тебе! Я тебе щас! — приговаривала она, но чеха достать не могла.

Хитрый Ванек мгновенно забился в угол, Галина сдвинула стол, но Ванек оказался резвее. Махнув на него рукой, она яростно повела допрос, обращаясь к Евгению:

— А как эта сволочь в квартиру попала? Я ключ у нее отобрала!

У «нее», имелось в виду «у сволочи», то есть у чеха, у Ванека.

Далила, почуяв, что беда прошла стороной и жизнь вроде налаживается, аргументирование откликнулась, не спеша подниматься с пола:

— Я, перед тем как вздремнуть, дверь открытой оставила. Видимо, он вошел, а я крепко спала.

— А зачем ты спала? — въедливо спросила Галина.

— Затем, что устала, — продолжая лежать на полу, пояснила Далила.

Галина не унималась.

— А зачем ты, перед тем как заснуть, дверь открытой оставила? — нервно подергивая щекой, яростно осведомилась она.

На этот вопрос пролил свет невозмутимый Евгений.

— Меня тетка ждала, а звонить запретила, чтобы Линку не разбудить, — сказал он и для вящего доказательства ткнул себя пальцем в грудь:

— Видишь, я здесь стою.

— Да, стоишь, — растерянно подтвердила Галина и даже добавила:

— Ив квартиру вошел ты со мной.

И дверь была точно открыта.

Тут ее осенило: «Если Далька Женьку ждала, разве стала бы она устраивать оргии с этой скотиной?»

Логично, не правда ли?

— Ну, я сейчас тебе покажу! — взревела Галина, возвращая себе доступ к углу, в который забился Ванек.

Она с такой неженской легкостью отодвинула стол, что у чеха не возникло сомнений.

«И ведь покажет!» — пронеслось у него в голове.

Из угла он вылетел на четвереньках и с ловкостью таракана забежал по комнате — Галина погнала его пинками в прихожую.

Далила с удовольствием и оптимизмом наблюдала эту картину. Своим трусливым бегством перед праведным гневом Галины возродил чех в душе у Далилы надежду на равноправие, за которое так страдает Елизавета Бойцова.

«Как знать, — лежа на полу, возвышенно размышляла Далила, — это пресловутое равноправие, может, действительно не за горами. Вон как бодро гонит хрупкая Галка гиганта Ванека. Да еще чем гонит? Унизительными пинками, как какого-то пуделя. А он не только не сопротивляется, а улепетывает, поджавши хвост. В тот момент, когда так себя поведут все мужчины, равноправие и наступит», — удовлетворенно заключила она, гордо и независимо поднимаясь с пола.

Наступило торжество справедливости: Ванек был удален, мир между подругами восстановлен, Ангелина, накричавшись, снова уснула, Бонд запросился домой.

— А зачем ты приехал? — внезапно заинтересовалась Галина.

Евгений с достоинством пояснил:

— Тетка обещала дать важное поручение.

— Мне нужно, чтобы он приударил за подругой Наташи и Маши, Мариной Морковкиной, — призналась Далила.

— Я и за Машей приударить могу, и за Наташей, — выразил готовность Евгений.

Галина разочаровала его:

— Маша уже покойница, а Наташа замужем.

— Жаль, — огорчился Бонд. — Как много в жизни я не успел и, что обидней всего, уже не успею.

Далила пресекла его самоедство, выдав инструкции, четкие и лаконичные:

— С Морковкиной познакомиться и только дружить. Легкий флирт, и не более. Без всякой постели.

— Что? — паникуя, поразился Евгений. — Я буду с ней флиртовать и не должен с ней спать?!

Тетушка решительно подтвердила:

— Ты не должен с ней спать!

— Иначе что?

— Иначе смертельно обижусь!

Бонд, уныло поскребывая в затылке, озадаченно вдруг пожаловался:

— Я думал, задание будет полегче.

Галина Евгению посочувствовала и решила поднять ему настроение.

— Далька даже мне поставила невыполнимое это условие, — призналась она и с гордостью констатировала:

— И даже я его выполнила. Видишь, как рано пришла, — не преминула она поставить себя в пример.

— И видишь, что получилось из этого, — не согласился с ней Бонд и сделал логичное заключение:

— Опасно резко привычки менять. Все ждут от тебя одного, а ты выдаешь другое, и выходит полная неразбериха.

И он вдохновенно начал заноситься в философские эмпиреи, пытаясь нащупать неуловимую грань между причиной и следствием.

— Не умничай, — вернула его на землю Далила, доставая из кармана скомканную чехом бумажку (бумажка пострадала во время объятий).

— Что это? — поинтересовался Евгений, покидая (нехотя) эмпиреи.

Тетка его просветила:

— Это номера телефонов Морковкиной. Там же адреса клубов, где она часто бывает. Сведи с ней знакомство (думаю, это легко) и разузнай все, что возможно, о Маше.

— А что именно тебя интересует?

— Я же сказала, все. Как Маша погибла? Что Морковкина думает о смерти подруги? С кем Маша встречалась? Кто Машу любил? Все, что может сказать эта Морковкина. Мне интересны и информация, и ход ее мыслей, — заключила Далила.

Бонд снова поскреб в затылке и уточнил:

— И все это без постели?

К неудовольствию племянника, тетушка подтвердила свое желание:

— Разумеется, без.

Евгений со вздохом воскликнул:

— Что ж, попробую, но результат не гарантирую.

Подумав, он грустно добавил:

— Если действительно без постели.

— Ты же у нас бонвиван, — решила его подбодрить Галина и с хохотом скаламбурила:

— Точнее, ты Бонд виван.

— Не возражаю, — согласился Евгений, — но я не пробовал разговаривать с дамами вне постели. Даже не представляю, как это делается.

— Учись, — посоветовала Далила.

Евгений незамедлительно направился к выходу.

Настроившаяся на беседу Галина удивленно его окликнула:

— Жень, ты куда?

Бонд недоуменно пожал плечами и вышел из комнаты.

Глава 10

— Рассказывай! — нетерпеливо закричала Далила, едва подруги остались одни. — Как он тебе, этот Хренов?

Галина с презрением сообщила:

— Отвратительный тип, потому и явилась домой раньше времени.

— Ничего и не раньше, — с преувеличенным интересом разглядывая полы, возразила Далила. — Домой ты явилась вовремя — Ну да, как все узнала, так сразу и смылась, — грустно согласилась Галина и с укором, сдобренным ядом, присовокупила:

— Хотела тебя порадовать.

Далила «проглотила» язык. Галина же, искоса взглянув на подругу, мысль оформила и развила:

— Зря я, дура, спешила. Уж лучше бы переспала с этим, с твоим Хреновым, чем увидеть такое.

— Ну, хватит, заладила, — не выдержав, начала было сердиться Далила, но, ахнув, уставилась на Галину.

Та сморщила нос и настороженно спросила:

— Ты что?

— Я ничего, а вот ты что?

— В смысле?

— Неужели по-настоящему втрескалась в чеха?

Галина фыркнула:

— Ерунда!

— А почему тогда хай подняла? — глядя на подругу с большим подозрением, поинтересовалась Далила.

Та всплеснула руками:

— Да я же не из-за Ванека хай подняла!

— «Из принципу»?

— Из-за тебя! — с чувством сообщила Галина и выдала сомнительный афоризм:

— Что позволено кобелю, то не позволено лучшей подруге.

Далила закатила глаза — Здрасьте! Как ты могла про меня такое подумать?!

— До свидания! А что я должна была думать?! Что вы голяком на кровати в карты играете? На моей, кстати, кровати. Хочешь знать правду?

— Хочу, — втянув голову в плечи, согласилась Далила, не испытывая

никакого желания слышать правду в этот опасный момент.

Однако Галина, зажмурившись, выдохнула:

— Вот моя правда: не верю!

— Здрасьте! Когда я врала?

— До свидания! Почему ты разрешила этому гаду себя раздеть?

— Хочешь правду? — зажмурившись, выдохнула Далила.

— Хочу! — заявила Галина и тотчас закрыла уши ладонями.

Но подруга дезертировать с поля боя ей не позволила: она так громко гаркнула, что звук пробился и сквозь ладони.

— Я крепко спала, и мне снился Матвей! — выпалила Далила и покраснела.

— Да ну, — смутилась Галина. — Ты еще любишь его?

— Не знаю.

— И что вы там делали, в этом сне?

Далила пискнула:

— Это и делали.

И хлюпнула носом.

— О господи, — схватилась за сердце Галина.

Она вскочила, но, словно утратив силы, снова рухнула на диван: сидела задумчивая и растерянная, качая головой, как китайский болванчик, — нахлынули горькие мысли. Подруга ее ошарашила.

А минуту спустя и добила.

— Про Козырева я тебе тоже врала, — тихонечко подвывая, пропищала она.

Галина будто окаменела и медленно, не поворачивая головы, скосила глаза на Далилу:

— Что-о?

Та испуганно повторила:

— Врала я про Козырева.

— Ты с ним не виделась! — оживая, подскочила Галина и, осев на диван, сама себе возразила:

— Нет, быть не может такого. Он же при мне тебе на мобилу звонил.

Далила горестно хлюпнула в носовой платочек:

— Да звонил.

— Свидание назначал?

— Назначал.

— А ты не пошла?! — ужаснулась Галина.

— Да пошла я, но с ним не встречаюсь. Нет у нас отношений. Мы виделись только раз и теперь уже навсегда разбежались, — призналась

Далила, испытывая не горе, а неловкость от того, что лгала.

Галина осознала наконец: ее успешная подруга врала! Нет у нее никакой любви! Нет никакого гарема!

Она одинока и унижена своим одиночеством, несчастна она и заброшена всеми мужчинами...

И сломлена так, что вполне могла позариться даже на пьяного Ванека!

Эта последняя мысль доконала Галину.

— Бедная ты моя! — проговорила она, заранее все прощая Далиле. — Я не брошу тебя никогда! Иди ко мне, моя родная!

Далила охотно пришла и теперь уже поливала слезами не какой-то жалкий платочек, а грудь лучшей подруги — там было что поливать.

«Бог с ним, с чехом, с придурком Ванеком. Нет на свете того мужика, из-за которого стоит нам, бабам, ругаться, — совершала мысленный подвиг Галина, сочувственно прижимая к себе подругу. — Мы, бабы, правы всегда! Мы сестры по крови! Ой, сколько этой кровушки мы потеряли, в муках и воплях, рожая мужиков-кобелей!»

И вдруг ее поэтичная мысль оборвалась, уступив место прозе.

«А зачем же Сашка звонил на мобилу? Зачем свидание назначал, если больше они не встречались?» — озадачилась, прозревая, Галина.

И, не мешкая, озвучила свой вопрос.

— Козырев назначил свидание, чтобы сказать, что меня ненавидит, — провыла Далила.

— За что?

— За то, что мой муж увел у него жену.

Такой несправедливости Галина снести не могла.

Схватившись за голову, она завопила:

— Ну и дела! Он же еще и возмущается, этот Козырев! Через него у нас неприятности! Если бы он сам не бросил свою жену, она не увела бы Матвея!

От невыносимости этой мысли Галина начала убиваться совершенно по-бабьи:

— Ой, такого мужа его сучка Ирина у тебя увела!

Ой, а я так вами гордилась! Ой, а вы были такая красивая пара! Ой, да я не могу!

Далила отшатнулась и испуганно поднесла палец к губам:

— Тише ты, не кричи, Ангелину разбудишь.

— Нет, ну где правда на свете? — ажиотажно прошипела Галина. — Этот чертов кобель всю вину свалил на тебя. И что ты ему сказала?

— Что его Ирина и мой Матвей счастливы, а мы с ним — нет.

— Молодчина. Здорово врезала. Так ему, пусть теперь пострадает. А он что сказал?

— Что меня ненавидит, — вытирая нос мокрым платком, прохлюпала сквозь слезы Далила. — Сказал, что больше видеть меня не желает.

Галина махнула рукой:

— Ну и фиг с ним. Ты переживаешь из-за него?

— Из-за него я не переживаю.

— Умница, — похвалила Галина. — Что нам Козырев? Подумаешь, он бросил тебя. Кто он такой? Просто бабник! Вот Матвей!..

Вдруг ее осенило.

— Слушай! — испуганно закричала она, нетерпеливо толкая подругу в бок. — А про Матвея ты тоже мне все наврала?

— В смысле? — растерялась Далила, от неожиданности прекращая рыдать.

— Ну, про то, что он проходу тебе не дает. , — А, про это. Да нет, это правда. Он названивает.

И с работы меня встречает.

Галина облегченно вздохнула и даже перекрестилась:

— Ну, слава богу. Хоть здесь все в порядке, а то я уже приуныла.

— Почему?

Галина обстоятельно начала строить планы:

— Ты поломаешься для порядка, помучаешь хорошенько его, а потом снова сойдется с Матвеем. Он Ирку свою обратно к Козыреву отошлет, и будет у вас полный порядок.

— О каком порядке ты говоришь? — рассердилась Далила. — У нас уже ничего не будет. Матвей женат на Ирине, у них родился ребенок.

— Я ничего не пойму, — тараща глаза, призналась Галина. — Он тебе снился?

— Снился.

— Вы чем занимались?

— Этим.

— Вот именно. Так зверски этим вы занимались, что ты даже пьяному чеху дала...

— Ну, нет! — запротестовала Далила. — Ничего я чеху твоему не дала. Даже в глаз засветить не успела.

Ты помешала...

Галина, подпирая кулаками бока, рявкнула:

— Может, дослушаешь?

— Говори, — покорила Далила.

— Если ты во сне позволила чеху себя раздеть, значит, ты любишь Матвея.

— Интересная логика.

— Что тут интересного? Я не сильна в психологии, но, по-моему, это понятно даже профану. Раз ты чеха приняла за Матвея, значит, ты мечтаешь о своем бывшем муже. Не зря же он снится тебе. И нечего тут стесняться, так часто бывает. Вот я, к примеру, с чехом жила, а отдавалась другому. Я мечтала...

— Неужели о Граблине? — испугалась Далила.

— Тьфу! — Галина зло сплюнула. — Больше не о чем мне мечтать. О Голосе я мечтала.

— О голосе? Ты о чем говоришь?

— Не о чем, а о ком. Я о том, который мне в трубку дышал. Он мне снится, — призналась Галина и, за компанию хлопнув носом, спросила:

— Вот куда он пропал? Мне так без него плохо!

Глава 11

Далила унеслась мыслями в тот холодный пасмурный день, когда родилась Ангелина.

Рожала Галина в попутке. Хозяин «навороченного» «Мерседеса» пожалел ее, голосующую под дождем на обочине, и пустил в свой уютный салон — как говорится, подобрал на свою голову. Галина ему отплатила добром: сразу рожать затеялась. Деваться ему было некуда, он, бедолага, роды и принимал — «Скорая» подоспела, когда Ангелинка уже посапывала в его пиджаке.

Далила была неподалеку и прилетела на зов. Она до сих пор с содроганием вспоминает ужас в его глазах, посиневшие губы и растерянное бормотание:

«Я пуповину грыз перочинным ножом. Посмотрите, пожалуйста, на малыша. Ребенок хоть дышит?»

Он держал новорожденную на руках и сам посмотреть боялся, был в трансе. Малышка спала, это ужасно его пугало. Он не верил, что ребенок выживет, но заботливо прижимал сверток к груди. Потом приехала «Скорая», забрала Галину. В переполохе Далила забыла спросить имя спасителя Ангелины — не приходя в себя, он умчался. Думалось, навсегда.

Но в роддом кто-то анонимно носил апельсины, а потом появился в жизни Галины таинственный Голос. Сначала даже не Голос — дыхание. Кто-то звонил и молчал, долго дышал в трубку. Месяц молчал, год молчал, но Галина, бестия, разговорилась: он молчит, она жалуется. На одиночество жалуется, на пустой холодильник, на ремонт квартиры — точнее, на отсутствие ремонта...

Он не выдержал и заговорил. Не представился, но успокаивал, пытался вселить оптимизм.

Галина терялась в догадках, а Далила молчаливо подозревала, кто он, этот таинственный Голос. И не ошиблась. Он решился.

В тот день Галина, Далила и Ангелина возвращались с прогулки и остановились возле подъезда. Он шагал к ним уверенно, он улыбался.., и вдруг свернул к гаражам. И ушел. Оторопев, Далила оглянулась и с досадой увидела, кто вспугнул его: Граблин (старый дружок Галины) и Ванек. Оба спешили с объятиями и букетами с другой стороны двора. Чех пришел свататься, Граблин — с ним за компанию.

И вот что из этого получилось: у Ванека дети-жена. А Голос пропал.

«И Галина не забыла его, страдает,» — ужаснулась Далила. — Знала бы она, кто он, Голос ее, убила бы Ванека».

И тут осенило Далилу: в тот день, когда родилась Ангелина, подруга столкнулась с гадалкой. Кажется, на Литейном, та входила в подъезд. А может быть, выходила — дело не в том. Что она предсказала?

Далила воскликнула:

— Семенова, ты не помнишь, что гадалка тебе предсказала?

Галина опешила:

— Какая гадалка?

— Неужели забыла? Перед тем как родить Ангелину, в тот день ты мне звонила, про гадалку что-то трещала, я сердилась, не верила...

— Точно! Не гадалка она, бизнесменка. Женщина.

Пожилая. Я мимо нее проскользнуть собиралась, а она сама остановила меня и сказала задумчиво: «Вот тебе я мужа найду». Представляешь?! И денег с меня не взяла. У нее дар фамильный, боится его потерять.

Самое удивительное, что часа через два я родила.

Далила подумала: "В машине того, кто тебе потом апельсины носил. И звонил. Эх, Семенова, может, этот парень твоя судьба? Вот и не верь после этого предсказанием.

Сказать ей?

Зачем? Зря расстрою".

— Слушай! — подскочила Галина. — Как я про бизнесменку эту забыла? У нее же агентство брачное!

— Не вздумай туда ходить, — запротестовала Далила.

— А если она мне мужа найдет?

— На себя уже не надеешься?

— А ты? Тебе снится Матвей, а ты кочевряжишься. Как ты другим советы даешь, когда сама бестолковая? — поразилась Галина и с чувством воскликнула:

— Я так ругаю себя! Ну почему не вцепилась я в Голос? Почему его к себе не звала? Почему не сказала, что жить без него не могу? И теперь он перестал мне звонить. А все ты со своими советами: «Не доставай его бабством, не верещи!» А самой снится Матвей.

Немедленно с ним сходишь!

— Все не так, как ты думаешь, — горестно усмехнулась Далила. — Все по-другому.

— По-другому? И как же? Почему тебе снятся такие хорошие сны? — грозно спросила Галина и, не дожидаясь ответа, снова яростно приказала:

— Сходись-ка, подружка, с Матвеем и не дури!

— Сны снятся от обиды и ревности, а Матвея я терпеть не могу. Мне даже разговаривать с ним противно, потому от него и бегаю.

— Так ты с ним не говорила еще?

Далила отрезала:

— И не собираюсь.

— Хотя бы послушай, что скажет мужик, — посоветовала Галина и, хлопнув себя по ляжкам, ругнулась:

— Ну, мать вашу так! Вы как малые дети!

— Кто бы меня учил. Я абсолютно уверена, что ты к Граблину бегала, а не с Хреновым в ресторане обедала. Это в твоём характере, чеха прогнала и улепетнула к забулдыге-дружку. А там гнездится другая голубка, потому ты рано домой и явилась.

Наивность подруги поразила Галину.

— Свяжись я с Граблиным, то и вовсе бы не пришла. И никакая другая мне в том не помеха, — просветила она Далилу и с гордостью сообщила:

— Я выполнила твоё задание и пообедала с Хреновым.

— И что узнала?

— Убийца он, Хренов. У меня нет сомнений, Верховскую Машу убил он.

Далила скептически осведомилась:

— С чего ты взяла?

— Хренов сам мне признался.

— Ты ври, да не завирайся. Как он тебе признался? Что, так и сказал: «Я Машу убил».

— Практически так и сказал, — невозмутимо подтвердила Галина.

Далила скомандовала:

— Рассказывай, как это было!

— Я, как ты меня и учила, опустила в тарелку глаза вяло жевала свой ужин и грустно вздыхала. Слава богу, после твоего торта это было несложно. Я изображала красавицу и тосковала, а Хренов искоса послеживал за мной, а потом не выдержал и пошел на контакт.

— Как пошел?

— Начал завязывать разговор. Я с ним не «вязалась», что называется, полный отказ.

— феноменально! Ты не вязалась! Уникальный случай в твоей биографии.

— Будешь язвить, перестану рассказывать, — пригрозила Галина.

— Все, молчу.

— Короче, я отделялась любезными, но короткими «нет» и «да». Он стал делать мне комплименты, я и на них не клевала.

— Невозможно поверить! — опять не удержалась от ремарки Далила.

Галина «лягнулась»:

— Благодарность тебе недоступна.

— Хорошо, ты не клевала, и что было дальше?

— Дальше все было, как ты обещала: моя приветливая пассивность разожгла в нем любопытство. Он начал выспрашивать, отчего я грустна. Пришлось признаться (все, как ты учила), что недавно погиб мой друг.

Галина мстительно сделала паузу — Далила нетерпеливо воскликнула:

— И?!

— И Хренов сник. И затих. Я уже думала, что все испортила, что знакомство сорвалось, а он вдруг печально мне говорит: «Я вас понимаю. Несколько лет назад я пережил такое же горе».

— А ты?

— Я, не будь душой, начала втюхивать: «Ах, у вас все не так, а меня мучает совесть! Я виновата в гибели Друга! Я не прощу себе никогда! Я его так любила!»

— А он?

— Он: «Я тоже ее любил, правда, узнал об этом только тогда, когда Маша была мертва. И меня тоже мучит совесть. И даже не совесть. Я сам не пойму, что меня мучит».

— Ну, надо же! — поразились Далила. — И что было потом?

Галина, явно гордясь собой, сообщила:

— Потом мы (уже как родственные души) заговорили о постороннем. Все, как ты учила: слово за слово, он о мужском — о машинах, я о женском — о выпечке. А потом принесли торт. Будь он неладен! При одном слове «торт» меня сразу тошнит.

— Ты не беременна? — озабоченно осведомилась Далила.

— Беременна? Ты еще издеваешься? Сожрать два торта за день! Если б я знала, на что иду...

Разойтись Галине не удалось, подруга решительно ее перебила:

— Ближе к делу, пожалуйста. Этак я до утра не узнаю, чем закончился ваш разговор.

— Если ближе к делу, то я начала убиваться: «Ах, и я в тот страшный день пекла торт, его любимый, для друга старалась, а он погиб, не отведав даже кусочка».

Все, как ты учила.

Подавшись вперед, Далила впиалась в подругу взволнованным

взглядом.

— Слушай, что это за пятно у меня на ковре? — вдруг спросила Галина.

— Ты издеваешься?

— Нет, ты же видишь пятно.

— К черту пятно! Что было с Хреновым?!

— Он побледнел.

— И промолчал?!

— В том-то и дело, что нет! — победоносно сообщила Галина. — Ценой невероятных усилий я вырвала у него признание!

Сильно рискуя, она сделала непозволительно длинную паузу, чем взбесила подругу. Однако Далила, досчитав до пяти, взяла себя в руки и спокойно спросила:

— Что он сказал?!

— Что и Маша перед смертью пекла его любимый пирог. И Хренов тоже его не попробовал. Пирог так и остался стоять на празднично накрытом столе.

— А как он узнал о пироге?

— Говорит, что Маша была именинница. Он тайно от всех к ней заходил.

Далила откинулась на спинку кресла и выдохнула растерянно и с изумлением:

— Похоже, ты права, Хренов и есть убийца.

— И это тебя удивило? — с непонятной обидой поинтересовалась Галина. — Или ты с ним знакома?

Подруга, впадая в задумчивость, еле слышно ответила:

— Нет, но как-то быстро и как-то легко мы все раскопали. Обычно так не бывает.

— Это у тебя не бывает, а у меня все быстро и очень легко, — парировала Галина и вдруг спросила:

— А почему ты меня послала именно к Хренову? Почему начала не с Мискина, не с Кроликова, Замотаева? Ты Хренова подозревала?

— Больше всех, — кивнула Далила. — А про Замотаева Лиза узнает от Наташи, его жены. И про Кроликова Лиза узнает, он телохранитель у Замотаева.

— А Мискин? — вдохновляясь, спросила Галина. — Я могу и с ним познакомиться!

— Ну уж нет, — испугалась Далила. — Мискин бабник, кобель.

— Нашла чем меня испугать.

— Ты здесь при чем? Разве умная Маша влюбилась бы в кобеля? Мискина я в последнюю очередь подозреваю. И потом, давай разберемся сначала с Хреновым. Нельзя же хвататься разом за всех.

— А я бы за всех мужиков разом схватилась, дай мне возможность, — горько вздохнув, призналась Галина.

— Ничего, я вылечу скоро тебя, — пообещала Далила.

Глава 12

Этой ночью Далила совсем не спала. Вернувшись домой, она засела за отчеты частного детектива, полученные от Верховского, — тщательно изучала все, что касалось Хренова.

Сергей Хренов Далилу сразу заинтересовал, потому она и послала к нему Галину. Он присоединился к компании в подростковом возрасте, но держался особняком. Как бы Верховский ни убеждал Далилу, что друзья монолит, она ему не поверила. Из его же ответов и было видно: их «монолит» состоял из трех составляющих: «Замотаев — Верховский», «Кроликов — Мискин» и одинокий Хренов. Кстати, перед тем как произнести фамилию Мискин, Верховский почему-то запнулся.

«Интересно почему?» — спросила себя Далила и вернулась к Хренову.

Именно Хренов Сергей цементировал коллектив.

Клуб мушкетеров уже распадался, когда он туда пришел. Этот клуб держался лишь на дружбе семей. Верховские, Мискины, Кроликовы и Замотаевы частенько встречались, отмечали праздники, дни рождения и другие события. Они собирали в ватагу своих детей.

Но дети вырастают и частенько заводят свои компании.

Хренов вовремя появился. Он был цепочкой, соединяющей две ячейки в одну. Хотя признанным лидером был Верховский, Хренов не прибил к его деловитой ячейке «Замотаев — Верховский». Не примкнул он и к веселой ячейке «Кроликов — Мискин».

Хренов дружил одновременно со всеми и в то же время был и своим, и чужим.

Именно в отстраненности Хренова Далила находила черты Вечного Принца. Из-за своего непостоянства он и примкнул к компании — там можно сфилонить. Ведь настоящая дружба требует больших духовных затрат, а Вечный Принц напрягаться не любит — он сливкосниматель. Он то загорится, то вдруг погаснет. Вечный Принц в вечном поиске.

Но, с другой стороны, Хренов очень успешно вел бизнес. Что это? Вечный Принц стал Королем? Возможно, но это ничего не меняет.

"Значит, Хренов переживает. Совесть покоя ему не дает. Интересная получилась конструкция, — размышляла Далила. — Вечный Принц влюбляется в Золушку. Точнее, Золушка влюбляет в себя Вечного Принца, потому что Хренов сначала влюбился в Наташу, а Маша его отбила. Но держала свою победу в секрете.

Он ей помогал. Почему? Боялся Верховского?

Нет, не годится. Не Верховского он боялся.

Кого? Почему Хренов скрывал чувства к Маше?

Чтобы не подставлять ее? Он знал, что его любит Наташа? У них был роман? Он не хотел разрушать дружбу сестер?

Похвальные побуждения, но мужчины редко им следуют. Тогда в чем дело? Почему он скрывал?

Маша флиртовала с другим?

Точно! С кем-то из «монолита», но с кем? Кого Хренов боялся? Кроликова?

Маша могла его полюбить? Он красавец, но простоват.

Замотаев? Но когда у них сладилось? Тот с братом не расставался — бизнес общий. К тому же Замотаева брат прочил в мужья Наташе.

С Мискиным был роман? Мискин бабник. Маша могла с ним поиграть, голову поморочить, и только...

Ой, что это?"

Размышляя, Далила листала отчеты детектива, нанятого Верховским. На странице мелькнуло: «Алиби Хренова».

«У Хренова есть алиби! — поразилась она. — Надо звонить Верховскому».

Так увлеклась, что сразу и позвонила, не глядя на позднюю ночь. Лишь услышав его сонный голос, опомнилась и смутилась.

— Простите, я вас разбудила? — испуганно спросила она.

Верховский ее успокоил:

— Если бы, я не сплю. Лежу, глаза в потолок. Впрочем, не вижу и потолка.

— Что же видите?

— Лицо Маши. Растерянные глаза. У нее глазки были, как у мышонка: круглые карие и тревожные.

Маша милая, трогательная была. Какому гаду она помешала? Понять не могу.

— Я скоро это узнаю, — пообещала Далила.

— А почему вы не спите? — запоздало удивился Верховский.

Она стусевалась:

— Да так, увлеклась. Сижую, изучаю ваши бумаги.

Я вас хотела спросить про Хренова.

— Что именно?

— У него есть алиби?

— Да, есть.

— В отчете детектива ничего не написано, лишь помечено: «Алиби». Хотелось бы знать подробности.

Верховский смущенно крикнул и вдруг спросил:

— У вас есть семья?

— Да, сын, — растерялась Далила и зачем-то добавила:

— Он в соседней комнате спит.

— А вы?

— Простите, что — я?

— Вы собираетесь спать?

Взглянув на часы, Далила ответила:

— Уже нет смысла ложиться.

Верховский радостно пояснил:

— Мы могли бы встретиться и поговорить. Вы не против?

«Не знает, как скоротать бессонную ночь», — догадалась она и согласилась:

— Конечно, нам надо встретиться. Приходите ко мне, мы с вами почти соседи. Вы — на Суворовском, а я — на Таврической.

— Правда? — оживился Верховский. — Я рад.

Он пришел, они пили на кухне чай и шептались.

Он много курил — против правил, Далила ему разрешила. Какое-то время говорили о пустяках, ходили вокруг да около. Она не торопила его. К главному он сам приступил:

— Так вот, про алиби. Официально Серега со мной был, когда с Машей все это случилось.

— А на самом деле?

Верховский смущенно пожал плечами и нехотя сообщил:

— А на самом деле Хренов у женщины был, но боялся ее засветить.

— Замужняя женщина, — догадалась Далила.

— Да. Он джентльмен, Хренов. Когда все это случилось, Серега на следующий день ко мне прибежал:

«В ментовку вызывают! Что я скажу?» Если честно, соображал я плохо тогда, но помощь ему предложил.

Так появилось алиби.

— А почему вы думаете, что Хренов не врал?

— В тот страшный день я с ним утром в цветочном магазине столкнулся. Зашел Машутке корзину роз заказать, а Серега букет выбирал. Меня увидел, смутился, но ничего не сказал. А я не спрашивал, ясно и без расспросов. Далила Максимовна, а почему вы уверены, что сможете гада найти?

Чтобы не смущать Верховского лишними подробностями, она осторожно ему пояснила:

— Дело в том, что Маша вполне предсказуема, она жила по сценарию. Это позволяет мне, как психологу, предположить, в кого она могла бы влюбиться.

Он спросил недоверчиво:

— Правда?

— Поверьте, вариантов немного.

— А что это за сценарий такой?

— Маша — Золушка. Поэтому я ищу Принца.

— Вы знаете, точно, — оживился Верховский. — Я вот сейчас только понял, что Машутка наша на Золушку очень похожа была. Хорошая такая, трудолюбивая и веселая. У нее все ладилось. Вот Наташка совсем другая. Наташка капризная, за счет Маши всегда выезжала. А что за Принц? Как мы его будем искать?

— Вечный Принц — тип психологического вампира, — пояснила Далила и поспешила добавить:

— Не пугайтесь, вампир — это метафора. На самом деле так называют невротиков, объединенных общим сценарием жизни. Уверяю вас, на неопытный взгляд это обычные люди, зачастую довольно приятные.

Однако неискушенный Верховский был впечатлен.

— А как же они превратились в вампиров? — озабоченно спросил он.

Далила вздохнула:

— Ох, корни невроза уходят в раннее детство. Не правильное воспитание, чрезмерно строгие родители, масса запретов, мораль, лежащая каменным грузом на слабых детских плечах. Все это у ребенка в первые пять-семь лет формирует сценарий жизни. Этакую невротическую систему отношений, алгоритм поведения характер, если хотите. Личность живет в состоянии эмоционального напряжения. — зачастую не осознавая того. Вырабатываются свои средства защиты, склонность к манипулированию людьми. Невротическая личность чаще попадает в конфликтные ситуации и сама их создает, постепенно становится все уязвимее и в конце концов серьезно заболевает. Невротик действует вопреки разуму, во вред окружающим и себе. Он становится героем пьесы, сценарий которой уже пишет не он, а желания, загнанные в подсознание. У меня есть подозрение, что Маша влюбилась именно в такого мужчину.

— Да где же она такого нашла? — поразился Верховский, не подозревая, что он и сам отчасти такой.

У здоровых людей не бывает навязчивых снов и бессонницы.

— Где нашла? Думаю, среди знакомых, — сообщила Далила. — В своем же кругу.

Он потряс головой:

— Да нет, в нашем кругу все здоровы. Маньяков там нет.

— Андрей Викторович, Вечный Принц не маньяк.

Он простой человек, внешне — абсолютно нормальный. Особенно в вашем возрасте.

— В чем же тогда проблема? — поразился Верховский.

— В его невротичном сценарии. У Вечного Принца проблемы с общением. Он может скрывать их, может маскироваться, но рано или поздно невроз настигнет его. Вечный Принц заболеет, начнет ходить по врачам, возможно, доберется и до психотерапевта.

Но мы ждать так долго не можем. Я могу его выявить прямо сейчас.

— И что надо делать?

Далила нарочно сделала паузу, обозначая важность момента, и, пристально глядя в его глаза, сообщила:

— Мне нужна ваша помощь.

Верховский напрягся, она же спокойно продолжила:

— Ради блага вам придется немного солгать.

Он вздохнул с облегчением:

— Всего-то? Да пожалуйста, ради Маши сколько хотите. Говорите, что я должен делать.

— Вы богаты и вполне можете оплатить книгу о вашей покойной сестре. Давайте я представлюсь вашим друзьям писателем. Якобы вы заказали мне книгу о Маше. Такое возможно?

— Вообще-то возможно, — пожал плечами Верховский, — но зачем?

— Что — зачем? — удивилась Далила.

— Зачем вам представляться писателем?

— Во-первых, мне нужно расспросить всех ваших друзей и знакомых, не вызвав их подозрений. А во-вторых, для того чтобы люди пошли на откровенность, я должна заслужить их доверие и уважение. Думаю, представляясь писателем, я добьюсь желаемого результата.

Верховский рассмеялся:

— Ну, знаете ли, я не согласен.

— Почему?

— Мои друзья и знакомые умные, образованные люди, многие из них весьма утонченные. Да и, по моему разумению, писатель — это тот, у кого порядок в мозгах, а у наших современных писателей и мозги-то есть не всегда. Нет-нет, лет двадцать назад, возможно, и стоило бы представляться

писателем, а сегодня нельзя. Если мои друзья отнесутся к вам снисходительно и с насмешкой, я не удивлюсь.

Далилу слегка задели аргументы Верховского.

— Между прочим, я тоже книги пишу, — призналась она.

— Надеюсь, по психологии? — с почтительным поклоном осведомился он.

— Разумеется.

— Это другое дело.

— Хорошо, — хмурясь, сдалась она, — отказываюсь от своей затеи. Но расследование я все равно должна провести. Кто я тогда, если не писатель?

Верховский по-доброму улыбнулся и посоветовал:

— Оставайтесь психологом. Вам это очень к лицу.

И врать не придется.

— Да, ложь не приводит к добру, — согласилась Далила. — Но как я в своем настоящем звании объясню вашим друзьям и знакомым свой интерес к Маше?

Ведь они должны меня в дом свой пускать, тратить драгоценное время, о пустяках разговаривать. Ведь неспециалист не может определить, что важно, а что пустяк.

— Правильно, поэтому вы им скажите, что пишете научный труд о Золушке, что Маша наглядный пример, что вся наша семья наглядный пример. Науку в нашем кругу уважают и будут вам помогать. Все, что вы мне говорили, то и скажите моим друзьям.

— Нет, это вы им скажите.

— Конечно, — подтвердил Верховский, — я должен сказать. Я и скажу.

— А я завтра же приступлю к опросу ваших друзей.

Нет, пожалуй, начну с соседей, знакомых...

Она осеклась. В прихожей раздались скрип паркета и звуки приближающихся шагов — в кухню ввалился раздетый заспанный Димка. Зверски потирая кулаками глаза, он басовито (голос, как у Матвея) бубнил:

— Ты что, опять закурила? Так нечестно. Ночью.

Тайком. И почему ты не спишь?

Верховский ошалело уставился на симпатичного молодого гиганта в трусах, потом перевел взгляд на Далилу и смущенно пролепетал:

— Я не знал, что вы не одни.

Услышав незнакомый баритон, Дмитрий оторвал от глаз кулаки и хриплым от сна голосом испуганно пробасил:

— О, у нас гости, простите. — И скрылся в черной дыре коридора.

— Что же вы не сказали, что я не вовремя? — с укором спросил Верховский, обретая вид описавшегося пуделя.

— Потому что вы вовремя, — возразила Далила.

— Как же вовремя? — Он сокрушенно кивнул на дверь, за которой скрылся верзила. — Я ночью ввалился, вас от дел оторвал.

С материнской гордостью она сообщила:

— Это не то, что вы думаете. Это Димка, мой сын.

Я же вам говорила, что он в соседней комнате спит.

— Ваш сын?! — поразился Верховский, жадным взглядом впиваясь в лицо Далилы. — Простите, сколько ж вам лет?

— Тридцать три, — смущенно призналась она.

— А сколько ж тогда ему?!

— Всего девятнадцать. Он как-то рано у меня возмужал.

— А вы стареть не спешите, — улыбнулся Верховский. — Я думал, вам двадцать пять.

— Ну что вы, — всплеснула руками Далила.

— Я вам не льщу.

— Но я польщена, несмотря на то что вы меня уличили, — усмехнулась она. — Видите, и психоаналитики допускают трагические ошибки.

— Почему трагические?

— Потому что стать мамой в четырнадцать лет — трагедия. Я лишила себя детства, юности, получила душевную травму, и в конце концов ранний брак мой распался. Из-за неопытности, из-за минутной маленькой слабости я так настрадалась, что иной раз готова выйти на площадь и прокричать: «Девочки, не повторяйте моей глупости!» И прокричала бы, если это кому-нибудь могло бы помочь, — со вздохом заключила Далила.

Верховский вдруг побледнел.

— Что с вами? — спросила она.

Он поспешно ответил, пряча глаза:

— Нет-нет, ничего.

— Но я вижу, на вас нет лица. Это связано с Машей? Вы что-то скрываете? Если так, то не годится, я все знать должна. Поймите, я психоаналитик, мне все можно доверить, я все пойму, я никогда никого не осуждаю.

— Да нет, я ничего не скрываю, с чего вы взяли? — рассердился Верховский.

— Маша была беременна! — осенило Далилу.

Он поник и признался:

— Да. Вскрытие показало, но я спас честь покойной сестры, заплатил кому надо, чтобы это не предали огласке. Кроме меня, об этом не знает никто.

Далила воскликнула:

— Неужели совсем никто?

Верховский понуро кивнул:

— Даже друзья. Даже Наташа.

Она поразилась:

— Но как вас понять? Вы меня убеждали, что Маша ни с кем не встречалась, а теперь выясняется, что она была в положении. Что же вы думали по этому поводу?

— Я думал, что Машеньку изнасиловали, но она боялась в этом признаться. Я и сейчас в этом уверен, — твердо сказал Верховский.

Расставшись с ним, Далила грустно подумала: «Удивительно, люди не хотят говорить правду, но сами одержимы желанием правду узнать и верят, что им удастся это сделать при помощи лжи».

Глава 13

В этот день не явился на сеанс психоанализа Куськин — словно узнал о бессонной ночи Далилы. Позвонила Генриетта Карловна — Куськина мать, как прозвала ее Галина, — и жалобно сообщила, что сын простудился: матерится, кашляет и чихает. Далила любезно посоветовала поить сына чаем с малиной и, простившись с Куськиной матерью, нажала на кнопку вызова секретарши.

Даша немедленно впорхнула в кабинет и проследовала к столу походкой супермодели.

— Я сегодня пораньше уйду, — сказала Далила, с неиссякаемым изумлением наблюдая за своей секретаршей. — А ты, пожалуйста, задержись и заготовь побольше бланков для тестов. И наконец обработай опросники.

— Прямо сейчас приступаю, — деловито пискнула Даша, снимая со стола высокую стопку бумаг и укладывая ее на свою обнаженную грудь.

Девушка обожала рискованные декольте, чем смущала нервных пациентов Далилы. Самсонова прощала Даше все слабости за ее добрый нрав.

Когда секретарша, виляя бедрами, вышла из кабинета, Далила обхватила щеки руками, уперлась локтями в столешницу и задумалась.

Манила мысль: «Домой, в постель, отсыпаться».

Но Далила себя пересилила и отправилась в родовое гнездо Верховских.

Опрос жильцов дома она начала с верхнего этажа: спускаясь вниз, у них больше шансов заметить нечто полезное. В первой же квартире Далилу поджидал приятный сюрприз: там о ней знали и встречали приветливо. Это было тем удивительней, что Верховские после гибели Маши поменяли квартиру.

— Неужели Андрей Викторович успел всех обзвонить? — спросила Далила у Веры Павловны Романовой, сухонькой интеллигентной старушки. Та удивилась:

— Зачем? Андрюша позвонил Эвальду Авраамовичу, а тот сообщил жене, Ираиде Борисовне. Ираида сходила к Эмме Давыдовне, они на одной площадке, а Эмма Давыдовна позвонила Музе Петровне. Муза Петровна отправилась Нерона выгуливать и сообщила мне. Мы с Агнес променаж совершали. Правда, малышка? — спросила она у философски настроенной

таксы.

Агнес задумчиво подтвердила:

— Тя-яв!

Далила воскликнула:

— Я очень рада!

Однако на этом радость ее и закончилась — Вера Павловна была очень мила, но не сообщила ничего полезного. Далила двинулась в другую квартиру, но и Муза Петровна разочаровала ее. То же произошло и в квартире Ираиды Борисовны, жены Эвальда Авраамовича. Она красноречиво сожалела, что Верховские съехали, но интересных сведений про роковой день сообщить не могла.

— Нас вообще тогда в Питере не было, — напоив гостью чаем, вскользь в конце разговора сообщила она. — Мы с Эвальдом уезжали на отдых. Узнали о Гибели Маши, когда вернулись.

«Могла бы и раньше сказать, — мысленно рассердилась Далила. — Я столько времени зря потеряла».

— Спасибо за чай, мне было очень приятно, — заспешила она.

— Ну что вы, — расплылась в улыбке Ираида Борисовна, — это вам спасибо. Машенька подвигов не совершала, молодой умерла, но личностью она была исключительной. Вы не зря ее изучаете. Я всегда говорила...

На этот раз ее оборвал звонок.

— Муж пришел! — подскочила Ираида Борисовна. — Он о вас знает и будет вам рад!

Встретив в прихожей мужа, она слово в слово пересказала весь разговор, происшедший с Самсоновой.

Эвальд Авраамович, качая седой головой, с достоинством выслушал все, что, экономя время, быстро прострекотала жена, и не спеша возразил:

— Идочка, ты ошибаешься, мы были в Питере, когда Маша погибла.

— Эвик, с чего ты взял?

— У Машеньки был день рождения. Я спускался вниз с чемоданами и встретил Сереженьку. Он с букетом под дверью стоял.

— Не может быть! — поразились Ираида Борисовна и с чувством спросила:

— А где же я в это время была?

— Ты сидела в такси, — с иронией сообщил Эвальд Авраамович и шутливо гостье пожаловался:

— Идочка постоянно все путает. Вчера она перепутала с креслом мои очки. И, конечно, их раздавила.

Далила, нервно сглотнув, спросила:

— Вы сказали, под дверью с букетом Сережа стоял. Какой Сережа?

— Конечно же, Хренов, — с неясной обидой воскликнул Эвальд Авраамович и с той же обидой добавил:

— Какой же еще, у Верховских в доме один Сережа бывал.

— Только Хренов, — компетентно подтвердила Ираида Борисовна.

Далила пролепетала:

— Спасибо огромное. До свидания.

И на ватных ногах ушла. Она боялась поверить, что с первого выстрела в цель угодила.

Глава 14

— Так не бывает, так не бывает, — стуча каблучками по дореволюционным ступеням, радостно шептала Далила. — Я убийцу нашла! Неужели так быстро?

То-то восхитится племянницей тетушка Мара! Ай да Далила! Ай да я! С ходу уконтропуила!

Ее радость была прервана Моцартом: телефон бойко затренькал рондо, мелко «дрыгаясь» в кармане Самсоновой в такт легкой музыки.

— Далила Максимовна, что же это такое? — раздался в трубке расстроенный голос Даши.

— Ты где? — удивилась Далила.

— На работе сию.

— До сих пор?

Секретарша обиделась:

— Вы еще спрашиваете? Сами меня загрузили.

Я тут вообще зашиваюсь, не знаю, как отбояриться.

— От кого? Что случилось?

— Какой-то Пендраковский уже третий раз мне звонит и утверждает, что вы ему назначали на вечер.

Далила, испугавшись, воскликнула:

— Мальчик! Как я забыла!

— Ха! Мальчик! — фыркнула Даша. — Скажете тоже, голос скрипит, как телега несмазанная.

— Что ты сказала ему?

— Посоветовала на мобильный вам позвонить, а он упирается, говорит, вы опять осерчаете. Короче, он едет. Сказал, что будет в офисе максимум через час.

Так что, вас-то мне ждать?

— Нет, примешь его сама, — пошутила Далила.

Но Даша, похоже, и в самом деле «зашилась» — юмор воспринимать она уже не могла и панически закричала:

— Что я с ним буду делать?

— Для начала глубокий гипноз, потом сеанс расширенного психоанализа.

— Вы шутите, а я тут схожу с ума! — гаркнула Даша и бросила трубку.

"Ну вот, обидела девочку, — сокрушилась Далила и тут же себя успокоила:

— Ничего, я ей шоколадку куплю".

И она понеслась.

* * *

Едва Далила успела вернуться в офис, едва влетела в кабинет и упала в свое кресло, как дверь робко открылась. Вошел грузный, но симпатичный мужчина лет сорока. Отвесив старомодный поклон, он представился старческим прокуренным басом:

— Пендраковский Валерий Гаврилович.

«Так вот ты какой, Мальчик — родной человек тетушки Мары, — пронеслось в голове у Далилы. — Он следом за мной, что ли, шел? Значит, он видел, как я неслась, и слышал, как материлась, ломая на бегу каблуки».

Она тут же себя успокоила: "Ничего, эти вольности компенсирую дальнейшей интеллигентностью.

Мальчик будет доволен".

Скрывая улыбку, она предложила ему присесть и, когда Пендраковский застенчиво устроился в кресле напротив, задушевно произнесла:

— Слушаю вас, Валерий Гаврилович.

Рассказ его выглядел уморительно. Шкаф прабабки — реликвия, из которой то и дело выскакивают голые женщины или мужчины. В итоге антиквар набрасывается на клиента и «одаривает» его тумками.

Далиле стоило многих сил сохранять серьезность, но Пендраковский воспринимал происходящее с ним без юмора, даже трагически.

Повествовал Пендраковский на жарких эмоциях.

Он вскрикивал, вскакивал, жестикулировал и гримасничал, а под конец так бешено закатил глаза, что Далила, содрогнувшись, подумала: «Ну и Мальчик! Прислала тетушка мне пациента!»

Выдав Пендраковскому стопку листов с вопросами, она поспешила его спровадить. Однако (уже в дверях) он маневр ее разгадал и с обидой спросил:

— А лечить, выходит, не будете?

— Вообще-то я не лечу, в общепринятом смысле, — расплывчато пояснила Далила.

Пендраковский нахмурился:

— Значит, не приходите?

Она удивилась:

— Зачем же тогда вы взяли вопросы?

— Вопросы? — Пендраковский пожал плечами. — Думаю, это вы так, от культуры, чтобы прямо мне не сказать: «Иди-ка ты...»

— Что за глупости, — рассердилась Далила. — Нет уж, раз взяли вопросы, извольте на них отвечать, а потом я вас еще потестирую...

Пендраковский испуганно перебил:

— А потом что?

Она отмахнулась:

— А потом будет видно. — И строго добавила:

— Жду вас завтра в это же время. На вопросы ответить успеете? Их много.

— Успею, — обрадовался Пендраковский, и Далиле сделалось стыдно.

Однако это не помешало ей попенять своей тетушке. Едва Пендраковский вышел из кабинета, Далила позвонила старушке и сообщила:

— Ужас!

Проницательная тетушка Мара мгновенно все поняла и сдержанно осведомилась:

— Это диагноз?

— Боюсь, что да. Сильно пахнет шизофренией.

Старушка пришла в восторг:

— Мальчик был у тебя?!

Далила фыркнула:

— Мальчик! Если это и мальчик, то несколько постаревший. И сильно обрюзгший. И тебе повезло, что ты не слышала его скрипучего голоса. А что он мне тут рассказывал! — ужаснулась она.

Тетушка строго спросила:

— Что он рассказывал?

— Тебе лучше об этом не знать.

— Детка, что с ним? Не скрывай. Говори, как есть, я стерплю.

— Сколько пафоса, — рассердилась Далила, — можно подумать, он и в самом деле твой родственник.

— Что с ним?!

— Что с ним, не знаю. Твердо сказать могу только одно: психоанализ здесь бессилён. Не анализ нужен ему, а анализы ему надо сдавать.

— Что?

— Твоему Мальчику надо искать хорошего психиатра!

— Он уже знает? — разволновалась старушка.

— За кого ты меня принимаешь? Я его успокоила и зарядила вопросами. Завтра придет, побеседуем, и, пока я буду его отвлекать, ты поднимай свои связи.

Случай незаурядный. Надеюсь, не слишком запущенный.

— Горе какое! — воскликнула тетушка Мара.

Наспех простившись с племянницей, она бросилась терзать свой старенький телефон в поисках маститого психиатра.

А Далила, впечатленная рассказом Валерия Пендраковского, плохо и этой ночью спала.

Она немало повидала человеческих странностей и завихрений, но умалишение — жуткая вещь, это тягостно даже для специалистов, зараженных цинизмом.

Далила не могла спокойно смотреть, как умного и приятного человека покидает собственный разум. К тому же Далила знала: болезнь не стоит на месте, она прогрессирует, и как будет выглядеть Пендраковский спустя месяц, полгода, год — одному богу известно.

В связи с этим проблема Андрея Верховского отошла на второй план. Пропитавшись сочувствием, Далила уже с нетерпением ожидала прихода Мальчика тетушки Мары.

И Мальчик назавтра пришел. Минута в минуту.

И свернутые в трубочку ответы принес.

Далила жадно пробежалась по ответам глазами и, заподозрив ошибку, осторожно спросила:

— Валерий Гаврилович, вы к врачам обращались?

— Обращался, — кивнул Пендраковский и выложил на стол кипу заключений, направлений, анализов.

Суеверно скрывая радость, Далила кипу тщательно изучила и с удовольствием обнаружила, что Мальчик здоров.

"Возможно, галлюцинации явились следствием стресса и сексуальных проблем, — предположила она. — Все это наложилось на богатое воображение, так возникли эти истории.

Но почему именно шкаф главный герой?

Потому что шкаф завещала прабабушка, а он ее очень любил. Возможно, в Пендраковском идет борьба: одна его часть хочет стереть память о покойной прабабке, старается забыть, избавиться от страданий, другая — сопротивляется. Она-то и не позволяет ему шкаф продавать. Примерно так появились истории с антикварами.

Но почему из шкафа вылезают любовники?

Видимо, Пендраковский планировал завести семью после смерти прабабки. Теперь он, испытав вину, сам себя уличает в разврате физическом, подразумевая разврат душевный.

А возможен другой вариант: он хочет иметь семью, но боится перемен и ответственности. Импотенция, возможно, тоже следствие интрапсихических процессов личности. С помощью импотенции Пендраковский пытается (неосознанно, разумеется) избежать перемен в своей жизни. Таким сложным способом Пендраковский уходит от необходимости заводить семью.

Но с другой стороны, желание есть, есть мечты о жене, о детишках.

Противоречия его сильно ломают. Все это происходит на фоне переживаний, связанных со смертью прабабки. Он этой смерти ждал, строил планы, а теперь настала пора осуществлять свои планы.

Но Пендраковский отпетый эгоист, он не готов осуществлять свои планы, он стремится к старой привычной жизни. Однако по-старому жить не получается.

Все изменилось со смертью прабабки. Он по-другому ложится спать, уже не так просыпается — не хватает любимой бабульки. Отсюда стресс, нервное расстройство, бессонница и галлюцинации.

Все, возможно, так, а может оказаться и по-другому. Будем работать", — решила Далила и начала тестировать Пендраковского.

Этим вечером она позвонила тетушке и спросила:

— Ты нашла психиатра?

Старушка радостно сообщила:

— Нашла!

Далила не менее радостно возвестила:

— Психиатр нам не нужен!

— Как жалко, — растерянно залепетала тетушка Мара. — Отличный такой психиатр, занятой, я с трудом его уговорила...

— Ты недовольна, что твой Мальчик психически здоров? — поразилась Далила.

— Нет, конечно, я очень довольна, — спохватилась старушка. — Сейчас звоню Лелечке и сообщаю...

— Рано еще сообщать. Психически Мальчик здоров, но есть большие проблемы. И я намерена их решить.

Тетушка снова обрадовалась:

— Спасибо, детка! Если понадобится, я тебе помогу. Обращайся.

— Надеюсь, справлюсь сама, — проворчала Далила и сердито

подумала: «Так и буду до пенсии соревноваться с собственной теткой».

Чтобы окончательно внести ясность, Далила этим же вечером отправилась к Артуру Велюровичу, к антиквару, который самым первым осматривал шкаф Пендраковского. Артур Велюрович работал в известной фирме, и Далилу там изумили, сообщив, что антиквар недавно погиб. Она уточнила:

— Вы хотели сказать, он умер.

Менеджер нехотя повторил:

— Нет, он погиб.

— Каким образом?

— Попал под машину. Простите, уже поздно, мы закрываемся. Могу я вам чем-то помочь? — с плохо скрываемым раздражением спросил менеджер.

— Нет, спасибо, мне был нужен Артур Велюрович, — собираясь уходить, поблагодарила Далила. — Хотя, — задержалась она, — может, вы в курсе. Он оценивал старинный шкаф с горельефами.

В глазах менеджера промелькнуло любопытство:

— С горельефами? Что там изображено?

— Овечки, пастухи и пастушки.

— Пастораль. Что ж, интересно, но я ничего о шкафе не слышал. Если хотите, я пришлю другого оценщика.

Далила сникла:

— Нет, спасибо. Не надо уже.

Глава 15

Несколько дней Далила ломала голову, как припереть к стенке Хренова. Сам он в убийстве Маши, ясное дело, никогда не сознается. На свидетельство Эвальда Авраамовича он скажет: «Да, я заходил к ней. Подарил цветы и ушел».

Что дальше? Чем будем крыть?

«Надо искать причину, по которой он убил Машу, — решила Далила. — Иначе мне никто не поверит».

Пользуясь протекцией Верховского, она позвонила Сергею Хренову. Он был очень любезен и назначил ей встречу в офисе своей фирмы, с иронией извинившись:

— С приятной дамой хотелось бы побеседовать в более веселом месте, но, к сожалению, в офисе я почти живу. Полно работы. Домой прихожу только спать.

Далила его успокоила:

— Ничего-ничего, меня и офис устроит. Я не отниму у вас много времени.

К встрече с Хреновым она хорошо подготовилась и знала, что он сноб, но старается это скрывать. Все друзья отмечали, что Хренов обидчив и самолюбив, но исключительно услужлив и добр. Еще было известно, что он из богатой семьи, что его предки дворяне, что его дядюшка по материнской линии занимает в Кремле довольно высокий чин, чем Хренов не козыряет. Он скромн и горд. Со своими проблемами он сам управляет. Связями пользоваться не любит и окружающим помогает при условии, что потребуются только его усилия.

Составленный по отзывам друзей и знакомых портрет вышел в общем-то симпатичным. Это смущало Далилу. Успокаивало одно: отзывов было мало, что повышало вероятность ошибки.

«Ничего, — решила она, входя в приемную Хренова, — положусь на свое впечатление. Надеюсь, сегодня его и составлю».

Офис Далилу потряс дорогой и изящной отделкой.

Было очевидно, что бизнес Хренова процветает. В приемной ее встретил охранник. Он вежливо помог Далиле снять плащ, повесил его на вешалку и приветливым жестом указал на диван.

На диване ей посидеть не пришлось. Интеллигентного вида секретарша даром времени не теряла: хорошо поставленным голосом она

сообщила шефу, кто пришел и по какому поводу. Тот любезным тоном выразил готовность к беседе.

«Все по самым высоким стандартам деловых приличий, — мысленно усмехнулась Далила. — Красиво, дорого, интеллигентно, душевно. Не мешало бы так завести у себя, но где брать для этого деньги? Даже мебель в приемной обновить не могу, но зато у меня есть Даша», — успокаивающе заключила она, устремляясь в кабинет к Хренову.

Он, увидев ее, вскочил, приветливо поздоровался и.., зачем-то зашел со спины, опуская руки на плечи Далилы.

— Что вы делаете? — удивилась она.

— Хочу вас раздеть.

Далила взревела:

— Что-о?

В голове ее промелькнуло: «Он точно маньяк!»

— Я хочу помочь вам снять плащ, — отступая на шаг, растерянно пояснил Хренов.

Она рассмеялась:

— Плащ? Простите, но на мне только платье.

Плащ я в приемной сняла.

Теперь и он улыбнулся:

— Это вы простите, кажется, я оплошал.

Далила его успокоила:

— Ничего страшного, мое платье действительно смахивает на плащ.

Глаза их встретились, и она поняла, что Хренов ей нравится.

* * *

Сергей Хренов Далилу очаровал. Не писанный красавец, но его огромные голубые глаза были умными, пухлые губы — добрыми, руки — сильными, а манеры — приятными. Далила не нашла в нем Вечного Принца. Говорил Хренов уверенно, красивым негромким голосом; спокойно, без тени смущения, смотрел в лицо собеседника. Рядом с ним было комфортно и очень легко. Он внимательно слушал, не перебивал, формулировал мысли четко и без напряжения.

Короче, какой там невроз!

Скорей невроз был у самолюбивой Далилы — вернувшись домой, она себе места не находила. Еще бы!

Образно выражаясь, с диким грохотом рухнула легкая конструкция, которую она быстро и удачно сложила. О, как Далила собой гордилась: почти поймала убийцу!

Собралась хвастать тетушке Маре! Нос задрала!

Хвост трубой подняла!

Глупая! Торопыга! Слепая!

Теперь о невиновности Хренова говорило все: его успешность, добропорядочность, интеллигентность, открытость. Бизнес его давно процветает, Маша еще жива была. Да и чем она, девчонка, могла ему помешать? За что ее убивать?

О покойной Хренов вспоминал охотно и очень легко. Пожалуй, слишком легко. Далила даже спросила:

— Вам хочется о ней говорить?

И вот тогда-то настоящий пошел разговор. Он, глядя ей прямо в глаза, признался:

— Да. Мне хочется о ней говорить. С вами особенно.

— Потому что я психолог? — догадалась она.

— Потому что вы все понимаете.

— Вы с ней не просто дружили?

Хренов кивнул:

— Вы проникательны. Да, я Машей был увлечен, а когда ее вдруг не стало, понял — это любовь. Эта любовь до сих пор жива, потому и не женюсь.

Далила нехотя возразила — ей уже не нужно было его ловить.

— Ваше долгоживущее чувство скорей походит на угрызения совести, — мягко сказала она.

И после неловкой паузы, тихо добавила:

— Простите. Я не хотела...

Хренов поспешил ее остановить:

— Не извиняйтесь, вы снова правы. Я же сказал, что вы все понимаете. С вами можно просто молчать.

— Но вы, пожалуйста, говорите, — попросила Далила.

— Конечно, я ценю ваше время. Да, вы точно подметили, я простить себе не могу гибели Маши. В тот страшный день...

Он замолчал.

— Вы там были? — прошептала Далила.

— Да.

Она подсказала:

— Решили раньше всех Машу поздравить.

Хренов отрицательно покачал головой:

— Нет. Зачем? Вечером намечался банкет, там бы ее и поздравил.

— Зачем же пошли?

— Она мне позвонила и попросила прийти. Я в ближайшем цветочном купил букет и помчался.

— Помчались? — удивилась Далила. — Почему вы спешили?

— Не знаю. Может, мне не понравился Машин голос. Она нервничала, так мне показалось.

— И вас торопила?

— Да, просила скорей приехать. Я на нее потом рассердился. Топтался с букетом под дверью, а Маша мне не открыла. Я расстроился и ушел. Уже после обеда узнал, что Маша убита. Это был шок.

— А за что вы себя вините?

Хренов исподлобья взглянул на Далилу и, сделав усилие, спокойно признался:

— Когда я цветы покупал, видел Андрея, старшего брата Маши.

После паузы он воскликнул:

— Ну почему я ему не сказал, что она мне звонила? Проклинаю себя!

Далила слушала молча.

Он отвернулся и вдруг тихо спросил:

— Могу я на вас положиться?

Она заверила:

— Конечно. Я психоаналитик, это почти как священник. Грехов я не отпускаю, но тайны храню. Если, конечно, в них нет ничего криминального.

Хренов потряс головой:

— Криминального нет. Я не стал бы доставлять вам неприятности.

— Тогда я внимательно слушаю.

Он снова взглянул ей в глаза:

— Понимаете, надоело мне малодушничать. Я хочу вам доверить тайну, которую носить в себе уже не могу. Я только что вам солгал. Я не ушел. Я долго звонил, а потом толкнул дверь. Дверь оказалась открытой. Я вошел и увидел Машу.

Хренов опять замолчал. Чтобы ему помочь, Далила осторожно спросила:

— Маша была убита?

— Да. Она в прихожей лежала. В луже крови.

— Вы испугались и сразу ушли?

— Нет. Я растерялся и долго стоял. Ноги словно вросли в пол. А

может, я был там недолго, но мне показалось — вечность.

— Что вы увидели?

— В открытую дверь было видно гостиную, накрытый празднично стол, посуда, бокалы, мой любимый пирог. Это было ужасно. Она словно меня ждала.

Хотя нет, об этом я позже подумал, а в тот жуткий момент струсил и не думал о Маше. Я думал лишь о себе.

Да, еще вспомнил, в прихожей были рассыпаны белые лепестки. Их было много, рассыпаны, словно снег.

В первый миг я хотел позвонить в милицию, но испугался, что меня обвинят в убийстве, и убежал. Собрал с пола лепестки и убежал.

— Зачем собрали? — удивилась Далила.

— В прострации был, действовал неосознанно.

Видимо, хотел узнать, кто был у Маши. Я сам не очень-то в цветах разбираюсь, цветочнице лепестки показал, она сказала, что это хризантемы, даже вид назвала.

— Вам это о чем-то сказало?

Хренов задумчиво покачал головой:

— Не-ет.

Далила поняла, что он раздумывает, стоит ли говорить, и попросила:

— Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего.

Он грустно кивнул:

— Хризантемы любит Наташа Верховская, теперь Замотаева: Машенька эти цветы не любила. Она подтрунивала над сестрой: «Хризантемы — цветы для покойников: искусственные на вид и без, запаха».

Хренов потряс головой и воскликнул:

— Ужас! Представляете, а я убежал! Мне очень стыдно. Даже Андрей об этом не знает.

Он жалобно взглянул на Далилу и с надеждой, что ему возразят, как ребенок спросил:

— Я, наверное, трус?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Вряд ли. В нашей стране так поступил бы любой. Во всяком случае, многие. Маше было уже все равно, а вы спасались от неприятностей.

— Да-да, я спасался. Меня и без того затаскали, допросы-расспросы. А скажи я, что был там...

Хренова передернуло. Далила поспешила заверить:

— Вы правильно поступили.

Он согласился:

— Да, с житейской точки зрения я правильно поступил. Менты разбираться не любят, кого схватят, того и сажают. Разум-то понимает: я не мог спасти Машу, а душа все равно болит.

Далила его пожалела: сменила тему и вскоре ушла.

А вернувшись домой, неудачу остро переживала: ходила по комнате, охала, вспоминая ход своих мыслей, удивлялась себе — с чего вдруг взяла, что способна раскрыть это старое запутанное преступление?

Племянник Далилу добил. Он позвонил тетушке и после обычного: «Бонд! Джеймс Бонд!» — спокойно ей сообщил:

— Наташа Замотаева сестричку пришила.

Глава 16

Нельзя сказать, что племянник Далилу потряс, но она удивилась: слишком быстро он сделал свое открытие. Выслушав его сенсационное сообщение, она скептически осведомилась:

— Как ты узнал?

Евгений поведал со смущенным смешком:

— Применил страшную пытку к Морковкиной.

— Надеюсь, пытал ее не в постели?

— Нет, на столе.

Далила вспылила:

— На каком еще столе?! Ты же мне обещал обойтись без секса!

Бонд рассмеялся:

— На столе пыток. Знаешь, есть такой стол, какой-то инквизитор придумал...

— Не пори ерунды, — раздраженно прервала его Далила. — Мне не до шуток. Ты где?

— Лежу у Морковкиной.

— Издеваешься?

— Да нет, уже просто лежу.

Она зло подумала: «Собачонок неисправим. Нашел время ерничать. Неужели не чувствует, в каком я состоянии?»

Досчитав до пяти, она ласково попросила:

— Женечка, приезжай, если можешь.

Бонд серьезно ответил:

— Конечно, могу. Немедленно буду, а ты загляни в холодильник.

— Зачем? — удивилась Далила.

Евгений снова не удержался от шутки:

— Чтобы узнать, нет ли там трупа.

— Ну, зараза! — рассмеялась она. — Приезжай, и труп там появится!

— Откуда?

— Я тебя прямо на пороге убью!

— Заметано. Мне сегодня клиент навороченной тачки нахамил беспредельно, в связи с этим жить абсолютно не хочется. Так что у тебя в холодильнике?

Шаром покати?

Далила проследовала на кухню и сообщила:

— Да нет, свертки лежат какие-то. Что-то я совсем замоталась. До чего дело дошло, уже Димка еды нам купил.

Бонд возразил:

— Димка питается исключительно протеинами.

Раз свертки лежат, значит, Матвей заходил.

— Быть не может! — поразилась Далила. — Он тебе что, звонил?

— Мы даже виделись.

— Ну надо же. Теперь Матвей и тебя возлюбил.

— Уж пришлось, — рассмеялся Евгений. — Ты же ему себя любить не даешь, он вот ко мне подъезжает.

Того и гляди, сексуальную ориентацию сменит.

Далила не способна была оценить его юмор, ответила с полной серьезностью:

— Не я наш брак поломала. Пусть любит свою Ирину. И что он тебе говорил?

— Жаловался, что ты слишком много работаешь.

Далила фыркнула:

— Кто бы на это жаловался! Будто у меня что-то осталось, кроме работы. Он меня веры в порядочность чуть не лишил. Он меня подкосил и разрушил.

Бонд удивился:

— Правда? Я бы так не сказал. После развода ты расцвела.

— А каких мне сил это стоило, счастливую изображать? Это я только знаю! Матвей предатель! Уж он-то знал, что, разрушая брак, он лишает меня сразу всего.

Я психоаналитик. Как я чужие души должна врачевать, если свою не вылечила?

Евгений уже пожалел, что завел рискованный разговор.

— Но ты же вылечила, — растерянно вставил он.

— Я поступила мудрей, я не позволила себе заболеть, но Матвей от этого лучше не стал. Он предатель, и не смей за моей спиной с ним встречаться, — с излишней горячностью приказала Далила и, совсем уже как девчонка, добавила:

— А продукты его я выброшу.

Прямо сейчас.

— Отлично. Я куплю тебе новые, — поспешно согласился Евгений.

Вообще-то он не считал, что тетка проиграла от развода с Матвеем. Матвей по-прежнему ее любит, это факт — не зря же он пытается установить с Далилой контакт. И сам Евгений к лучшему изменился.

Раньше тетка интересовалась, что лежит в холодильнике у племянника, теперь эти вопросы он ей задает. И Димке развод родителей пошел на пользу. Раньше парень был эгоистом, признавал лишь свои интересы, а теперь он научился за собой убирать, нет-нет да и посуду помое. К матери покровительственно относится, заботой ее окружил, а раньше был почти равнодушен к Далиле. Раньше отца больше любил.

Евгений знал почему. Он сам порой осуждал свою тетку за неугомонность. Удивлялся: чего ей не хватает? Получила высшее образование, стала психологом, и хватит. Работай потихоньку и занимайся семьей.

Нет же, ей подавай мединститут. Сама похудела (мотается-разрывается) и семью позабросила. Что и кому собирается доказать?

Теперь же, когда повзрослел и осознал, что у тетки талант, Евгений осуждал не Далилу, а общество. Он удивлялся мужской несправедливости и женскому неравноправию: почему, когда мужчина хочет чего-то добиться, все относится к его желанию с уважением и ему помогают, а с женщиной все не так. В лучшем случае женщине не мешают оставаться наедине с ее же проблемами. А то еще и добавляют своих, да при этом стыдят: куда лезешь? Зачем высовываешься? Хочешь быть самой умной?

Умных женщин в России не любят.

Теперь Евгений все правильно понимал и своей умной теткой гордился, но жениться решил на женщине средних способностей. Решение это не афишировал, но Далила, когда он ввалился (весь в пакетах и свертках) и с порога начал рассказ, мгновенно заметила, что его потянуло к Морковкиной.

— Как тебе показалась эта Морковкина? — прервав его, спросила она.

Хоть и знала из многих источников, что девушка симпатична, но довольно глупа, однако хотела услышать оценку племянника.

— Нормально, — ушел от ответа Евгений и под маркой выдачи информации вновь с удовольствием заговорил про Морковкину.

Рассказывал-то он про покойницу Машу и сестрицу ее Наташу. Однако из рассказа племянника Далила почему-то узнала, что у Морковкиной длинные ноги.

Потом узнала, что у нее отличный вкус. И что смех ее похож на серебряный колокольчик. И еще как-то по-особому Морковкина проводит у лба указательным пальцем, если задумывается. Оказывается, она умеет задумываться — об этом тоже Евгений поведал Далиле. Вот как много.

А про Машу сказал лишь то, что ее убили. И про Наташу только то, что она в день убийства прибежала к Марине Морковкиной с просьбой

подтвердить ее алиби, значит, убийца Наташа, она. И все.

Закончив, с идиотским счастливым видом (опять же находясь под впечатлением от Морковкиной) он деловито спросил:

— Ты ужинала?

— Ужинала? Надеюсь, ты шутишь? — рассердилась Далила.

Бонд удивился:

— Да нет, сам жрать хочу. Собирался составить тебе компанию.

Она раздраженно напомнила:

— Но прежде ты собирался что-то мне рассказать.

— Ну, ты даешь! Я уже все рассказал.

— Ошибаешься, — язвительно возразила Далила, — ты только начал.

Что за странная информация: прибежала Наташа за алиби. И все. Остальное про ноги Морковкиной. На тебя это непохоже. Ты что, влюбился?

Бонд обиделся:

— Не доверяешь? Подозреваешь, что я переспал с Морковкиной?

Далила его успокоила:

— Пока не подозреваю, но все же хочу знать не только про ноги Морковкиной.

— Неужели тебя интересует что-то еще?! — взволнованно и с непониманием воскликнул Евгений.

— Увы, да.

Хлопнув себя по лбу ладонью, он с ликованием прозрел:

— Правильно! Ты же у нас не мужчина, тебя занимают всякие пустяки: алиби и убийства.

— Да, боюсь показаться тебе пустой и любопытной, но хотелось бы услышать и про Наташу. Когда она прибежала к Морковкиной? Как вела себя? Что говорила? Все это важно. Я хочу это знать.

Евгений, жадно прижимая к груди батон колбасы, жалобно поинтересовался:

— А нельзя вести допрос во время ужина?

— Нет, нельзя, — постановила Далила. — Сначала расскажешь, потом будешь лопать.

Бонд, дурачась, с огромным трудом оторвал от груди колбасу и воскликнул:

— Жестокая! Пытай же меня! Пытай!

— С удовольствием, — усмехнулась Далила и деловито спросила:

— Для начала скажи, как Морковкина относится к Замотаевой?

— Плохо.

— Почему?

— Марина с детства мечтает выйти замуж за Гошу Кроликова, а Наташа Замотаева бесится с жиру и клинья под этого Гошу бьет.

Далила от комментария воздержалась, лишь усмехнулась, а Евгений, поразмыслив, добавил:

— Версия не моя, а Марины. Я не утверждаю, что Замотаева наставляет рога Замотаеву. Возможно, все даже наоборот. Ведь это Замотаев не расстается с Кроликовым ни днем ни ночью. Так где же гарантии, что они не погнались за модой и друг друга не приголубили?

Далила отмахнулась от рискованных предположений племянника:

— Ерунда. Кроликов — телохранитель Замотаева.

Следовательно, они не расстанутся. И оба они натуралы, я точно знаю. А твоя Морковкина...

— Твоя Морковкина, — вставил Евгений. — Ты меня к ней послала.

— Хорошо, пусть моя, — согласилась Далила. — Она ревнует Гошу к Наташе из зависти. Наташа красавица, и муж у нее богатый. К тому же Наташа слишком часто видится с Кроликовым, что твою Морковкину вовсе не радует.

Бонд снова напомнил:

— Твою Морковкину.

Далила нахмурилась:

— Ладно, мою.

Евгений задумался и спросил:

— Значит, ты уверена, что Морковкина просто ревнует? Я слышал, у женщин есть это, как его? Забываю все время. Ты же умная, подскажи.

— Опять издеваешься? — рассердилась Далила и не осталась в долгу, ядовито добавив:

— Сегодня ты на подъеме. Ох уж эта Морковкина!

— О! Сразу вспомнил! У нее есть чутье!

— Интуиция, — уточнила Далила и снова съязвила:

— Видимо, Морковкина не блещет умом, раз ты обнаружил в ней интуицию.

Бонд пробубнил:

— Я бы много чего обнаружил, но ты запретила нам ложиться в постель.

— Ха, я запретила! У тебя уже есть Зайка.

— Да, и я этого не скрываю.

— Тогда не понимаю. Несмотря на свою Зайку, ты положил глаз на Морковкину?

— А что тебя удивляет?

— А как же твой пресловутый девиз?

— Какой девиз? — удивился Евгений.

Далила напомнила:

— За двумя Зайками погонишься, ни одной не поймаешь.

Племянник поскреб в затылке и горестно ее просветил:

— Девиз устарел. Теперь он звучит по-другому: за двумя Зайками погонишься, от обеих поймаешь.

— Я рада, что ты понял, почему я запретила тебе ложиться в постель с Морковкиной, — заключила Далила и предложила:

— Давай вернемся к Наташе.

— Давай, — согласился Евгений. — Почему ты уверена, что она не флиртует с Кроликовым?

— Ну, поручиться ни за кого нельзя. Наташа не работает, привязана к дому, ей скучно, но, с другой стороны, Кроликов привязан к ее Замотаеву. Ты же сам говорил, они не расстанутся.

— Минутку-другую всегда можно выкроить.

Далила осуждающе посмотрела на племянника и строго сказала:

— Тебе видней.

Евгений воскликнул:

— Да не спал я с Морковкиной!

— Верю. Не спал, но собираешься спать.

— И не собираюсь. Я все уже выяснил, зачем нам встречаться?

Он сказал это так твердо, что Далила поверила и успокоилась.

— Ладно, — сказала она, — проехали. Вернемся к Наташе. Почему ты решил, что она убила сестру?

Бонд постучал указательным пальцем по темечку и с гордостью сообщил:

— Потому, что у меня аналитический склад ума.

Когда Наташа прибежала к Морковкиной, та понятия не имела об алиби. Наташа ей сообщила, что поругалась с сестрой и не собирается праздновать день рождения Маши.

Далила возрадовалась:

— Слава богу, наконец-таки я что-то узнала, кроме длины ног Морковкиной!

Бонд усмехнулся:

— Слушай дальше, раз уж тебе повезло. Наташа плакала и жаловалась Морковкиной, что Машка дрянь, что надо ее проучить. В конце концов и Морковкина согласилась не ходить в ресторан на Машино торжество. Более

того, они в знак протеста сколотили компанию и укатили на дачу Морковкиной. Где и кутили почти до утра. Брат Андрей, узнав о смерти Маши, еле Наташу нашел.

— Ты хочешь сказать, что Наташа убила сестру и спокойненько укатила гулять с Морковкиной? — поразились Далила.

Бонд подтвердил:

— Именно это я сказать и хочу. Только гуляла Наташа совсем не спокойненько. Во-первых, она нажралась до чертиков, а во-вторых, все время рыдала и приставала ко всем с жалобами на сестру.

— И на что она жаловалась?

— Укоряла Машу каким-то накрытым столом и пирогом. Наташа была назойлива, и все от нее шарахались. Всем было не до нее.

— Погоди секунду, — попросила Далила и побежала в свой кабинет.

Вернулась она с отчетами детектива, полученными от Верховского. Листая на ходу, удивилась:

— Странно, здесь ни слова о том, что Наташа в день гибели Маши была у Морковкиной. Ты уверен, что Марина не врет?

Евгений пожал плечами:

— Зачем? Там же была компания, человек десять.

Любой из них подтвердит.

— Да, ты прав. Видимо, детектив не подозревал Наташу, потому и не придал значения ее алиби.

— А для кого он отчеты составлял?

— Для Андрея Верховского.

Бонд рассмеялся:

— Ну, ты даешь, Пинкертон! Зачем он Андрею будет докладывать, где Наташа его была? Будто Андрей сам не знает. Он же ее у Марины нашел, не детектив.

— Точно, — согласилась Далила. — У тебя и в самом деле, оказывается, аналитический склад ума, а у меня к концу дня мозги подзаплавились. А что там с алиби?

— Когда Андрей дозвонился до Морковкиной и сообщил ей о гибели Маши, Наташа протрезвела. Вот тогда-то она и попросила Морковкину всем сказать, что пришла к ней на два часа раньше.

— И чем Наташа просьбу свою объяснила?

— Тем, что в дороге была, когда Маша погибла.

— А зачем ей вообще понадобилось алиби? — удивилась Далила.

Евгений развел руками:

— Вот и я спросил у Марины — зачем? Оказалось, что Наташа была у

стилиста, а Маша ей позвонила.

Слово за слово, они поругались. Наташа распсиховалась и крикнула в трубку: «Ну, все! Теперь я тебя грохну!» А стилист это слышал.

— И что из того?

— Короче, Наташа просила Морковкину всем подтвердить, что звонила она, Марина, и слова «я тебя грохну» адресовались именно ей, а не Маше. Морковкина согласилась, но ее особенно не расспрашивали.

Далила задумчиво подытожила:

— Да-а, интересная информация.

Бонд расплылся в улыбке:

— Еще бы. Не сказать, что сильно стараюсь, но, за что ни возьмусь, во всем просто ас. Куда деваться? Талант есть талант.

— Бери выше. Евгений, ты гений! — рассмеялась Далила, шутливо отпуская племяннику подзатыльник. — Гений и злостный хвостун.

Тот сделал вид, что обиделся:

— Ну вот, все испортила.

— Я испортила? Испортила все Морковкина.

Бонд мелочно уточнил:

— Твоя.

Далила на этот раз заупрямилась:

— Нет, твоя.

Евгений стоял на своем:

— Нет, твоя!

— Хорошо, — согласилась Далила. — Наша Морковкина, общая. Она все испортила.

— Каким образом?

— Она согласилась предоставить подруге алиби, но не заметила одной интересной детали. Откуда Наташа знала, что покойная Маша пирог испекла? Вряд ли Маша сама ей сообщила. Значит, Наташа после стилиста домой заезжала.

Бонд констатировал:

— Железная логика.

Далила расстроилась, — Зря смеешься. Мне уже не до смеха, — грустно сказала она. — Верховский ко мне обратился, я не отказала ему в помощи. Теперь он мой пациент. Я ответственна за его здоровье. Уж не знаю, как там все было в тот страшный день, но если Верховский узнает, что его Наташа повинна в смерти его же Маши...

— И что будет? — скептически осведомился Евгений.

Далила поежилась:

— Боюсь, такого удара Верховский не переживет.

В прихожей хлопнула входная дверь и раздались решительные шаги — на пороге кухни вырос Дмитрий. Он жадно уставился на заваленный продуктами стол и радостно констатировал:

— О! Неплохо сидите! Присоединяюсь к вам!

Евгений озорно взглянул на тетушку и спросил:

— Ну что, проявим доброту? Разрешим и ему на колбасу посмотреть?

— Но только посмотреть, — рассмеялась Далила. — Он же питается протеинами, а в твоей колбасе только крахмал. Когда ты научишься выбирать качественные продукты? Покупаешь, что под руку попадет.

— А ты, мама, только выбирать и умеешь, но почему-то ничего не покупаешь, — обиженно пробубнил Дмитрий, зверски вгрызаясь в «накрахмаленную» колбасу Далила и Евгений хором воскликнули:

— Грязнуля! Руки сначала помой!

Глава 17

После плотного ужина Евгений сладко потянулся во весь свой немалый рост и сообщил:

— Ну, я как бы домой.

И с игривым мотивчиком отбыл.

Дмитрий проводил кузена завистливо-ядовитой усмешкой и констатировал:

— К своей старой Зайке отправился.

— А может, и к новой, — предположила Далила.

Подумав о Морковкиной, она грустно добавила:

— С него, баламута, станется.

Половая жизнь племянника была ключом, а вот у сына не очень: университет, соревнования, тренировки. Дмитрий доползал до кровати, падал в постель, как бревно, и намертво отключался.

Так поступил он и в этот раз.

Далила осталась одна — возникла потребность в подруге.

«Позвоню Лизе, — решила она. — Перед сном поболтаем».

Рука уже набирала номер, а взгляд упал на часы.

«Не слишком ли поздно?» — усомнилась Далила.

С Елизаветой было о чем поболтать. И не только о Замотаевой. В череде событий этого дня промелькнуло одно незначительное, которое вдруг стало главным. Отправляясь к Сергею Хренову, Далила вылетела из офиса и., уперлась в альтернативу: слева от двери ее поджидал бывший муж, Самсонов Матвей, справа — Галкин чех Ванек. Как водится, абсолютно нетрезвый.

Далила очень спешила к Хренову — пришлось выбрать Матвея. Увяжись за ней веселый хмельной чех, визит к Хренову оказался бы под вопросом.

Под огромным вопросом!

Далила знала, как тяжело отвязаться от пьяного Ванека, но еще лучше знала она, как коварно работает подсознание. Так ли сильно ей не хотелось общаться с Матвеем, как она себя убеждает? Не обманывает ли себя? Не игра ли все это злокозненного подсознания?

Что ею двигало, когда она заговорила с Матвеем? Ведь визит к Хренову можно было и отложить.

Она выбрала худший, невыгодный вариант: заговорила с Матвеем, а

должна была с гордо поднятой головой пройти мимо.

Далила искала себе оправдания: «Опасная ситуация застала меня врасплох, я растерялась, да и слишком нацелилась на встречу с Хреновым. Разве сразу сообразишь, что лучше? И еще этот пьяный Ванек с его перегаром. Уж очень хотелось от него отвязаться».

Умом она понимала: к Матвею возвращаться нельзя. Через ее кабинет прошла вереница таких же разбитых и кое-как склеенных судеб — ад, а не жизнь. Впустую потраченные драгоценные годы. Ведь на месте этого ада мог вырасти рай.

Умом она понимала: мосты сожжены!

Все о том говорит: образование, опыт, разум...

Разум разумом, но куда деть желания? Слаб человек, слаб. Далила с утра до вечера выдавала советы, рекомендации и прекрасно знала, что к ним нужен еще один огромный совет — огромная рекомендация! — как всем этим воспользоваться. Как?! Когда тянут ко дну желания!

«Проклятое подсознание!» — рассердилась она.

Еще раз взглянув на часы, воскликнула:

— Да, поздно, но зачем еще подруги нужны?!

И набрала номер Бойцовой. Именно Бойцовой — Галине Семеновой бесполезно звонить. Семенова выступает адвокатом Матвея. Не терпится ей Далилу с предателем-мужем свести.

«Алло» Елизаветы прозвучало игриво — стало ясно: у подруги в гостях бойфренд.

— Я, наверно, не вовремя? — упавшим голосом спросила Далила.

— А что случилось? — деловито поинтересовалась Бойцова и радостно взвизгнула:

— Ой! Пусти! Ну, дурак!

В трубке раздался шумок какой-то возни — впрочем, известно какой, — следом Елизавета, подхихикивая, возвестила:

— Самсонова, это я не тебе, это так. А что у тебя случилось? Говори поскорей, а то меня от телефона уносят.

Далила проямлила:

— Сегодня Матвей меня подстерег, хотела поговорить о нем, ну да завтра об этом. Я не знала, что у тебя гости.

— Какие там гости! — рассердилась Бойцова и приказала:

— А ну, пошел вон!

И тут же опять пояснила:

— Это я не тебе.

— Само собой, — рассмеялась Далила. — Но ты слишком строга.

Послушай, мне, право, неловко. Я не вовремя. Давай на завтра перенесем.

Елизавета воскликнула:

— Ты мне брось! Интеллигентские штучки свои на пациентах практикуй, а я сама знаю, как с кем обращаться. Еще не хватало, чтобы я оставляла подругу ради какого-то кобеля.

— Да дело несрочное, встретимся завтра...

— Какое «завтра»? Где я и где завтра? И ты в последнее время в клуб ни ногой. Куда ты пропала?

Далила вздохнула:

— Дела.

— Ну да, у тебя дела, а я просто так, пописать, — возмутилась Бойцова. — У меня рискованный бизнес, но я регулярно в клуб забегаю.

— Еще бы, ты у нас президент.

— А ты у нас главный лектор. «Членши» уже возмущаются, лекций хотят, а она, видите ли, занята.

— Но ты сама мне брата Наташи подсунула, — рассердилась Далила.

— Ну да, и ты сразу на меня взвалила Наташу. Ой! — Бойцова захлебнулась от внезапно нахлынувших мыслей:

— Я же тебе про Наташку много чего узнала! А что у тебя с Матвеем?!

Далила пожаловалась:

— Он меня подловил. Сегодня я с ним разговаривала.

— Да ну?! С ума ты сошла!

— Я случайно. Так получилось.

Елизавета ругаться не стала, вошла в положение.

— Представляю, как тебе тошно, — вздохнула она и азартно воскликнула:

— Все! Это судьба! Нам надо встретиться! Немедленно дуй ко мне!

— На ночь глядя?

— Тебе надо выговориться!

На энергичное общение Далила настроена не была, а потому испугалась:

— Нет, я не могу. Я уже растрепала прическу, сняла макияж, намазала кремом лицо...

Елизавета ее перебила:

— Зато я при полном параде! Встречай! Еду к тебе!

Вешая трубку, Далила посетовала:

— Ну вот, напросилась.

И отправилась готовиться к приему подруги. Первым делом она стянула с себя дорогое красивое платье, то, которое смахивает на плащ.

Вместо него надела старый домашний халат. Волосы намотала на бигуди, сняла с лица макияж и, пользуясь случаем, нанесла на лоб и щеки французский крем — новое слово в уходе за кожей, очень питательный и голубой (видимо, моде согласно).

Едва Далила успела все это проделать, как раздался звонок в дверь. Бойцова пришла не одна, рядом с ней топтался стильно одетый красавец-гигант. Увидев голубое лицо Далилы, оба испуганно отшатнулись, а потом расплылись в улыбки: он — в смущенной, Лиза — в довольной.

Еще бы, так подругу подставить — вот она, настоящая радость.

Сама Елизавета была восхитительна: на лице дорогая косметика, волосы модно зачесаны, силиконовая грудь соблазнительно выступает из роскошного платья, на ногах сумасшедшей цены сапожки из крокодила, в ушах бриллианты неприличных размеров.

Короче, полный отпад!

А что противопоставила этому блеску Далила? Что у нее? Вместо лица — голубой лоснящийся крем, вместо волос — бигуди, вместо платья — старый затертый халат, вместо туфель — стоптанные шлепки.

Вот оно, коварство подруги!

Бойцова, окинув победоносным взглядом Далилу, небрежно кивнула на «френда»:

— Это Зевс. Мой воздыхатель и стриптизе?.

Тот со словами: «Я Зевс» — отвесил низкий поклон.

Далила растерянно пискнула:

— Я Далила.

Он важно кивнул и, завладев ее правой рукой, галантно нанес поцелуй, обронив:

— Очень рад.

— Очень приятно, — сообщила Далила, чувствуя себя дурой набитой.

Елизавета вошла в положение и разрядила напряженную обстановку. Сунув Зевсу пакет, она отправила его на кухню:

— Иди сваргань нам коктейли.

Заметив в глазах подруги испуг, Лиза снисходительно пояснила:

— Фруктовые. Минимум алкоголя. По три капли красенького, для крови. В нашем возрасте пора повышать гемоглобин.

— Гемоглобин повышать я не против, — шепнула Далила, утягивая подругу в гостиную и пристраивая ее на диван, — но зачем ты притащила с собой стриптизера? Знала же, в каком я неприбранном виде.

— Ерунда, — отмахнулась Бойцова, — он альфонс.

Я неплохо ему плачу.

— Ты-то платишь, но я-то нет. За что он должен страдать? Хотя бы пойду причешусь.

Елизавета запротестовала:

— Много чести ему, такая сиди, домашняя. Я такую тебя больше люблю.

— Еще бы! — рассмеялась Далила. — Как думаешь, может, мне еще в дегте вымазаться, а потом покататься по перьям? И мешок на голову не забыть бы надеть.

— Да ладно тебе, — рассмеялась Бойцова и крикнула в сторону кухни:

— Зевсик, на коктейли даю полчаса!

— Не слишком ты строго с ним?

Елизавета махнула рукой:

— Нормально.

Она озорно стрельнула глазами и, приблизив губы к уху Далилы, со сдвоенным смехом шепнула:

— Представляешь, «насвистела» ему, что садизмом страдаю. Теперь вот играем в «хозяйку и раба». Он старательно терпит мои издевательства, выполняет все приказания. Полный балдеж! Видела бы ты, как я его унижаю!

Елизавета восторженно закатила глаза — Далила смущенно покашляла.

Заметив осуждение во взгляде подруги, Бойцова спохватилась и пояснила:

— Не бесплатно унижаю, конечно же, не бесплатно. Отлично плачу.

И тут же, хлопнув себя по обтянутым платьем ляжкам, воскликнула:

— Ну, молодежь! На что угодно за бабки пойдет!

— Тише ты, — прошипела Далила. — Моя молодежь напахалась и спит.

— Прости, я плохую молодежь имела в виду, — бросилась оправдываться Елизавета. — Ты же знаешь, я уважаю простых работающих людей. Я охотно им помогаю.

Пользуясь удачным моментом, Далила уставилась на бриллианты подруги и сообщила:

— На днях я покупала на рынке у Надежды морковь...

Бойцова ее перебила;

— Я тоже приказала своей кухарке не в супермаркете овощи покупать, а на рынке. Борюсь с угрызениями совести всеми методами, как ты рекомендовала. Надо же и простым людям дать заработать.

— Я знаю, ты добрая, — похвалила ее Далила и, не сводя глаз с

бриллиантов, скорбно начала перечислять беды Надежды:

— У нее высшее образование, но она овощами торгует, ноги у нее очень больные, из глубинки она, мужа нет, трое детей...

Елизавета нахмурилась:

— Сколько ей лет?

— Сорок пять.

— Не могу к себе ее взять, неперспективная. Была бы моложе...

Далила схватила подругу за руку:

— Не за нее я прошу, у Надежды старшая дочка очень способная, она хочет учиться, но денег в семье не всегда на еду хватает...

— Опять ты меня напрягаешь! — возмутилась Бойцова. — Пойми, совесть совестью, но не могу я обогреть весь белый свет!

— Я давно тебя не просила!

— Аргумент очень веский! Будто не знаю, как ты «членш» моих все это время трясла: одна уже лечит кого-то, другая — на работу устраивает. Не элитный клуб, а общество благотворительности.

— Да я ради их же здоровья стараюсь. И ты должна о здоровье своем позаботиться.

— Только этим и занимаюсь, — раздраженно рассмеялась Елизавета.

Далила, скептически покачав головой, сообщила:

— Я вижу. Ты только что на моих глазах унижала человека, мужчину. Думаешь, твоя совесть тебе это простит? С подсознанием шутки плохи.

Елизавета выдвинула веский довод в свое оправдание:

— Все люди не ангелы.

— Правильно, потому мы и болеем. Но ты же грамотная, знаешь, что против разъедающего действия плохих поступков есть сильное средство: хороший поступок. Сколько раз тебе говорить, сделала гадость, тут же сделай добро. Тогда совесть твоя успокоится и не будет тебе вредить соматическими расстройствами: сердечными болями, язвой, гастритом и прочим.

— Это похоже на вымогательство, — возмутилась Бойцова.

— Пусть вымогательство, — согласилась Далила, — даже хуже, это шантаж. Но что я могу поделать, если наукой точно установлено: невроз — плод больной совести, а все болезни от нервов. Вот сидишь ты, молодая, красивая, увешанная бриллиантами, и не хочешь понять: нельзя быть счастливой в нищей стране. Ты рабов себе Покупаешь, а Надежда лекарство для ног не может купить. Ты блещешь прогрессивными взглядами, ратуешь за женское равноправие, а умная дочка Надежды на рынке стоит, потому что надо сестричек кормить.

Елизавета схватилась за голову:

— Ладно, все, отстань, я помогу, пусть завтра утром девчонка зайдет, все сделаю!

— Спасибо, я знала, что ты не откажешь, — облегченно вздохнув, поблагодарила подругу Далила.

Сердито махнув рукой, Елизавета поспешно спросила:

— Так что там с Матвеем? Опять тебя у дверей офиса поджидал?

— Да, и я с ним заговорила.

— Зачем?

Далила рассказала, как это произошло. Бойцова выслушала и сделала вывод:

— Ну, все, ты пропала. Повод ему дала, он теперь не отстанет.

— Да мы перебросились парой слов, о пустяках на бегу поболтали, я к Хренову очень спешила.

Елизавета отметила:

— Но продуктов тебе он после этого сразу купил, значит, заявляет уже права.

— Ничего он не заявляет, — рассердилась Далила. — Просто знает, что я по работе много мотаюсь, вот Димку и решил подкормить.

Бойцова пытливо уставилась на подругу:

— Самсонова, ой, смотри, и глазом моргнуть не успеешь, как станешь любовницей бывшего мужа.

Что может быть унижительней? Сама же об этом мне говорила, когда я из-за своего кобеля вены резала, и сама же.

Далила вскочила:

— Все-все! Я поняла! Ты вдохнула в меня решимость! Большое спасибо!

— Слава богу!

— И хватит об этом. Давай про Наташу. Что ты узнала о ней?

Елизавета (по привычке гордясь собой) сообщила:

— У Наташки был пистолет, и она отлично умеет стрелять.

Глава 18

Беседа подруг оборвалась на самом интересном месте: на пороге гостиной вырос красавец Зевс с подносом в руках.

— А вот и я! — торжественно возвестил он, протягивая дамам бокалы с коктейлями из фруктовых соков с красным вином.

— Развлекай нас! — царственно повелела Бойцова.

Она повернулась к Далиле, которая торопливо вытирала салфеткой с лица свой голубой крем, и, важничая, пояснила:

— В его клубе перебивало множество известных людей, начиная с зарубежных певцов и кончая нашими депутатами. Зевс со всеми знаком.

В подтверждение юноша начал перемывать кости знаменитостям: кто с кем спит, кто что ест, кто что пьет. Далила скучала и тайком от гостей подавляла зевету. С огромным трудом она скрыла радость, когда выяснилось, что Елизавете с Зевсом пора уходить: ей — развлекаться в ночном клубе, ему там же — как он выразился, «шест полировать».

— А как же Наташа? — прощаясь, украдкой шепнула Бойцовой Далила.

— Приходи завтра в клуб, там тебе все расскажу, — пообещала Елизавета, целуя подругу в голубоватую щеку (крем плохо оттерся).

Проводив гостей, Далила поняла, что не может ждать до утра.

«С одной стороны, — рассудила она, — время позднее, но с другой — вряд ли Верховский так рано лег спать, у него же бессонница».

Охваченная нетерпением, она, уговорив себя, набралась наглости и опять позвонила Верховскому.

Против всех опасений, он Далиле обрадовался и сам уже предложил себя в качестве гостя.

— Нет-нет, — испугалась она, глядя в зеркало на голубые разводы плохо стертого крема. — Я в беспорядке, готовлюсь ко сну. Ограничимся телефонной беседой, если вы не обидитесь на меня.

— Конечно, не обижусь. Это вы простите меня.

Мы, с моей бессонницей, бываем назойливы.

Она иронично напомнила:

— Вы забыли, я вам позвонила, не вы мне.

— Это так, — усмехнулся Верховский, — но я ухватился за ваш звонок, как голодный сазан за крючок.

— Сравнение интересное, — рассмеялась Далила. — Проситесь к

малознакомой женщине в гости, ночью? Согласна, это заманчиво, но опасно.

Он расстроился:

— Кажется, я брякнул глупость. Всего лишь хотел сказать, что ночь для меня сущий ад. Боюсь показаться занудой...

Она удивленно его перебила:

— Занудой? Вы?

— Да, меня иногда упрекают в занудстве. Если вы подумали, что я злоупотребляю вашим расположением, что набиваюсь, мне очень жаль. Честное слово, это все от бессонницы.

— Ваша бессонница скоро пройдет, — пообещала Далила. — И ничего плохого я не подумала. У меня к вам один вопрос.

— Охотно отвечу, — поспешно заверил Верховский, с радостью переходя на другую тему.

— Я случайно узнала, что у Наташи был пистолет.

Это правда?

Он без смущения и заминки немедленно подтвердил:

— Да, был. «ТТ».

— А давно это было?

— Точно не помню... Года за два до гибели Маши.

— И куда пистолет этот делся?

— Наташа сказала, что выбросила.

— Куда?

— Точно не помню. Кажется, в канал Грибоедова.

А в чем дело? — запоздало осведомился Верховский. — Надеюсь, вы не Наташу подозреваете?

— Нет, конечно, — солгала Далила. — Я всего лишь собираю информацию. Чем больше, тем лучше. А можно узнать, как попал пистолет к Наташе?

— Да, разумеется. Ужасная история. Однажды Наташа возвращалась домой и в арке нашего дома наткнулась на труп бандита. Представляете, эта глупышка испугалась, сбежала, но прихватила его пистолет. И мне ничего не сказала.

— А как вы узнали?

Верховский со сдерживаемым раздражением сообщил:

— Что-то искал, полез в кухонный шкаф, уронил банку с сахаром, а оттуда вылетает «ТТ». Черт возьми!

Как я разозлился! На нем наверняка убийств немерено, а они эту гадость в дом притащили. Я-то думал, что уж от девчонок таких сюрпризов

ждать не придется. Пришлось.

— И как вы поступили?

— Сделал обеим разнос. Маша в слезы, Наташка исподлобья глядит и молчит. Время было позднее.

Короче, перепрятал я пистолет до утра, собирался в ближайшей реке его утопить.

Далила продолжила:

— А Наташа «ТТ» нашла и вас опередила.

— Да, я тогда много работал и уставал. Отрубался, едва подушки касаясь. Короче, лег спать, а девчонки гулять сбежали. Наташа пистолет отыскала, прихватила с собой и утопила.

— А как вы узнали, что пистолет принадлежал бандиту? Она вам сама рассказала?

— Как же, расскажет она, — возмущенно крикнул Верховский. — Я сам догадался и к стенке ее припер.

Пришлось ей сознаться.

— Как же вы догадались?. — удивилась Далила.

— Дело в том, что парень тот жил в соседнем дворе.

Он возвращался домой после разборки. У нас общая арка. Кто-то из врагов его подстерег и, как говорится, пришел. Оперативники после этого целый месяц по квартирам ходили, мучили всех, расспрашивали. На совесть работали. Эвальд Авраамович (он большой шутник) всем говорил, что братва отстегнула ментам, вот они теперь и стараются. Из-за приличных людей никогда столько шуму не поднимали, как из-за того — бандита.

Далила изумленно спросила:

— А зачем Наташа взяла пистолет? Она что, умеет стрелять?

Верховский ответил очень уверенно:

— Нет, конечно. Где бы она научилась? Мои сестры получали отличное воспитание. У меня все было под строгим контролем. Женщина должна борщ варить и детей воспитывать, а стрелять — дело мужское.

После такой сентенции Далила поняла, что дальнейшие расспросы бесполезны: Верховский пребывал в плену иллюзий и плохо знал родную сестру.

А кто знает лучше?

Морковкина!

Не зря же она ревнует Наташу к Кроликову.

Глава 19

Далила осознала, что допустила ошибку, посылая Бонда к соблазнительнице Марине Морковкиной. На этот раз она не стала рисковать любимым племянником, на следующий день сама посетила Морковкину.

Раньше информации было так мало, что разговаривать с Мариной казалось опасным. В случае у если она имеет причастность к убийству, любой разговор о Маше мог бы ее вспугнуть. Теперь же в руках у Далилы оказался кончик ниточки, за которой глупо не потянуть.

Далила рискнула и потянула: спросила Морковкину в лоб:

— Наташа встречалась с Кроликовым?

Марина, похлопав густо накрашенными ресницами, испуганно охнула:

— Откуда вы знаете?

— А что, это тайна? — удивилась Далила.

И вот тут-то Морковкина ее просветила:

— Для Андрея Верховского, да, огромная тайна.

Наташа все от него скрывала, да и сейчас скрывает, а вы, как я поняла, пришли ко мне от Верховского.

— Да, я психоаналитик, пишу новую книгу.

— Знаю, Андрей мне что-то говорил про ваши психологические исследования, но я ничего не поняла. О чем эта книга?

Далила попыталась уйти от подробностей.

— О Золушке, — сказала она, но, увидев изумление девушки, пояснила:

— Это такой психологический тип, к нему относилась покойная Маша. Морковкина расхохоталась:

— Эт точно! Машка за Золушку у них и была. Чистила, блистила и стирала, пока Наташка полировала свои коготки. Но я не пойму, если вас интересует Маша, то при чем здесь Наташа?

— Они сестры, — развела руками Далила, — через Наташу я могу много узнать про Машу.

Марина отрезала:

— Тогда с Замотаевой и говорите.

— Поговорю обязательно, но мне нужна объективная информация, а Наташа будет рассказывать о сестре со своей точки зрения.

Морковкина опять расхохоталась, на этот раз презрительно:

— Эт точно! Уж ее точка зрения мне известна.

О чем бы Замотаева ни говорила — все о себе. Эгоистка ужасная. Для нее на свете существует она одна, все остальные — фигня. Она жутко неблагодарная. Я столько сделала для нее, можно сказать, от тюрьмы Наташку спасла.

— Можно узнать об этом чуть-чуть поподробней? — попросила Далила.

Морковкина насторожилась:

— А вы про это в своей книжке потом не напишете?

— Нет, я в своей книге пишу о законах, по которым развиваются человеческие отношения, а развитие этих отношений изучаю в таких вот разговорах.

На нашу беседу можно взглянуть как на научное исследование.

— Класс! — «заценила» Морковкина. — Все научное обожаю! У меня был «ботаник» один...

Далила протяжно вздохнула.

— Ну, да фиг с ним, с «ботаником», он все равно импотент, — одумавшись, махнула рукой Морковкина и продолжила:

— Про Наташку я вам все расскажу, но при условии, что братец ее занудливый, этот чертов Андрей, не будет знать о моем рассказе.

— Все, что я узнаю от вас, останется между нами, — пообещала Далила.

— Тогда слушайте.

Подавшись вперед, Морковкина заговорщически прошептала:

— Я подозреваю, что Наташка знает убийцу.

— Почему вы так думаете? — отшатнулась Далила.

— Я уверена, что и она там была, когда Машку пришили. Во всяком случае, когда Наташка ко мне прибежала, она уже знала, что Маша убита. Это уж точно.

Самсонова восхитилась:

— У вас потрясающее чутье! Я, как увидела вас, сразу поняла, что вы человек исключительный!

— Правда? — доверчиво улыбнулась Морковкина. — Вы Кроликову это скажите, а то он не верит мне. Вы специалист, уж вам он поверит.

— При случае обязательно ему скажу, — пообещала Далила.

— Особенно про исключительность.

— Непременно, но давайте вернемся к Наташе.

Вы знаете, пожалуй, я и на вашем примере свой закон докажу, — не моргнув глазом солгала Далила. — Ваше подсознание интересно работает.

Подозреваю, что ваша логика развита чрезвычайно.

Морковкина, нервно облизнув губы, воскликнула:

— Что вы говорите! Я всегда знала, что со мной что-то не так! Но мне же никто не верит. Кроликов вообще меня душой считает. Оказывается, это все из-за моей развитой логики. Он сам дурак, потому и не понимает меня.

— Думаю, так и есть, — согласилась Далила, — но вернемся к Наташе. Мне интересно, как в тот злополучный день работала ваша логика. Почему вы заподозрили, что Наташа знает убийцу?

— Сначала я ничего не поняла. Влетела Наташа ко мне полурастрепанная. Ну и видок был у нее, — Морковкина ехидно хихикнула и пояснила:

— Часть волос уложена, а часть дыбом торчит. Я еще пошутила: «Ты что, со стилиста сорвалась?»

— А она?

— «Мне сейчас не до головы! — кричит. — Я с Машкой поцапалась!»

— Значит, к вам она приехала от стилиста, — уточнила Далила.

— Сказала, что да, но, думаю, из дома она прикатила. Я ей поверила поначалу. Если честно, вообще внимания не обратила на кипеш, который Наташка у меня подняла: забегала, запричитала.

— Почему не обратили внимания? Она часто себя так вела?

Морковкина потрясла головой:

— Да нет, цапались-то они частенько в последнее время, но Наташке все по фигу. Но потом она мне, заикаясь, рассказывать начала, какая Машка зараза, и я смотрю, у нее губы трясутся. А когда мы на дачу отправились, она даже машину вести не смогла. Меня попросила. У нее пот градом катился со лба, ноги, руки дрожали. А на даче уже она вдрызг напилась, хотя раньше такого с ней не бывало.

— Может, это из-за ссоры с сестрой?

Морковкина отрицательно потрясла головой:

— Нет. Я же вам говорю, в последнее время они часто ругались, но Наташа никогда не переживала из-за ссор с сестрой.

— А Маша?

— Маша да, Маша все близко к сердцу брала.

— Тогда из-за чего, по-вашему, напилась Наташа?

— Я думаю, моего Кроликова не поделили они.

Правда, тогда еще он не был моим. Наташка тайком от брата встречалась с Гошей, а Машу жаба заела. Хотя почему, не пойму. Ей Мискин оказывал много внимания. Он хоть и не такой красавчик, как Кроликов, но тоже приличный мужик.

Озорно взглянув на Далилу, Морковкина игриво спросила:

— Вы его видели?

Та удивилась:

— Мискина? Нет. А почему вас это интересует?

Марина, небрежно дернув плечом, усмехнулась:

— Да так, хотела знать ваше мнение. Я с ним несколько раз переспала. Забавный парниша.

— Кто кого бросил? — деловито осведомилась Далила.

— Конечно, я Мискина. Он и сейчас рвется в бой, но я опасаясь Кроликова. Вдруг узнает, будет тогда мне то же, что Маше.

Марина нервно хихикнула и продолжила:

— Короче, Маша начала к Кроликову подъезжать, а Мискин запсиховал. Его в то время здорово на Машке заклинило, и вот тогда уже Наташку жаба заела.

Привыкла она, что все мужики на нее западают, а тут какой-то Мискин, к тому же кобель, запал не на нее, а на Машу. Короче, дурдом!

— Я что-то запуталась, — призналась Далила. — Так из-за кого поругались сестры? Из-за Кроликова или из-за Мискина?

Морковкина поразились:

— Да что ж тут неясного? Из-за всех мужиков!

— Хотелось бы знать конкретней.

— Пока Наташка пыталась Мискина очаровать, Машка тихой сапой Кроликова у нее отбила. Вот сдохнуть мне, если у них не разгорелась любовь.

Далила осторожно осведомилась:

— Это вам Маша сказала?

— Ну да, как же, Машка — тихушница.

— А кто? Наташа?

— И Наташка жаловалась, секретничала, и Гоша потом сказал, когда я с ним стала жить.

— Что он сказал?

Морковкина пристально глянула на Далилу и отвела глаза, отмахнувшись:

— Да так, ничего. Я не помню. Дело не в Гоше.

— Хорошо, вернемся к Наташе.

— Да, вернемся. Она мною попользовалась, она меня заморочила и, как всегда, кинула.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Я ей алиби предоставила, на дачу ее увезла. А

еще! Вы же не знаете!

Морковкина даже подпрыгнула от наплыва эмоций.

— Вы же не знаете! Наташа была у стилиста и поругалась там с Машей. Не вживую, по телефону. Машка вроде сама ей позвонила. А может, Наташка врет, как всегда. Короче, прозвучала такая вот фраза: «Я тебя точно убью!» Или «прибью!».

— Неважно.

— Точно, неважно. Машка же умерла. После этой вот фразы. Как вам такой расклад?

— Ужасно, — поделилась впечатлением Далила.

Морковкина (совсем как коза) потрясла головой и разочарованно проблеяла:

— Безумие-е. Я эту эгоистку спасла, всем сказала, что Наташка ругалась со мной, а не с Машкой. Да, сказала, хоть меня об этом никто и не спрашивал. И какая мне благодарность?

— Какая?

— Эта подлая к Гоше моему теперь подъезжает.

Это за все-то хорошее!

«Ну и бардак в голове у этой девицы», — подивилась Далила.

— А что было в тот день, когда Маша погибла? — скрывая раздражение, спросила она.

Морковкина вдохновенно бросилась «окучивать» подкинутую тему:

— Я потом уже догадалась, когда о смерти Маши узнала. Вот тогда я сразу врубилась, что Наташка нарочно потащила меня на дачу. Она хотела скрыть, что присутствовала при убийстве сестры. Ох, и дрянь же она! Всю дорогу меня подставляет!

— Зачем же вы ей тогда помогли? — удивилась Далила.

— Пожалела ее. Сама испугалась, вдруг не разберутся и Наташку засудят. Я-то ее пожалела, а она меня нет. Ей плевать, что я собираюсь тормознуться на Кроликове. Знает же, что у нас все к загсу идет, нет же, лезет, все хочет испортить. Зависть ее берет.

— Чему же она завидует?

Морковкина изумленно уставилась на Далилу:

— Вы видели Кроликова?

Та, совсем как Морковкина (видимо, это заразно), потрясла головой:

— Нет.

— Тогда понятно. Кроликов мой красавец, во такенный верзила!

Морковкина подняла руки над головой и, описав ими круг, продолжила:

— Еще он качок, а ее Замотаев мешок, извините, с дерьмом. Правда, полный бабок мешок, — уточнила она и, ехидно сощуриив глаза, задумалась.

Далила, выдержав паузу, осторожно спросила:

— Я слышала историю с пистолетом.

Морковкина пожала плечами, вяло промычав:

— Ну-у.

— Наташа сказала брату, что пистолет утопила, а сама потихоньку постреливала из него. Вы не знаете, кто ее учил из пистолета стрелять?

— Так Кроликов и учил! — возмущенно сообщила Морковкина, — По выходным они выезжали за город и из этого пистолета палили до самого вечера.

— С кем выезжали? С Кроликовым? — удивилась Далила.

Удивилась потому, что знала: выходные Гоша обычно проводил со своей компанией — с Замотаевым, Мискиным, Хреновым и Верховским.

Марина подтвердила ее информацию:

— Как же, поехал бы Кроликов с ней. Не водился он с малышней. У Наташки своя компашка была. Ее одноклассники, а потом и однокурсники. Пацаны всегда за ней бегали, и все как один уроды.

Далила напомнила:

— Но вы же говорили про Кроликова, будто он Наташу учил из пистолета стрелять.

— Правильно. Кроликов учил ее стрелять из своего пистолета. Думаю, про тот, краденый, он вообще ничего не знал. Знал бы, сказал бы Андрею.

— И долго Наташа баловалась с тем пистолетом?

— До самой смерти сестры. Когда Машу убили, Наташка смиренная стала. Даже со своей компашкой перестала водиться, все больше дома сидела.

— А вы не в курсе, где сейчас тот пистолет?

Морковкина ошалело глянула на Далилу и удивленно воскликнула:

— А фиг его знает! А вы у Наташки спросите, интересно, что она скажет?

— Хорошо, я спрошу, — пообещала Далила. — И последний вопрос. Насколько я знаю, Маша погибла в вашей одежде.

— Об этом меня уже сотню раз спрашивали, — зло выпалила Морковкина. — Я ничего не знаю. Маша со мной не откровенничала. Попросила модную упаковку, я без всяких вопросов свои шмотки дала. Все. Ничего больше не знаю.

— Все так все, — согласилась Далила.

Глава 20

Этим вечером Далила решила отправиться в клуб — на радость Елизавете.

По дороге она пыталась представить, что произошло в тот роковой день. Реконструкция событий по бессвязному рассказу Морковкиной шла неважно.

Маша пекла любимый пирог Хренова, но ждала Гошу, тайно от родственников и друзей хотела отметить с ним торжество? Но Гоша явился с хризантемами которые любит Наташа, — глупость какая-то.

Хуже всего, что эта глупость ничего не проясняла, а напротив, вела за собой много вопросов. Разве мог человек, хорошо знающий Машу, принести имениннице букет из цветов, которые она терпеть не может?

Но зато хризантемы обожает Наташа. Такой подарок сродни издевательству.

Что из этого следует? Что Машу убил кто-то чужой?

Неужели умная и строго воспитанная Маша могла пригласить в дом малознакомого человека?

И зачем тогда она позвонила сестре? И что ей сказала? Из-за чего взбесилась Наташа? Да еще как взбесилась: полупричесанная вылетела из салона и домой понеслась.

По всему выходило, что в тот день Маша решила окончательно утереть нос сестре. Она затеяла интригу, устроила хитрую комбинацию, поставила капканчик, и Наташа туда угодила.

Допустим, Кроликов влюбился в Наташу, но Маша тоже не была ему безразлична. Умная девушка всегда найдет путь к сердцу мужчины. А когда Маша обнаружила, что ее место на задворках кроликовской души, она сказала Мискину примерно следующее:

— Ты врешь, ты не любишь меня.

Мискин, разумеется, начал ее убеждать, что жить без нее не может. И в какой-то степени он не врал.

Как мужчина преуспевающий, симпатичный и сексуально активный, он редко получал от женщин отпор.

Мискин весело и беззаботно по жизни шагал, пока не наткнулся на Машу. Он заметил, что девушка подросла и созрела — почему бы не испробовать и на ней свои чары?

Нет-нет, ничего серьезного, так, легкий, безобидный флирт. Маша

сестра лучшего друга, а Андрей на тот момент выступал в роли отца. Если по-честному, можно было бы от девушки и отказаться: мало, что ли, на свете баб?

Но Мискины — коллекционеры женских сердец.

Они живут по принципу: не будет зла, если еще одна попадет в мою коллекцию. Ни о чем серьезном Мискины даже не думают.

Но как бы не так! Маша на Мискина ноль внимания. Взыграло в нем ретивое: как так?! Всем я нужен, а ей, серой мыши, видите ли, не нужен!

Усилив натиск, он добился обратного: Маша начала его избегать. Вот тут-то Мискин и влип. Началась у него любовь.

А Наташа, заметив это, обиделась: как так, всем я нужна, а кобелю Мискину нет?

И открыла сезон охоты на Мискина — на глазах у слепого от любви Кроликова.

Маша (образно выражаясь) заметила на сестре костюм амазонки и поняла: это война! Всей красой, всеми своими формами Наташка на Мискина вдруг пошла! Устоит ли кобель?

И вот тогда-то Мискину Маша и сказала:

— Ты не любишь меня!

Он (с горячностью волокиты):

— Сумасшедше люблю!

Она:

— Докажи!

Он:

— Чем угодно готов доказать!

После этого Мискин Маше поклялся, что устоит против Наташкиных чар, какие бы меры та ни принимала. «Пусть хоть разденется передо мной, устою!»

Ну, что-то типа того говорил. Маша сделала вид, что поверила, и начала слегка флиртовать с Мискиным на глазах у сестры.

Как посмотрел на это Кроликов?

Вот быт Верховских: по вечерам брат работает — сестры дома сидят. Связанные общим бизнесом, Верховский и Замотаев с утра до ночи мотаются. Хренов тоже работает, а дуэт Кроликов — Мискин беспечен.

Они немного работают, немного гуляют — короче, по жизни слоняются. Ближе к вечеру этот дуэт по старой привычке в дом Верховских подтягивается для новых уже развлечений. Андрея там еще нет, но зато есть сестрички. Кроликов с Мискиным точно знали: пока они ждут друзей, им не дадут скучать.

А вот Верховский не мог знать, какие лихие сюжеты закручиваются в его собственном доме, пока они с Замотаевым бизнес свой разворачивают. Приползая усталый домой, он был рад видеть там старых друзей, да и только. На общение сил уже не хватало. Чаще всего даже спать отправлялся. А друзья оставались, не уходили.

Тогда возникает вопрос: к кому они приходили?

К Андрею? Или к Наташе? Или к Маше? Или сразу ко всем?

Сразу ко всем. Однако когда Кроликов вдруг случайно заметил нежный взгляд Мискина, упавший на Машу, он насторожился. Ненаблюдательный Кроликов начал вдруг наблюдать!

И обнаружил, что Маша стала другой. Раньше неизменно сидела возле него, с Наташкой любезничать исправно мешала, а теперь с Мискиным уединяется: то на кухню уйдут, то на балкон.

Занервничал Кроликов, заревновал. И упустил из виду Наташу.

А Наташа тем временем к Мискину подбиралась.

Дома он на нее не глядел, она с другой стороны зашла:

«случайно» на улице встретила. Разговорились.

Мискин слову, данному Маше, разумеется, изменил. И виноватым себя не считал: Наташа сама на него глаз положила. Он всего лишь кое-как отбивался.

Но не мог он отбиваться сильней! Не мог! Он же Мискин!

Что же Маша? Загоревала?

Вовсе нет: она Кроликову открыла глаза и...

Дальше что?

А то, зачем это все затевалось: Наташа должна быть поставлена перед фактом, что Кроликов собрался жениться на Маше. Не на день рождения Маша пекла пирог — на обручение. Ей исполнилось восемнадцать лет. Все! Невеста!

И выйдет замуж она, некрасивая, раньше красотки сестры! И за кого? За ее жениха, качка и красавца Кроликова! Вот так-то, сеструха! Что, съела?

Вот тут-то и увязались наконец хризантемы с информацией, полученной от Морковкиной. Не чужой приходил человек.

Наташа не съела, она подавилась известием. Какая сидела в салоне в кресле стилиста, такая и катапультировалась прямо домой. Но цветочки кто-то успел ей подарить. Кто? Пока неважно, главное, с хризантемами к Маше она и примчалась.

Что там было?

Много чего. Принцессы на горошине умеют скандалы закатывать.

Видимо, Золушке-Маше пришлось несладко, возможно, букетом и били ее — Хренов говорил, что лепестков на полу было много. Видимо, не выдержала Маша и сказала то, чего раньше себе не позволяла.

Нервы у Наташи окончательно сдали, она холерик: сама не поняла, как оказался в руке пистолет. Маша не верила, что сестра выстрелит, но Наташа выстрелила. Может, сгоряча, может, случайно спустила курок — разве теперь узнаешь? Скорей всего, она и сама не знает. Когда Маша на пол упала, Наташа увидела, что натворила, перепугалась и убежала. И цветочки с собой унесла — ведь все знают, кто любит эти цветы. А лепестков на полу Наташа в ажиотаже не заметила — они-то ее и подвели.

Далила облегченно вздохнула: «Вроде все увязалось».

Уверенно загоняя на стоянку женского клуба свой «Форд», она тревожно подумала: "Нет, не все увязалось, Морковкина что-то темнила по поводу Кроликова...

Нарочно намеки делала? Или действительно случайно сболтнула и испугалась?

Ладно, время покажет. Пока ясно одно: Кроликова там еще не было. Он не позволил бы сестрам безобразно ругаться, силач Кроликов их растащил бы", — заключила Далила, входя в женский клуб.

Глава 21

По закону подлости первой, кого Далила увидела в клубе, была Замотаева. Наташенька, как обычно, застряла в холле: любуясь собой, крутилась с расческой в руках перед огромным старинным зеркалом.

До беседы с Лизой Далила не была готова с ней разговаривать. Она попыталась, изображая рассеянность, прошмыгнуть поскорей в зал. Однако Замотаева, сверкая фальшивой улыбкой, решительно устремилась к ней.

"Разговора не избежать, — кисло улыбаясь в ответ, осознала Далила. — А жаль, рано еще. Могу все испортить. Надо бы отвязаться от нее, но так, чтобы не насторожить, чтобы не выглядело, будто я ее избегаю.

Нужно что-то сказать ей. Но что?"

Как назло (и как часто бывает в подобных случаях) на ум ничего подходящего не приходило. Наташенька выросла слишком неожиданно, незапланированно — находчивость изменила Далиле.

А Замотаевой оставалось сделать пару шагов, она уже приоткрыла свои красивые полные губы, уже воздуха набрала для дежурных любезных приветствий.

Что она спросит? Что скажет?

В любом случае Далила не знала, что ей отвечать.

Принцессы на горошине очень хитры.

«Все пропало», — уныло решила она.

И в этот момент какая-то добрая сила вынесла в холл Елизавету. Бойцова вылетела из зала и, увидев Далилу, радостно завопила:

— Самсонова! Ну, наконец-то ты соизволила посетить нас!

Замотаева благоговейно воззрилась на Елизавету (Бойцову она боготворила — или делала вид, что боготворит), та же, наконец заметив ее, приветливо бросила:

— Натаха, салют!

И потащила Далилу к «членшам».

Замотаева поспешила за ними, соблюдая дистанцию, но явно прислушиваясь к беседе подруг. Далила украдкой шепнула Бойцовой:

— Лиз, что ты хотела про Наташу мне рассказать?

Та удивилась:

— Это что, так срочно?

— Кажется, да. Она явно рвется со мной говорить, а без твоей информации я не готова. От этого разговора зависит многое.

— Что?

— Если правильно построю беседу, то я сегодня же ее расколю, а если вспугну, она не раскроется. Видишь, она уже насторожена.

Елизавета оглянулась на Замотаеву и шепотом констатировала:

— Точно, глаз с нас не сводит, зараза.

— Зачем ты оглядываешься? — прошипела Далила, незаметно толкая подругу в бок локтем. — Лизка, ты хуже ребенка.

— Уж прости, не знала, что мы в шпионов играем, — «лягнулась» Бойцова и тут же, без всякого перехода, дружелюбно «завиляла хвостиком».

— Далечка, — заворковала она, — не волнуйся, эта дурочка тормоз. Кроме себя, она вообще ничего не замечает. К тому же я как бы дала ей знак, что сейчас освобожусь и подойду.

Далила сердито ответила:

— Надеюсь, она этот знак поняла. Я не тормоз, но вряд ли смогла бы сообразить, что ты имеешь в виду.

Так ты будешь рассказывать? — возмутилась она.

— Буду, — выразила готовность Елизавета.

— Только самое главное и быстро. Ей нельзя давать время подумать.

— Значит, ты все же подозреваешь ее?

— Хуже, я почти уверена, — призналась Далила.

Бойцова поделилась прозрением:

— И мне она перестала нравиться.

— Почему вдруг?

— Жестокая очень она. Когда я вывела ее на разговор, ну ты знаешь, как я умею, то да се.

— Знаю, знаю, что дальше?

— Хвастала своими победами Наташка, как последняя стерва, а я между строк читала, слава богу, ты меня научила. Ужас, как она мучила бедную Машу!

Далила оживилась:

— Вот-вот, давай про победы.

— Даю. По ее рассказам, за ней увивались Кроликов, Мискин и Замотаев. Замотаев открыто, но вяло.

— Правильно, ему было некогда. Он же с Андреем поднимал их общий бизнес.

Елизавета продолжила:

— А Мискин с Кроликовым к Наташке подкатывали активно, но тайком от Андрея.

Далила вставила:

— Он до сих пор не знает об этом. Что она говорила про Машу?

— Наташка прямо не говорила, но из всей ее трепотни выходило, будто Маша в тот день поджидала сразу двоих: Кроликова и Мискина. Якобы она им и на фиг нужна не была, но хитростью заманила обоих...

Бойцова остолбенела.

— В чем дело? — раздраженно осведомилась Далила. — Почему ты молчишь?

— Она смотрит на нас, — скосив глаза и не поворачивая головы, пропищала Елизавета.

— Ну и что?

— Наверняка догадалась, что мы шепчемся про нее. Это делу не повредит?

— Вряд ли.

— Но теперь она поймет, что я тебе доношу, и не станет со мной откровенничать.

— Что за слова ты подбираешь, — рассердилась Далила. — «Доношу». Ты не доносишь, а помогаешь найти убийцу невинной девушки.

— Но, после того как она увидела, что мы шепчемся, я не смогу тебе помогать. Она перестанет со мной откровенничать.

— Она уже перестала, просто ты об этом еще не знаешь, — «успокоила» подружку Далила.

— Почему?

— Порой ты бываешь умилительно наивной. Как она будет с тобой откровенничать после моего похода к Морковкиной? Морковкина ничего не умеет скрывать, а Замотаева не такая дура, чтобы поверить в мои научные изыскания. Теперь она знает, что брат тайком от нее ищет убийцу Маши, а я ему помогаю.

— Ой-ей-ей! — пропищала Бойцова.

— Лиза, ну что еще? — рассердилась Далила.

— Я боюсь.

— Чего?

— А она и меня не того? Не придушит?

— С какой стати?

— За предательство.

— За кого ты ее принимаешь?

— Она же вампир.

Далила рассмеялась:

— Прекрати. Ты умная образованная женщина, а иной раз хуже ребенка. В этом зале вампиров полно, и никто тебя не придушил.

— Все всегда случается в первый раз, — посетовала Елизавета. — А кровь пить все «членши» умеют.

Далила завершила:

— Не волнуйся, по этой части ты их превзошла.

К тому же Замотаева не душит, а из пистолета стреляет.

Что дальше? Надеюсь, это не вся информация? В противном случае твой рейтинг в моих глазах упадет.

Бойцова деловито завершила:

— Информации много, но времени мало. Ты же просила о самом главном. Вот сама и говори, что еще тебя интересует?

— Пистолет. Морковкина говорила, что Наташа с компанией ездила за город и там они вроде палили во что придется.

— Палили они не во все, а в старое, засохшее дерево, причем в одно. В дуб, кажется.

Далила подалась вперед:

— В какой еще дуб? Где он растет?

Елизавета, осознавая важность момента, с гордостью возвестила:

— Их компашка отправлялась на дачу Морковкиной...

— Почему к Морковкиной? — перебила подругу Далила. — Ты не путаешь? У Верховских своя дача была.

— У Верховских дача в элитном месте. Там всегда народу полно. А у Морковкиной дача в глухой деревушке. Там три калеки живут. А за дачей густой лесок.

В тех местах охотничьи угодья, поэтому никто не обращал внимания на пальбу кучки подростков. Да и некому обращать.

У Далилы загорелись глаза.

— Ты сама не знаешь, как мне сейчас помогла, — прошептала она на ухо Елизавете.

Та отшатнулась:

— Ты что делаешь? Наташка увидит.

— Этого я и хочу. Пусть видит теперь, пусть гадает, пускай испугается. Более того, я сейчас уйду, а ты с ней побеседуй.

— О чем?

— На любую нейтральную тему, хоть о погоде, а затем вдруг скажи, что я отыскала убийцу ее сестры.

А сама пристально за ней наблюдай. Ничего не упusti. Расскажешь потом, как она реагировала.

— А ты-то куда?

— Искать старый дуб.

— На ночь глядя? — поразились Бойцова.

— А я с фонарем, — улетаая, сообщила Далила, но, вспомнив, она вернулась к подруге:

— Чуть не забыла, Верховский по моей просьбе скрывал от сестры, что мы с ним ведем расследование. Не хотелось бы его подставлять. Он может обидеться. Надо бы Наташеньку разубедить.

Елизавета немедленно постановила:

— Разубедим.

— А что ты скажешь Наташе?

— А то и скажу, что ты лечишь Верховского. Но лечение не будет успешным, если убийца останется безнаказанным.

Далила похвалила подругу:

— Дельная мысль. И еще можешь добавить, что я ас в расследовании старых и запутанных дел.

— Так уж и ас, — усомнилась Бойцова. — Раскрыла какие-то два дела и нос уже задрала.

— Черт возьми, — возмутилась Далила. — Ты хоть раз в жизни, ради разнообразия, можешь меня похвалить?

Елизавета кивнула:

— Для того чтобы Наташку позлить, могу. Так и быть, скажу Замотаевой: Самсонова у нас ас.

— Тогда добавь еще (знаю, ты щедрая), что у меня есть доказательства.

— А у тебя они есть? — прошептала Бойцова, округляя глаза.

Далила заверила:

— Скоро будут. Не выковыривали же они пули из этого дуба.

— Конечно, пули там, ну и что?

— А то, что пистолетик-убийца, похоже, был ее, Наташин «ГТ».

— Почему ты так думаешь? — поразились Елизавета.

— Суди, сама. Машу убили из «ГТ», на котором мокрухи немерено, как любят бакланить братки. А Наташа подобрала пистолет как раз такого братка.

Бойцова охнула:

— И прятала его дома до самой смерти сестры?

— Ну, ты особо не шуми, — бросив опасливый взгляд в сторону Замотаевой, попросила Далила. — Не хотелось бы ее слишком пугать. Принцессы на горошине и без того нервные.

Елизавета взволнованно осведомилась:

— Но если Замотаева на такое способна, зачем я буду ее дразнить?

Кстати, — испугалась она, — а ты не боишься в темноте по темечку получить? С кем ты за город поедешь?

— Не волнуйся, с братом Наташи поеду, с Андреем Верховским, — успокоила подругу Далила.

Бойцову ответ впечатлил:

— Да, он сильный мужик.

«Где логика? — мысленно удивилась Далила. — Ведь Маша была застрелена. Если Замотаева решилась выстрелить в слабую сестру, что ей помешает выстрелить в сильного брата? И уж тем более в чужую, меня!»

Однако вслух она произнесла:

— Ладно, Лизенок, я побегу, а ты на всякий случай придержи здесь Замотаеву, раз уж сама мне эту страшную мысль подала, что Наташенька так опасна.

— Будь спокойна, уж я ее до смерти уболтаю, — заверила Елизавета.

— Смотри, не перестарайся, — полушутливо-полусерьезно предупредила Далила.

Глава 22

Далила позвонила Верховскому, не выходя из клуба, прямо из холла.

После короткого приветствия вежливо поинтересовалась:

— Как ваше самочувствие?

Ожидала услышать в ответ обычное: «Да вот, бессонница одолевает».

Однако Верховский ее удивил, возвестив со смущением и удивлением:

— Представляете, сегодня днем заснул за рулем и целых четыре часа проспал как убитый.

Она ужаснулась:

— Надеюсь, катастрофы удалось избежать!

— С чего вдруг? — изумился Верховский.

— Неужели не удалось?! — испугалась Далила.

— Удалось! То есть не удалось! То есть... Тьфу! — раздраженно сплюнул Верховский и извинился:

— Простите, хотел вас быстрее успокоить и запутался. Короче, не было никакой катастрофы. Да и с чего бы она была?

— Как с чего? — поразились Далила. — С того, что вы за рулем заснули. Это ли вам не причина? Или вы уже научились водить машину во сне?

Он рассмеялся:

— Да нет, машина стояла, я не ехал, просто сидел.

Пашку Замотаева поджидал, мужа моей Наташки. Мы в бизнесе вроде совсем разошлись, но вот приехал, и общие дела как-то сами собой нашлись. Как сестрица любит шутить, мы с Замотаевым по делам замотались.

Он отправился на переговоры, а я остался в машине и задремал.

Далила продолжила:

— А переговоры длились четыре часа.

— Нет, — рассмеялся Верховский. — Если бы. Павел вышел из офиса, увидел, что я крепко сплю, и глазам своим не поверил. Так, потрясенный, и потопал ловить такси.

— Не решился вас разбудить? — удивилась Далила, подумав: «Как трогательно. Настоящая дружба, мужская».

Голос Верховского потеплел:

— Да, Пашка такой. Он добрый. Наташа сама еще не поняла, как ей повезло, когда она вышла замуж за Павла. Если Пашка меня не решился

будить, представляю, как он носится с ней, капризулей.

Далила вернула его к прежней теме.

— И что же дальше-то с вами было? — спросила она. — Заснули, и как вам спалось? Видели сны?

— Нет, спал как убитый. А когда проснулся и посмотрел на часы, волосы встали дыбом. Четыре часа!

Бросился Пашке звонить, а он смеется: «Что же выходит?! Ты вот только что глаза продрал? Ну, ты здоров, брат, спать! А нам, как последним лохам, впариваешь: бессонница да бессонница. Как же, так я теперь и поверил!» Честное слово, мне перед Пашкой было даже неловко. Будто и в самом деле я притворялся.

Далила его успокоила:

— Не вы один, многие великие люди попадали в такое же положение. Годы, столетия проходят, а ничего не меняется. Еще кто-то из классиков, кажется Нушич, по этому поводу сокрушался: «Стоит пожаловаться на бессонницу, как обязательно найдется свидетель, слышавший ваш громкий храп среди ночи».

Так что сомнения окружающих в таких случаях абсолютно нормальны.

— Пашка добряк, — рассмеялся Верховский, — на самом деле он все понимает, просто подтрунивает по-дружески. Но почему я вдруг так отрубился?

Далила порадовалась:

— Выздоровливаете. Раньше вы совсем плохи были: необходимое добирали мелкими порциями в течение дня, а теперь, раз проспали целых четыре часа, значит, дело пошло на поправку. Я рада за вас, я вас поздравляю.

— За поздравления вам, конечно, спасибо, а вот что я ночью теперь буду делать?

— Думаете, ночью вам не удастся заснуть? — скрывая оживление, спросила Далила.

— Думаю? Да я абсолютно уверен! Ночь на носу, а я на подъеме. Свеж и бодр, как никогда. И не знаю, куда девать этот переизбыток. Ночи для меня настоящие пытки. Придумать не могу, чем бы себя занять.

Телевизор и книжки уже надоели.

Далила пошутила:

— Одно вам осталось, даже два: казино и ночной клуб.

— Вот чего терпеть не могу, так это ночных клубов, — признался Верховский. — Вот где бездарная суета. А в казино еще хуже. Халявы я категорически не признаю. Деньги тогда ладонь греют, когда их своим

трудом зарабатываешь. Я на деньги смотрю, как на мерило своих способностей, возможностей, сил. С помощью денег я узнаю, чего стою. Не более.

— Мне симпатична ваша позиция, — искренне призналась Далила, — хотя я иногда своим пациентам прописываю и такую вот суету: казино, ночной клуб.

В разумных дозах полезно все, даже яд, — рассмеялась она и неожиданно предложила:

— Не хотите совершить со мной загородную прогулку?

Он откликнулся мгновенно и очень охотно:

— Когда? Хорошо бы прямо сейчас.

— Да, прямо сейчас я и предлагаю.

— С преогромнейшим удовольствием, — радостно воскликнул Верховский и некстати добавил:

— С вами хоть на край света.

Его игривые нотки Далиле совсем не понравились.

Чтобы не вдохновлять его без нужды, она сдержанно пояснила:

— Это будет сугубо деловая прогулка.

Он тотчас взял нужный тон:

— Вы что-то нашли по нашему делу?

— Да, наше дело сильно продвинулось, — подтвердила Далила, испытывая благодарность к Верховскому за чуткость и сообразительность.

Она поняла, он из тех редких людей, которым не приходится долго в подробностях объяснять, как надо себя вести и что вообще происходит.

"Ловит все на лету, — мысленно похвалила его она и вдруг отметила:

— Совсем как друг его, Хренов".

Пауза, видимо, затянулась, потому что Верховский спросил:

— Алло! Вы где? Я вас не обидел?

Далила откликнулась:

— Нет-нет, простите, задумалась.

Он деловито спросил:

— Мы за город поедem на разных машинах?

— Нет, не стоит, — сказала она.

Верховский немедленно предложил:

— Тогда на моей лучше ехать. У меня внедорожник.

— Хорошо, — согласилась Далила. — Прямо сейчас и отправляйтесь в мой двор. Я тоже туда, поставлю свой «фордик» в гараж, и мы сразу поедem.

Укладывая трубку в карман, она удивленно отметила: «Странно, он

даже не поинтересовался, куда мы поедем».

Однако он поинтересовался чуть позже, когда они встретились.

— Куда едем? — браво воскликнул Верховский, выходя из своего добротного джипа. — Я на всякий случай прихватил бутерброды и чай в термосе, мало ли что.

Обойдя автомобиль, он галантно распахнул перед Далилой переднюю дверцу и, не услышав ответа, еще раз спросил:

— Так куда путешествуем?

Из осторожности она не стала распространяться на улице.

— Как только тронемся, все расскажу, — произнесла Далила, ступая на подножку.

Верховский, поддерживая ее под локоть, пытался помочь, но только мешал. Благодаря его усердию Далила неловко поставила ногу, зацепилась за коврик каблуком сапога и не села, а рухнула в кресло самым незлегантным образом.

Свою ошибку он понял мгновенно, виновато воскликнул:

— Простите, хотел как лучше, а получилось как всегда, когда хочу понравиться очень красивой даме.

Теперь вы, наверное, будете думать: «Вот же увалень, этот Верховский».

Далила рассмеялась:

— Ни в коем случае. Я при первом знакомстве отметила изысканность ваших манер, что в наше время встречается редко.

И он рассмеялся:

— Огромное вам спасибо, вы настоящий психолог. Будем считать, что помощь пришла очень вовремя. Я был в трех шагах от отчаяния.

— Вы не правильно поняли, — морща нос, возразила Далила. — Это вовсе не комплимент из сострадания к вашей неловкости.

Он вдруг очень серьезно спросил:

— А что это?

— Просто ход моих мыслей, — смутилась она. — Ви же пытались их угадать, вот я тайны и открываю ради экономии вашего времени.

Верховский, весьма артистично закатывая глаза, воскликнул:

— О-о! Мое время действительно нуждается в экономии! Особенно ближе к ночи!

Он поклонился Далиле, бережно, но уверенно взял ее руку, лежащую поверх сумочки, и, сказав:

— После ваших похвал я просто обязан... — слегка тронул ее узкую кисть своими губами.

— Лишь после этого Верховский закрыл дверцу и, стремительно обойдя джип, вернулся за руль.

Пока они выезжали со двора на Таврическую, Далила, поразмыслив, решила, что ее комплимент действительно выглядел каким-то дежурным. Да и последующие пояснения не казались убедительными.

— Если честно, я на самом деле была приятно удивлена, когда обнаружила в вас превосходно воспитанного человека, — призналась она. — К сожалению, чаще встречаешь в людях показушность, манерность, а вот истинное воспитание — редкость.

Верховский смущенно спросил:

— Тогда можно узнать, о чем идет речь?

Далила собралась ответить, но ой, словно испугавшись чего-то, ее перебил:

— После такой высокой оценки начинаешь бояться собственного несовершенства.

Она пояснила:

— Я об искренности, об адекватности слов, деклараций и истинных помыслов. Вы просты в общении, не произносите умных речей, не стараетесь выглядеть аристократично, но чутко улавливаете настроение собеседника. С вами легко любому, потому что каждый рядом с вами ощущает ваше к нему уважение.

— Правильно, а как же иначе? — удивился Верховский. — Я не разговариваю с теми, кого не уважаю.

Далила вздохнула:

— Ах, зачастую умные и с виду интеллигентные люди в беседе увлечены только собой, и плевать им на собеседника. Из-под тонкого лака манер ясно проглядывает их грубость, невежественность. Меня всегда удивляла такая странная вещь: почему-то чаще всего стараются выглядеть особо интеллигентно именно те люди, которые обожают себя и презирают ближнего.

— Уж вы-то знаете, почему так происходит, — заметил Верховский.

— Вы серьезно так думаете? — удивилась Далила.

— Да, вы же психолог.

— Как психолог, я констатирую факт, объяснить его должны философы и специалисты по этике. Лично я перед такими людьми ощущаю бессилие. Как ученый, я их понимаю, а как человек — нет. Они для меня нечто темное.

— А мне кажется, что вы насквозь видите всех людей, а не только меня.

— Ах вот почему вы так естественны, — рассмеялась Далила. — Оказывается, вы всего лишь решили, что бесполезно скрывать недостатки.

— Недостатки? Нет уж, простите, вы сами меня убедили, что я сплошное достоинство! — с шутливой обидой воскликнул Верховский.

Далила в ответ погрозила пальцем:

— Позвольте-позвольте, крылья ангела не я раздаю, по этим вопросам к всевышнему.

Он разочарованно констатировал:

— Значит, я не ошибся, вы всего лишь сделали мне комплимент.

Уловив в его разочаровании искренность, она с полной серьезностью возразила:

— Нет, я сказала вам то, что думаю. Общаясь, вы в первую очередь помните о собеседнике, а уж потом о себе. Именно это я и называю воспитанием, все остальное — бутафория. И давайте на этом поставим точку. Не хотелось бы утонуть во взаимных комплиментах.

Ее просьба прозвучала резковато, но Верховский не обиделся.

— Согласен, — сказал он и спохватился:

— А куда мы едем?

Далила лаконично поведала:

— На дачу к Морковкиной.

Верховский не выразил удивления, словно ему все равно куда ехать: на дачу так на дачу, к Морковкиной так к Морковкиной.

— Тогда нам в другую сторону! — воскликнул он, лихо разворачивая свой мощный джип.

Глава 23

Оживленная беседа прервалась — опять его воспитание, опять все понял, почувствовал грань отношений: дальше нельзя!

Далила была ему благодарна, а на себя — страшно зла.

"То к Хренову меня потянуло, то к Верховскому, — пока он петлял по городу, ругала она свой порыв. — Того и гляди, пойду по рукам. Становлюсь хуже Галки: "А" мужчина!" И от радости в обморок! Что это?

Сексуальная неудовлетворенность? Бабья тоска по ласке? Тогда уж лучше Матвей — свой, родной, изведанный. Если уж отогреться, то действительно лучше на нем. Хотя..."

Верховский прервал поток ее мыслей, спросив:

— А что там, на даче Морковкиной?

Далила вздрогнула:

— Что? Простите, кажется, я задумалась.

Он пошутил:

— Красивой женщине даже мысли к лицу.

Не приняла она приглашения к беседе, сдержанно пояснила:

— Есть у меня кое-какая версия, хочу попытаться найти ей подтверждение.

Верховский кивнул:

— Понял, расспросы пока не приветствуются.

Молчим, терпеливо ждем.

Далила вздохнула:

— Спасибо. Надеюсь, ждать придется недолго.

На этом с их легким флиртом было покончено. До дачи Морковкиной оба задумались. Он размышлял, насколько она была искренней, расхваливая его воспитание; она погрузилась в еще более сложный анализ.

"Он действительно считает меня очень красивой?"

Или так, ради комплимента сказал?" — гадала Далила.

Она точно знала, что не красавица — даже просто красивой назвать себя не могла. Не дурнушка, конечно. Симпатичная, очаровательная — это все про нее (если в тоне). В плохом настроении — так себе, на любителя.

"Но он сказал: «Очень красивая дама». Почему он именно так сказал? — чувствуя себя круглой душой, размышляла Далила. — Мог бы сказать «красивая», нет же, подчеркнул исключительность моей красоты.

Хотел мне польстить? Зачем? Просто повел себя по-мужски: вдруг

обломится. Вряд ли, на ловеласа он не похож. На пустомелю — тоже. Слова подбирает точно, а в начале знакомства держался вежливо, но как-то излишне строго, чопорно даже. Тогда откуда столь странная перемена? Почувствовал слабину? Повод ему дала? Да быть не может! Веду себя сдержанно... Сдержанно! Как же! Ха-ха! Да, я не кокетка, но в свободном полете, а подсознание коварная вещь. Разве за собой уследишь? Там глазками стрельнула, там плечиком повела... Он не ловелас, но все же мужчина: почувствовал. Зачем же ему упускать шанс, если приключение само в руки плывет? Но где же я повод ему дала?"

Пораскинув мозгами, Далила пришла к выводу, что была с ним раскованна, но не игрива. Да и он почтительность сохранял. А частое смущение Верховского и вовсе говорило о том, что он уважает Далилу, дорожит ее мнением и...

И равнодушен к ней.

«Значит, — заключила она, — действительно нравлюсь Верховскому. Не стал бы он глупо выглядеть, разбрасывая чрезмерные комплименты. Он явно не из таких. Выходит, я на самом деле показалась ему очень красивой. Но когда? Когда это началось? Когда загорелась первая искра? И почему я не заметила?»

Далила вдруг вспомнила, как в первую их встречу, там, в ее кабинете, он рвался из Питера, торопился, ссылаясь: «Дела». Что ж не уехал?

— Простите за любопытство, а что у вас с Замотаевым, что-то сверхприбыльное подвернулось? — осторожно спросила она.

— Да нет, — усмехнулся Верховский, — так, ерунда. Можно сказать, от безделья. И чтобы Пашку потешить. Он всегда другу рад, вот с ним за компанию и мотаюсь. А что? Почему вас это интересует?

— Как это ни парадоксально звучит, но спросила из деликатности. Хотела знать, не отвлекаю ли вас, не мешаю ли. И...

Далила умышленно сделала паузу. Он встрепенулся и, взглянув на нее, торопливо воскликнул:

— Что "и"?

— И чтобы знать, насколько могу вами располагать, — с любезной улыбкой пояснила она.

— Всецело! — просяив, сообщил Верховский. — Без всяких церемоний всецело располагайте мной, не мешаете, буду рад.

Спохватившись, он поспешно добавил:

— Ради этого дела я готов забросить даже свои дела, простите за тавтологию.

— Охотно прощаю, — улыбнулась Далила.

"А раньше такой готовности не наблюдалось, — мысленно подметила она. — Почему он не уехал из Питера, почему передумал? Неужели из-за меня?"

Да нет, быть не может С чего вдруг? С чего? Я повода не давала, к тому же Верховский не юноша. В его возрасте к серьезным чувствам спокойней относятся. После тридцати пяти у мужчин любовь с кандачка не возникает. Флирт, интрижка — пожалуйста, а любовь времени требует. Как говорит мой Димка, им «в лом». Ох!"

Против такого разумного вывода из глубин души поднялась волна протеста.

"Как это не возникает? — припомнила сразу Далила, накрытая этой волной. — Мне ли об этом не знать?"

Сколько страстей навидалась я в своем кабинете, сколько признаний: «Увидел ее и пропал». Почему это не возникает?"

В ответ на этот вопрос восстал голос разума.

"А потому не возникает, — строго сказала себе она, — что человек в этом возрасте не так уж свободен, как юноша. Бизнес, проблемы — не до любви.

Потешит на скорую руку душу и плоть и дальше — бегом по жизни скакать. А те, которые говорили: «Увидел ее и пропал», занимались самообманом. Они попали в отлично расставленные сети амазонок, охотниц, и времени амазонки убили на воспитание этих неожиданных чувств уйму, мне ли об этом не знать.

Староват уже Верховский для пылкой бездумной любви с первого взгляда. Раз не уехал из Питера, значит, есть на это причина. Дело тут не во мне", — в конце концов заключила Далила, испытывая легкую грусть разочарования.

Он заметил перемену ее настроения и спросил:

— Вас что-то тревожит?

Она, кивнув на лобовое стекло, озабоченно произнесла:

— Совсем уж темно.

— До дачи Морковкиной осталось немного.

— Боюсь, не увижу то, за чем еду.

— У меня есть отличный фонарик, — успокоил ее Верховский, — как принято сейчас говорить, крутой.

— Тогда порядок, — улыбнулась Далила и вдруг спросила:

— А без вас там бизнес ваш не пострадает?

Он нахмурился:

— Может и пострадать. Ничего, скоро поеду. У самого душа не на

месте.

Верховский оторвал глаза от дороги и взглянул на Далилу — на ее лице отразился испуг. Этот испуг он понял по-своему и сказал:

— Да в общем, не страшно, некуда мне спешить.

За делом есть кому присмотреть. Мои компаньоны — ребята надежные.

— Почему же тогда у вас душа не на месте? — спросила Далила.

Верховский хотел ответить, но, всмотревшись в дорогу, воскликнул:

— Мы уже проехали!

Пуская свой мощный джип в лихой разворот, он чертыхнулся и пояснил себе в оправдание:

— Заговорился и проскочил перекресток.

Далила шутливо прикрыла ладонью рот:

— Все, тогда я молчу.

Верховский запротестовал:

— Ни в коем случае. Пожалуйста, говорите. Мне нравится слушать вас. Да и проскочил не так уж и далеко.

И, без всякого приглашения возвращаясь к ее вопросу, он с оптимизмом воскликнул:

— А душа у меня не на месте, потому что мир этот ненадежен. Я имею в виду не человеческие отношения, а форс-мажорные обстоятельства, как пишут во всех договорах. Сегодня я жив и здоров, а завтра кирпич прилетел откуда-то с неба. Или, хуже того, взял и влюбился.

Далила оцепенела от неожиданности, подумав:

«Он себя имеет в виду?»

Однако спросить не решилась. А Верховский, выдержав паузу и не дождавшись ответа, добавил:

— От этой любви, кстати, больше всего бизнес страдает. Был у меня приятель...

Мельком взглянув на Далилу, он осекся:

— Ну да ладно, вам это неинтересно. К тому же приехали. Видите огоньки?

— Вижу, — кивнула Далила.

— В той деревушке и находится дача Морковкиной. Даже не дача, а дом, исправный, с камином. От деда по наследству остался Морковкиным. Так куда вас везти? Прямо к дому?

— Нет, к лесочку.

— К какому лесочку? — удивился Верховский. — Здесь все вокруг лесочек сплошной. А где нет лесочка, болота.

Замявшись, Далила сказала:

— Мне нужен лесочек, который за дачей Марины.

Там вроде бы есть полянка, а на ней засохшее дерево, кажется, дуб.

Он кивнул:

— Ну, есть такое.

Далила скомандовала:

— Вот туда меня и везите.

Верховский, покачав головой, сообщил:

— Туда даже мой джип не заедет.

— А вы везите туда, куда он заедет.

— А потом как?

Она усмехнулась:

— Ногами.

Верховский с сомнением потряс головой, крикнул: «Держитесь» — и разудало свернул с дороги.

Джип отчаянно затрясло по кочкам. Далила держалась, что называется, руками-ногами, но ее безудержно бросало из стороны в сторону. Так продолжалось недолго: вскоре Верховский остановился и, осветив темень мощными фарами, выдохнул:

— Все! Дальше нельзя!

— А где же полянка? — спросила Далила.

Он указал подбородком:

— Полянка там, в лесу.

Не успел он и глазом моргнуть, как Далила выпорхнула из машины в своих щегольских сапожках и понеслась в сторону леса.

— Куда вы? Там же болото! — ошарашенно воскликнул Верховский, глядя, как исчезает в темноте «очень красивая дама».

Осознав, что не получит ответа, он восхищенно присвистнул:

— Бедовая женщина.

И, прихватив фонарь, поспешил догонять Далилу.

Догнал он ее уже на поляне и попенял:

— Что же вы без фонаря, в дорогих сапогах, на каблуках высоченных.

— Каблуков уже нет, — горестно сообщила она, оптимистично добавив:

— А фонарь ваш сейчас пригодится.

— Как вы вообще сквозь кустарник продрались в потемках? — удивился Верховский.

Далила похвасталась:

— Я в темноте вижу, как кошка.

Он подивился:

— Надо же, как это вам удастся?

— Ем много морковки. Где же это сухое дерево? — нетерпеливо спросила она.

Не одетые листвой, ей все деревья казались сухими.

— У сухого ствол от плесени позеленел, — подсказал Верховский.

— Я в темноте вижу, конечно, но не до такой степени, чтобы отличить один ствол от другого, — пошутила Далила.

Он усмехнулся:

— А фонарь нам зачем?

Скользнув по деревьям лучом, Верховский воскликнул:

— Да вот оно, мертвое, в центре поляны!

— Правильно, в центре, — обрадовалась Далила.

Глава 24

Пока Верховский послушно освещал мертвый ствол, Далила энергично ковыряла в коре ключом от квартиры. Наконец он не выдержал и спросил:

— Что вы ищете?

— Пулю.

— Пуля глубже, ключом не доковыряться. Погодите, у меня с собой перочинный нож.

Покопавшись в кармане, Верховский извлек добротный складной нож — видимо, у него все было добротное.

— Может, я достану? — спросил он у Далилы.

Она отказалась от помощи и, выхватив нож, твердо сказала:

— Нет, я сама.

С ножом дело лучше пошло, и вскоре она радостно взвизгнула:

— Ура! Я нашла!

Верховский спросил:

— Можно взглянуть?

Далила протянула трофей:

— Пожалуйста.

Пока он крутил пулю в руке, освещая ее фонарем, Далилу вдруг осенило: «А откуда он знает про эту поляну? И наличие пули, похоже, не удивило его».

— Это от пистолета Макарова, — в такт ее мыслям сказал Верховский.

Она поразилась:

— Откуда вы знаете?

Он усмехнулся:

— Во-первых, вижу, пуля тупая. А во-вторых, она наша.

— Как это — ваша?

— Мы с Гошей здесь частенько из его «макара» стреляли. Весь этот ствол изрешечен нашими пулями.

Простите, а вы какие здесь пули искали?

Далила растерялась и мгновенно все позабыла.

— А из какого пистолета Машу убили? — смущенно спросила она.

Верховский вздохнул:

— Машеньку из «ТТ».

— Вот-вот, мне нужно найти от «ТТ».

— Тогда надо еще ковырять. Из «ТТ» пули глубже уходят.

— Поковыряйте, пожалуйста, — жалобно попросила Далила, опасаясь, что без объяснений он откажется выполнять ее просьбу.

Но Верховский не отказался, лишь проворчал:

— Хорошо, поковыряю, раз уж доверяете мне это важное дело.

Вскоре на его ладонь легла удлинённая изящная пуля — легла рядом с округлой тупой.

Далила нетерпеливо спросила:

— Ну, и от какого она пистолета?

— Выпущена из «ТТ», — задумчиво ответил Верховский.

Взглянув на Далилу, он строго осведомился:

— Кто здесь стрелял? Вы знаете? Отвечайте, неужели Наташка с друзьями?

Она пожала плечами:

— С чего вы взяли?

— У нее был «ТТ»! Понимаете, «ТТ» она у бандита взяла! Черт! Как же я раньше-то не подумал об этом?!

Верховский растерянно уставился на Далилу.

— О чем вы? — попыталась удивиться она.

Он вздрогнул и мгновенно пришел в себя:

— Да нет, ничего. Мысль мелькнула.

— Вы не умеете лгать.

— Зато вы, похоже, умеете, — рассердился Верховский. — Почему вы мне ничего не сказали?

— Про что?

— Про то, что Маша была убита из такого же пистолета, который Наташа слямзила у бандита.

Далила напомнила:

— Вы это сами прекрасно знали.

Он воскликнул, взмахнув фонарем:

— Да, но я напрочь о том пистолете забыл!

— А теперь что, нашли между пистолетом Наташи и убийством Маши какую-то взаимосвязь?

— Нет, не нашел. Наташка мне соврать не могла, она пистолет утопила, а «ТТ» — излюбленное оружие бандитов.

— Думаете, Машу убил бандит?

— А вы думаете, что нормальный человек способен убить невинную девушку?

— Нет, я так не думаю, — сказала Далила, поеживаясь от холода.

Верховский буркнул:

— Вы замерзли. Пойдемте в машину.

Скользнув лучом по ее ногам, он с досадой воскликнул:

— Да как вам идти!

И подхватил ее на руки.

Далила не сопротивлялась.

* * *

Вернувшись поздно ночью домой, грязная и усталая, она рухнула в кресло и долго сидела, задумавшись. Ее так потянуло к Верховскому, что в душе поднялась волна паники. Она боялась на гребне этой волны принять не правильное решение.

Причины паники две. Первая: Далила не хотела влюбиться, она слишком мало знала этого человека и очень опасалась ошибиться опять.

Вторая причина: Наташа — сестра. Далила не представляла, как она скажет Верховскому (уже не чужому), кто убил Машу? Как посмотрит в его глаза?

И, как назло, именно в этот сложный момент она была абсолютно уверена: Наташа убийца.

«Как поступить? — гадала Далила. — Отказаться от этого дела? Сослаться Андрею на занятость?»

Последняя мысль неприятно кольнула.

Далила подумала: «Ну вот, Андреем его уже называю. Что дальше? Осталось признаться в любви».

Внутри все восстало: «Ну нет!»

— Сейчас же Матвею звоню, — прошептала она.

И от отчаяния позвонила, прямо ночью, по домашнему номеру, не на мобильный. И мгновенно одумалась. Пока шли гудки, кусала губу и, ругая себя за глупость, надеялась: «Хоть бы трубку Ирина взяла, тогда будет ясно, что не судьба».

Нет, трубку поднял Матвей и совершенно не заспанным голосом, опуская приветствие, торопливо спросил:

— Далька, что-то случилось?

— Немедленно приезжай, — прошептала Далила.

Уже позже, когда нежилась в ванне, подумала: «Работает по ночам. Не любит он Ирину свою. А кого любит? Меня!»

Глава 25

Остаток ночи Матвей провел в своей старой, совсем не забытой постели. Не спали они до утра, а когда оба заснули, в коридоре раздались шаги. Это Димка совершал обычный свой утренний «моцион» от детской до туалета.

Хотя какой детской — ребеночек вырос давно.

Не просыпаясь, он прошлепал мимо закрытой спальни, а на обратном пути краем недремлющего сознания отметил струящийся из щели двери свет ночника.

Проворчав:

— Опять мать не спит, опять непорядок, — Дмитрий заглянул в ее комнату и мгновенно проснулся.

Еще бы, увидеть такое! Разведенные мать и отец как раз спали в нежных объятиях друг друга. Из-под сползшего одеяла выглядывали: округлое бедро Далилы, крепкая ягодица Матвея, их переплетенные ноги — все обнаженное.

Дмитрий в ужасе прикрыл дверь и с радостной улыбкой проследовал в детскую. В кровать он больше не лег. В спешке натянул вчерашнюю майку (и ту наизнанку), наметом втиснулся в домашние джинсы, торопливо (задом наперед) надел старый свитер — все, что подвернулось, хватал, устремляясь в прихожую.

Там, не включая света, в темноте (куда дотянулась рука) сорвал с вешалки куртку, «сумец» спортивный свой прихватил и выскользнул из квартиры в промозглую питерскую мглу.

Выскользнул и, поеживаясь, подумал: «И куда я в такую рань?»

Следующая мысль была гораздо оптимистичней:

«На стадион. Разомнусь. Или просто так посижу, подремлю. Пускай старики почудят».

Когда будильник Далилы поднял трезвон, она испуганно подскочила и, расталкивая Матвея, панически прошипела:

— Быстрее, Димка в любое время может ввалиться.

— Ввалиться? В спальню? Ну и демократию ты тут без меня развела, — сердито буркнул Матвей и, как заправский любовник, лихорадочно запрыгал по комнате, собирая с пола одежду.

Торопился отчаянно: сразу двумя ногами нервно тыкался в одну штанину, обе руки пытался просунуть в узкий рукав рубашки — все под

шипение Далилы и треск рвущейся ткани. Потом, крадучись, заспанный, неумытый — не одетый, а собранный на живую нить — пробирался в прихожую своей же родной квартиры. Далила, косясь на дверь комнаты сына, сопровождала Матвея тычками-пинками. У вешалки, увидев новую куртку Дмитрия, она не совладала с нервами и в отчаянии зашипела:

— Ну что ты возишься, черт возьми, давай поскорей, поскорей!

Матвей виновато развел руками:

— Как поскорей? Не пойду же раздетым.

— Так одевайся и уходи, — едва не плача, приказала она.

Матвей рассердился:

— Во что одеваться? Моей куртки-то нет!

— А где же она?

— А фиг ее знает!

— Куда ты ее засунул?

— Я ночью повесил на вешалку.

Зная аккуратность Матвея, Далила заподозрила неладное и на цыпочках проследовала к детской. Осторожно просунув нос в дверь, она изумленно воскликнула:

— И куртки нет, и Димки нашего нет!

Матвей мгновенно прозрел:

— Значит, Димка и ушел в моей куртке.

Она поразились:

— Зачем?

— Видимо, спешил и в темноте перепутал.

— Куда он спешил?

— Не хотел нас смущать, решил дать нам свободу, неужели не ясно, психолог, — раздраженно отмахнулся Матвей и горестно спросил:

— Лучше скажи, в чем я теперь пойду на работу?

Не замечая вопроса, Далила схватилась за голову и испуганно запричитала:

— Ужас какой! Димка нас видел! Лежащих в постели! Голых! От стыда подалеже ребенок из дому ушел!

В дождь! Ночью!

— А она убивается! — подивился Матвей. — Нашла, квочка, время. Можно подумать, я не ночью к тебе пришел, и не в дождь. И совсем не растаял. Лучше скажи, что делать с курткой?

Она рывкнула:

— Знаешь что, обзывай квочкой Ирину свою долговязую, а меня уже все, отобзывался!

Он деловито кивнул:

— "Понял, а с курткой что делать?"

— А с курткой нечего делать, у тебя ее нет!

— Вот именно! Так в чем я пойду?!

— Димкину старую надевай, — зло предложила Далила и снова загоревала:

— Ужас какой, Димка нас видел!

Матвей, обреченно вздохнув, потянулся к вешалке:

— Придется в старой Димкиной топать.

Потом они долго смеялись над тем, как потешно сидела на крепком Матвее куртка стройного сына.

— У тебя изумительный пузик торчит, — тыча пальцем в его слегка раздобревший живот, заливалась Далила.

— Какой пузик? Я строен, как кедр, — поспешно вытягиваясь, не соглашался Матвей.

Но в конце концов, покрутившись у зеркала, он сделал неутешительный вывод:

— Да-а, тяжелею, старый я мерин.

Далила вдруг перестала смеяться и с обидой ему возразила:

— Мерин, да, но вовсе не старый.

Матвей спохватился:

— Прости, я забыл, что мы как бы ровесники.

— Какие ровесники! Ты старше меня на целых три года, — проговорила она и указала на дверь:

— Все, уходи. Больше видеть тебя не желаю, глупого и скандального.

Выходил он с сентенцией:

— Видеть она не желает. А зачем тогда позвала?

Далила отрезала:

— Чтобы дожидаться, когда ты уйдешь, и снова почувствовать себя до жути счастливой!

И, показав Матвею язык, захлопнула дверь.

Проводив бывшего мужа, она, разбитая и помятая (не выпалась катастрофически!), поплелась на кухню: завтракать и сочинять историю сыну.

"Скажу, что у Матвея ночью поломалась машина, — лениво прожевывая бутерброд, закручивала сюжеты Далила. — Нет, лучше скажу, что он проходил мимо и на него напали разбойники..."

Ночью? Мимо? Матвей? Проходил?

Тем более что я не знаю, когда Димка лег спать.

Вдруг прямо перед моим приходом? Нет, про разбойников не годится".
Творческий процесс завершить не удалось — помешал телефонный звонок.

Далила встрепенулась, почему-то подумав: «Это Андрей!»

Мысленно поправив себя: «Не Андрей, а Верховский», — она поспешно схватила трубку и остолбенела.

Это был не Верховский, а его сестра, Наташенька Замотаева.

— Простите, я вас не разбудила? — фальшиво смущаясь, спросила она.

— Нет, а почему вы так рано звоните? — удивилась Далила. — Что-то случилось?

— Да.

— Что же?

В ответ длинная пауза. И еще раз:

— Да.

И еще одна пауза, а после протяжного вздоха манерная жалоба:

— Ах, я всю ночь не спала, ах, я так волновалась, переживала...

Далила сердито ее перебила.

— Андрей сегодня звонил вам? — спросила она.

И снова подумала: «Ну почему же Андрей? Для меня он Верховский. И точка! Ну, в крайнем случае Андрей Викторович».

Замотаева тем временем переполошилась. Демонстрируя истинные чувства, а не бутафорские, она завопила:

— Звонил? Андрюша должен был мне позвонить?

Почему? Что с ним случилось? Вы его видели? Когда?

Как он?

«Значит, не обманул», — вздохнула с облегчением Далила.

Расставаясь, она взяла с него обещание, что никто не узнает об их поездке за город — даже родная сестра.

И Верховский обещание выполнил, хотя теперь уже точно знал, что Наташа ему лгала: в леске за дачей Морковкиной тайком от него стреляла из пистолета, который якобы давно утонул.

Далила подумала: «Представляю, сколько вопросов у него появилось в связи с этим открытием, а он, расставаясь, был спокоен».

Ах, какое там «спокоен»! Ах, как они расставались!

У него вертелось на языке «я вам позвоню», у нее — «ни в коем случае не звоните, не надо». Он хотел проводить ее до квартиры, она не позволила, демонстрируя холодность, он задохнулся, дышал...

Не дождавшись ответа на обойму вопросов, Замотаева прервала ее

размышления.

— Далила Максимовна, я к вам взываю, как к последней надежде, нам нужно встретиться, срочно, — с манерной мольбой попросила она.

— Как срочно?

— Прямо сейчас.

— Я согласна. Где?

Наташенька помялась и жалобно попросила:

— Пожалуйста, приезжайте ко мне.

— Немедленно еду, — пообещала Далила.

Глава 26

Возвращая трубку на телефон, Далила с усмешкой подумала: «Здорово моя Елизавета Наташеньку напугала».

Выходя из квартиры, она поежилась: «А что, если это ловушка?»

И мгновенно отбросила мысль: «Ерунда».

И тут же себя успокоила: «На всякий случай позвоню Женьке, сообщу, куда направляюсь».

Уже в дороге, набирая номер племянника, Далила вспомнила про пули, лежащие в сумочке, и звонить передумала — изменила маршрут.

«Заскочу к Женьке на Просвещения, разбужу собачонка, а потом — к Замотаевой», — решила она.

Евгений, против ее ожиданий, не спал, но и тетке он не обрадовался.

«Ее „светлость“ принимает в постели», — догадалась Далила и со зловредной уверенностью (подспудная ревность — и у психоаналитиков есть подсознание) проследовала в гостиную.

Бонд почапал за ней, не зная, как остановить нашествие родственницы.

— Ты почему без звонка? — бубнил он, старательно прикрывая перед любопытным взглядом Далилы дверь спальни.

— А что? — с вызовом спросила она.

Евгений пожал плечами:

— Я не один.

— У меня к тебе срочное дело, касающееся Наташеньки Замотаевой, — громко (специально «ее светлости») произнесла Далила.

Бонд испуганно шикнул: «Тише ты!» — и потащил тетку на кухню.

— Ты что, нарочно вопишь? — спросил он рассерженно, старательно прикрывая облупленную дверь.

— А что за секреты? — удивилась Далила. — Впрочем, если у тебя в спальне Морковкина...

Бонд возмутился:

— Сколько можно?! Тебе не надоело?!

— Ладно, не злись, — рассмеялась она, осторожно извлекая из сумочки пули. — Лучше посмотри, какая из них от «ТТ»? Я не очень-то разбираюсь.

Евгений выбрал нужную пулю и скептически сообщил:

— Эта. И что из того? По-прежнему в «пинкертонов» играем.

— Да ладно, — подмигнула ему Далила, — не беспокойся, я не только за этим приехала.

Бонд хмыкнул:

— Я надеюсь, что тебя ко мне в восемь утра привело нечто серьезное.

— Серьезней некуда, — сообщила она. — У меня есть подозрение, переходящее в уверенность, что эта пуля была выпущена из того самого пистолета, из которого застрелили Машу Верховскую.

Евгений вытаращил глаза:

— А где ты пулю взяла?

— Долго рассказывать, — отмахнулась Далила. — Я хочу, чтобы ты срочно поднял свои милицейские связи и проверил, так ли это на самом деле.

Он поразился:

— Ну ты даешь! Сколько лет-то прошло?!

— Много, — уклончиво (чтобы его окончательно не испугать) сообщила Далила.

— Вот именно. Дело Верховской в архиве давно, или как там это у них называется. Думаешь, это просто, неофициально его поднять.

— Нет, я так не думаю. Было бы просто, обошлась бы своими силами. Да и не надо ничего поднимать;

Всего лишь найди пулю в «вещдоках», и сверь с той, что у тебя. Если обе выпущены из одного пистолета, значит, Замотаевой не отвертеться. Машу убила она.

— Что значит, сверь? Я не специалист.

— Найди специалиста.

Бонд подумал с минуту, с хрустом поскреб в затылке и нервно сказал:

— Сделаю, но будут расходы.

Далила потрепала его по вздыбленной шевелюре и ласково сообщила:

— Ты мой самый любимый племянник.

Он уточнил:

— Я твой единственный.

— Правильно, поэтому помоги мне, больше ведь некому. А расходы я оплачу.

Кивнув на дверь, Далила со змеиной улыбочкой пояснила:

— Оплачу расходы по пулям, конечно, а не по девочкам.

— Ну ты и язва, — добродушно отметил Евгений.

Далила напомнила:

— Мы с тобой одной крови: ты и я.

Бонд покачал взлохмаченной головой:

— Уж не знаю, радоваться мне или плакать.

Деловито поковырявшись в ящичке стола, он протянул ей карандаш и блокнот:

— На, пиши.

— Что писать? — удивилась Далила.

— Все. Где это дело велось? Кем? Какие были «вещдоки»? Я что, бог?

— На последний вопрос пишу «да», — рассмеялась Далила.

— Пиши, пиши, не отвлекайся.

Закончив писать, она приказала:

— И не смей мне тянуть! Немедленно выполни!

Евгений шутливо отдал ей честь:

— Есть, господин генерал!

— Вольно, — скомандовала Далила, целуя племянника в щеку и стремительно убегая.

* * *

Домашняя Замотаева напоминала подушечную болонку — этакий образчик буржуазного процветания: кокетливый халатик (безвкусный, но дорогой), яркие шлепки с пресловутым пушком, ленточка в волосах, бриллианты в ушах и на пальцах.

Лиза сказала бы: «Полный отстой!»

Целыми днями Наташенька возлежала на дорогушем восточном диване в гостиной. Утопая в роскоши, она готовила себя к редким встречам с богом, царем и супругом в одном лице — к встречам с самим Замотаевым.

Жизнь для нее наступала лишь в эти молниеносные, но знаменательные минуты, когда умотанный бизнесом Замотаев достаивал женушку своим драгоценным вниманием.

Все остальное время Наташа прозябала и тосковала, хоть и дел было много. От скуки она жевала то шоколад, то орешки, то персики, а потом яростно изничтожала калории на тренажерах; сплетничала по мобиле с подругами — разговаривать по домашнему телефону (в ее понимании) невежество, жлобство.

Чем еще она занималась?

Да, в общем, ничем. Принимала в своем будуаре педикюрш, маникюрш, парикмахеров и массажисток, которые «впаривали» ей свои

незначительные услуги по зверским расценкам.

Впрочем, в ее кругах вошло в моду хронически быть обобраным. Наташа ленивым голосом хвасталась своим ехиднам-подругам:

— Опять стилист меня ободрал.

И тут же притворно вздыхала:

— Ну и фиг с ним, что ж поделаешь, надо делиться с народом.

И получала от ехидны ответ:

— А за это народ нас ненавидит.

Далее шел поток взаимных жалоб. В этих кругах модно одновременно и хвастать, и жаловаться.

Чем еще занималась Наташа?

Ах да, если муж разрешал, выходила из дома: садилась за руль дорогого автомобиля и отправлялась на шопинг, в салоны, в тренажерные залы, в клуб к Лизе Бойцовой...

"Страшная судьба, — глядя на бледную от скуки и бесцельности Замотаеву, содрогнулась Далила. — Вот чего добился Верховский с его домостроевщиной.

У Наташи слишком много ума, чтобы она могла эту жизнь принять и не чувствовать себя абсолютно несчастной. Впереди у нее только хандра, которая закончится серьезной болезнью, а дальше — роскошная смерть, с дорогими врачами и позолоченным гробом".

Далила достаточно повидала таких загадочных, необъяснимых смертей, когда муж, смахивая скупую слезу, виновато вздыхает:

— Отчего она умерла? По схеме питалась, каждый год ей диагностика, профилактика, в рационе ананасы, клубника, пищевые добавки. Вот дворничиха наша, ничего этого не видит, недоедает, много работает, а глянешь на нее — кровь с молоком.

Да, он отлично ее содержал, свою дорогую болонку, но она заболела, потому что существовала, а не жила.

И теперь он хотел точно знать, как быть с новой болонкой, еще более дорогой.

— Вы ей слишком мало внимания уделяли, — поясняла Далила и добавляла:

— Она нервничала, тосковала, а все болезни от нервов.

И получала в ответ возмущение:

— Она нервничала, а я пахал! Я работал! Между прочим, и для нее!

Вот такая «красивая» жизнь, которую не запретишь.

Впрочем, в нашей стране болонки значительно чаще хоронят своих хозяев и сразу новых находят — вот такая «красивая» жизнь, которую тоже

не запретишь.

— Ах, я сама не своя! — манерно воскликнула Замотаева, присаживаясь на свой восточный диван.

Она уже протащила Далилу по всей роскоши апартаментов и была довольна собой, несмотря на неприятности, которые, несомненно, имелись.

— Я сама не своя! Я всю ночь не спала!

— Чем же вы занимались? — холодно осведомилась Далила.

Ей только что показали, с какой опасной силой она имеет дело. Прекрасно осознавая, что ее хотели не столько унижить, сколько намекнуть: не суйся, знай свое место, Далила не обиделась, но и любовью к Замотаевой не воспылала.

Впрочем, было за что — на невинный вопрос та мгновенно окрысилась.

— Что вы Лизе наговорили вчера про меня? — раздраженно спросила она.

Далила изобразила безмерное удивление:

— А в чем дело? И что у вас, дорогая, за тон?

— У меня тон? — подпрыгнула Замотаева. — Это у вас, дорогая, тон! Я живу себе, никого не трогаю, не тревожу, а вы лезете, куда вас не просят!

— Простите, а куда не просят меня? — учтиво осведомилась Далила.

Замотаева выплюнула с ненавистью и злобой:

— Вы Бойцову натравливаете на меня! Вы флиртуете с моим братом!

— С чего вы взяли? Он вам все же звонил.

— Нет, не сегодня. Вы недавно с ним ночь провели! Он был у вас дома!

— А вам откуда это известно? — г спросила Далила, прищурив глаза.

— Андрей проболтался! — взвизгнула Замотаева и выдала:

— Что, стерва, положила глаз на богатенького? Ха-ха! Захотелось в Америку? Не выйдет!

Перед носом Далилы туда-сюда мелькнул наманикюренный указательный палец.

— Не выйдет, голубушка! Не там ищешь лошка!

Хищница! Стерва!

— Да как вы смеете меня оскорблять! — возмутилась Далила, решив про себя: «Ну все, теперь я ей устрою допрос по полной программе. И я еще, дура, собиралась жалеть эту чокнутую Наташеньку. То-то Лиза моя удивится, когда узнает, какой шумный мне был устроен прием».

А Наташенька не унималась.

— Это я смею тебя оскорблять? — вопила она, потрясая уже

кулаками. — Это ты меня оскорбляешь!

После того как ты Андриюшу моего полечила, у него совсем крыша съехала! То в Америку рвался, а то вдруг передумал! Что у вас? Немедленно признавайся?! Или я космы твои сейчас выщипаю!

— У нас с ним сотрудничество, — невозмутимо сообщила Далила, — а вот у вас в связи с этим сотрудничеством возникли большие проблемы, про которые вы пока не знаете.

Замотаева вздрогнула, вытаращила глаза и испуганно выдохнула:

— Проблемы? Какие?

— Думаю, очень большие.

— А ну не финти! — рявкнула Замотаева. — Ты что, издеваешься?

Далила напомнила:

— Не я вас оскорбляла. Все было наоборот.

— Еще бы! Ты хотела подцепить моего брата!

— Вовсе нет. Вы не правильно поняли. Андрей Викторович обратился ко мне с просьбой найти убийцу вашей сестры, — немедленно раскрыла карты Далила.

— Тебе?!

— Мне.

— Да кто вы такая? — презрительно выкрикнула Замотаева, все же переходя на «вы».

Далила со вздохом поведала:

— Не хотелось бы повторяться, но я психоаналитик. И совсем неплохой.

Замотаева, позволив себе неприличный жест, раздраженно фыркнула:

— Уж знаю, психоаналитик, не детектив.

— Детективу не справиться с этим запутанным делом, а мои знания как раз очень полезны.

— И что же, вы убийцу нашли?

— Разумеется.

Замотаева, облизав нервно губы, спросила, как выстрелила:

— Кто убийца?

— Вы, — с невинной улыбочкой сообщила Далила.

— Я?!

— Именно вы.

Замотаева рухнула в обморок.

Глава 27

Замотаева лежала на полу и выглядела бездыханной. Далила ей не поверила, слишком хорошо она знала повадки невротичных Принцесс на горошине.

Пощупав ее пульс, она с сожалением обронила:

— Удивительно, у такого умного и воспитанного брата такая глупая невоспитанная сестра. Как бы там ни было, но от смерти она далека.

И, жизнеутверждающе цокая каблучками, Далила направилась к выходу.

Простейший прием безотказно сработал.

— Куда вы? — воскликнула вслед ей Наташа, мгновенно открывая глаза.

— Мне пора на работу, — невозмутимо сообщила Далила.

— Вы что же, так вот меня и бросите, беспомощную и больную? Вы же врач!

— Да, именно поэтому я не считаю, что вы опасно больны. Разве что воспалением хитрости.

— Ах вот как! — с угрозой воскликнула Замотаева и, шустро вскочив на ноги, завопила:

— Вы монстр!

Вы чудовище!

Далила насмешливо констатировала:

— Вижу, вам значительно лучше.

Вернувшись, она с улыбкой спросила:

— Хотите поговорить?

Замотаева сникла:

— Хочу.

— Тогда расскажите, за что вы убили сестру?

— Я не убивала...

— Не тратьте попусту время, у меня есть улики, — солгала Далила.

Замотаева вспыхнула и опять закричала:

— Какие улики? Нет у вас никаких улик!

— Ошибаетесь, есть. Маша была убита из вашего пистолета.

— Не докажете!

— Докажу. Уже доказала.

— Как?

Далила выдержала длинную паузу, во время которой Замотаеву затрясло.

— Говорите, не мучайте, — не выдержав, попросила она и сквозь зубы добавила волшебное слово:

— Пожалуйста.

Далила удовлетворенно продолжила:

— Вам не мешает знать, что я побывала в леске, что за дачей Морковкиной, и наковыряла там из засохшего дерева множество пуль. Пули как раз из того «ТТ», который вы якобы утопили.

Замотаева плаксиво проныла:

— Морковкина сучка, она ревнует меня к своему дебильному Кроликову, она на меня наговаривает.

— Я бы поверила вам, если бы не одна деталь. Те пули выпущены из того же «ТТ», из которого была застрелена Маша. Экспертиза это установила, — вторично солгала Далила, мысленно успокоив свою совесть: «Эта ложь на службе у справедливости».

Замогаева ахнула и разрыдалась.

— Откуда вы узнали про пистолет? — горько всхлипывая, спросила она. — Меня сдала Морковкина?

— Какая разница. Не отвлекайтесь на пустяки, у нас мало времени, меня ждет Куськин и его мать, милая добрая женщина. Я не собираюсь из-за вас задерживать приличных людей.

— Какой еще Куськин?

— Мой пациент. Немедленно говорите, за что вы убили свою сестру? — приказала Далила.

Замотаева взвизгнула:

— Не убивала я Машу! Не убивала!

— А кто же убил?

— Откуда я знаю!

Далила прикрикнула:

— Не врите! Если не прекратите врать, я немедленно отсюда уйду, и вот тогда будете разбираться не со мной, а с милицией. Все улики я передам туда.

Эффект был неожиданным. Замотаева рухнула на колени и, заламывая руки, взмолилась:

— Не губите меня! Пожалуйста! Не надо милиции!

Я хорошо заплачу! Вы только скажите, сколько?! Сколько стоят ваши улики?!

— Та-ак, — раздраженно сказала Далила, — приехали. Ваша ария

совсем из другой оперы. Знайте, вы только что меня оскорбили.

С этими словами она решительно направилась к выходу.

— Нет! — взвизгнула Замотаева. — Не уходите! Я все расскажу! Все-все, до последней детали!

Далила вернулась и, взглянув на часы, по-доброму попросила:

— Наташа, пожалуйста, прекратите истерику. Я здесь лишь потому, что хорошо отношусь к вашему брату.

И это совсем не то, о чем вы подумали. Андрей Викторович мне симпатичен как человек. Ради него я готова вас слушать и даже попытаюсь понять вас. Обещаю.

Замотаева поднялась с колен и, всхлипывая, ползком забралась на свой восточный диван. По ее бледным щекам текли не слезы, а дорогая косметика.

— Я-то вам расскажу, — проныла она, — а толку?

Вы все равно мне не поверите.

— Ошибаетесь, — возразила Далила. — Если не будете лгать, я разберусь, что к чему, а если почувствую нагромождение лжи, то не стану и разбираться.

Предоставлю эту возможность милиции.

— Пожалуйста, не пугайте меня, — пискнула Замотаева. — Видите, я вся дрожу.

— Рассказывайте! — строго повелела Далила. — Не задерживайте меня! Куськина мама не может ждать!

— Что рассказывать? Я не знаю, с чего начать, Машу не я убила. Мы ругались, конечно, но я любила сестру.

— Если вы не убивали, тогда зачем просили Морковкину обеспечить вам алиби? Зачем за город ее потащили? Почему вас трясло?

Замотаева перестала плакать и, безысходно вздохнув, пролепетала:

— Вы сами все знаете.

— Да, я почти все знаю сама, — подтвердила Далила и мягко добавила:

— Но советую рассказать откровенно. Это вам нужно, не мне.

— Зачем?

— Уверю, вам станет легче.

— Надеюсь, — пискнула Замотаева.

— Вот и рассказывайте.

Она начала:

— В тот день наметили вечером всей гурьбой пойти в ресторан. День был рабочий, но Маша говорила, что праздновать надо именно в день

рождения, а не тогда, когда суббота или воскресенье.

Далила спросила:

— Кто был в гурьбе?

— Друзья Андрея, я, Маша, — перечислила Замотаева и подытожила:

— Все. Никого вроде больше.

— Морковкину не приглашали?

— Нет, ну что вы. Андрей ее ненавидит.

— Именно поэтому Морковкина охотно помогала вам сорвать Машино торжество, — догадалась Далила.

Замотаева презрительно «фукнула»:

— Фу! А вам она, наверное, плела про свое благородство. Нашли кому верить. Я уверена, Морковкина и натравила в тот день Машку на меня.

Далила ошеломленно спросила:

— О чем вы говорите?

— О моей ссоре с сестрой. Морковкина накануне дала Маше свои ужасные шмотки, а потом поперлась к ней утром, якобы поздравлять. На самом-то деле она собиралась выпытать, для кого Маша фуфырится, — А почему бы ей не подумать, что Маша собиралась в том наряде пойти в ресторан? — удивилась Далила.

Замотаева театрально закатила глаза и ажиотажно воскликнула:

— В ресторан?! В шмотках Морковкиной?! С нашим Андреем?! Да он отругал бы Машу и отправил бы переодеваться. Плохо вы знаете моего Андрея, если допустили такое.

— Да, видимо, я не права, — дипломатично согласилась Далила.

Признание собственной не правоты располагает людей к доверию, они раскрываются. Именно так Замотаева и поступила.

— Мы с Машей в последнее время были в хронической ссоре, — призналась она и воскликнула:

— Даже смешно вспоминать! Мискина с Кроликовым делили! Будто там было кого делить. Правда, перед Машиным днем рождения объяснились и помирились.

И вот тут-то вмешалась сучка Морковкина. Она приперлась к Маше и увидела, что та готовится к приему гостей. И знаете, что она брякнула Маше?

— Что видела где-то вас с Мискиным? — предположила Далила.

Замотаева поразилась:

— Откуда вы знаете? Неужели Морковкина вам рассказала? Да нет, — она потрясла головой, — не дура же эта Морковкина, чтобы себя туда приплетать.

— Не дура? У меня сложилось как раз обратное мнение, — поделилась впечатлением Далила.

— Это конечно, — обрадовалась Замотаева. — Морковкина дура, но только в плане образования, а по части интриг она любому сто очков даст вперед. К тому же эта сучка до сих пор отпирается, клянется, что Маше про Мискина не говорила. Откуда же Маша узнала?

— Что узнала? — спросила Далила.

— Что я переспала с Мискиным. Нет, вы не подумайте, я никогда сама парней не снимала. Зачем мне?

Если кто-нибудь нравился, я просто ждала, когда он сам ко мне начнет подъезжать.

— А с Мискиным так не получилось?

Замотаева пригорюнилась, было видно, что искренне.

— Честное слово, — вздыхая, сказала она, — не хотела я переходить дорогу своей бедной Маше. Ей с парнями всегда не везло. Я была даже рада, когда у них с Мискиным закрутилось. До сих пор не пойму, что на меня нашло. Я повела себя недостойно: у нищего последнее начала отбирать.

Далила ее просветила:

— Морковкина вас зацепила. Видимо, она сказала, что Маша бьет клинья под Кроликова.

— И это вы знаете? — удивилась Наташа. — Откуда? Не Морковкина же сказала.

— Нет, конечно. Догадалась сама.

— И в точку попали. Кроликова я не снимала. Он ко мне прилепился. Я поначалу крутить с ним роман не собиралась. Андрея боялась, да и вообще.

— А почему вы боялись Андрея? — поинтересовалась Далила.

— Я уже знала: он мечтает выдать меня за Пашку.

Замотаев самый надежный. Он самый толковый. А тут подвернулся Кроликов. Он качок и красавец, все от него без ума. Вот я и не устояла.

— Неужели Маша стала Кроликова у вас отбивать?

— Нет, что вы. Маша с Гошей просто дружила. Она со всеми дружила. Маша была очень добрая. Дело в том, что Кроликов редко один к нам заглядывал. Он всегда приходил с Борей Мискиным. Первое время мне даже нравилось, что Маша с Мискиным удаляется то в кухню, то в свою комнату. Я думала, она ради меня это делает, чтобы дать нам свободу с Кроликовым.

Далила выдвинула новое предположение:

— И вот тут-то Морковкина вам открыла глаза.

Замотаева, видимо, устала уже удивляться, на этот раз она без всякого восхищения подтвердила:

— Точно, Морковкина мне говорит: «Ты что, дура? Не видишь, у Машки с Мискиным „тужур аж лямур“. Он сохнет по ней». И вот тут-то меня заюгинило: как это сохнет? А я? Почему Мискян, этот кобель, этот бабник, на меня ноль внимания?

Далила продолжила:

— А Морковкина не унимается и все зудит: «Мискин уже на всех баб ноль внимания. Во как его на Машку твою потянуло».

— Хорошо у вас получается, — хихикнула Замотаева. — Вы даже овладели сленгом Морковкиной.

Да, все было так. Почему-то меня оскорбило, что Мискин на Машку пялится, а на меня и не смотрит.

— И вы начали Мискина обрабатывать.

— Нет, я не слишком старалась, так, немного Мы с ним переспали, и я к нему охладела. Вернулась к Кроликову, это было перед самым Машиным днем рождения. Мы с ней помирились. И вот наступил тот день. Я у стилиста в кресле сидела, и вдруг звонит Маша и начинает меня ругать. Я и слова ей сказать не успела, как она бросила трубку. Меня словно током пробило, а тут еще дура Морковкина.

Далила осведомилась:

— А по какому поводу вас током пробило?

Замотаева привыкла уже, что ее понимают практически с полуслова, и удивленно воскликнула:

— Ну как же? Маша мне обещала, что не будет дружить с Мискиным, а я ей обещала за это порвать с Кроликовым.

— А сами ни с тем, ни с другим не порвали, — без осуждения констатировала Далила.

Замотаева виновато пожала плечами:

— Я не хотела, так получилось. Когда обещала, думала, что порву, но не смогла. А когда Морковкина брякнула, что Машка к приему готовится, я обалдела.

Но не поверила. А тут Машка наехала на меня за то, что у меня с Мискиным за ее спиной шуры-муры. А я как раз хотела собрать их вместе, Мискина с Кроликовым, и пойти Машу поздравить. Сюрприз ей устроить решила.

— Откуда вы знали, что она дома?

— С утра она притворилась больной, сказала, что в университет не

пойдет, вот я и надумала сюрприз ей сделать: Кроликова с Мискиным с работы сорвать и с подарками завалить к нам домой. После звонка Морковкиной я насторожилась, начала звонить Кроликову.

Далила продолжила:

— А его нет на работе.

— Точно. И даже мобила не отвечает. После Машкиного наезда меня током и пробило: «Она за моей спиной их собрала. Потому больной и прикинулась».

Я позвонила Мискину, а с ним та же история, что и с Кроликовым. Я вылетела из кресла стилиста и помчалась домой. Влетаю в квартиру, а там...

Замотаева разрыдалась и продолжила уже сквозь вздохи и всхлипывания:

— На полу Маша лежала. Рядом с ее головой лужа крови. Я испугалась и побежала к Морковкиной.

— Но почему? — удивилась Далила. — Зачем вы побежали, если не убивали Машу? Почему не вызвали брата, милицию?

— Да из-за этого дурацкого пистолета и не вызвала. Пистолет пропал у меня накануне.

— Погодите, погодите, как пропал?

— А вот так, был — и нет.

— Кто же мог его взять? Вы кого-нибудь подозреваете?

— Никого, — потрясла головой Замотаева.

Далиле стало ясно, что это не правда.

— А Морковкина утверждает, — сказала она, — что вы знаете, кто убил Машу.

— Нет, я не знаю.

— А что у вас с Кроликовым? Почему Морковкина его к вам ревнует?

Замотаеву передернуло:

— С Кроликовым у меня ничего. С тех пор как погибла Маша, я и видеть его не хочу.

— Не потому ли, что он взял ваш пистолет? — строго осведомилась Далила.

Замотаева исподлобья глянула на нее и спросила:

— Если я вам скажу, вы меня Андрею не выдадите?

— Нет, говорите.

— За несколько дней до Машинной смерти я случайно застукала Кроликова в своей комнате. Он разглядывал мой пистолет.

— Как он вам объяснил свой поступок?

— Никак. Я прикрыла дверь и сделала вид, что не в курсе.

— Почему вы его боитесь? — спросила Далила.

Замотаева, опустив глаза, призналась:

— Кроликов мне угрожал, говорил: «Если изменишь, подстерегу и пристрелю из твоего же пистолета, который ты от Андрея прячешь. Пусть докажут тогда, кто стрелял». А потом так и вышло с Машей.

Глава 28

Этот рабочий день выдался напряженным. И пациентов больше обычного, и проблемы у всех непростые. Куськин с матерью приходил — что всегда событие из особенных. И все же не выходила из головы Далилы последняя фраза Наташи.

«А потом так и вышло с Машей», — сказала она.

"Получается, Замотаева уверена, что Машу убил Гоша Кроликов, — крутилось весь день в голове у Далилы. — Следовательно, Наташа знала, что у Маши с Кроликовым намечался (а возможно, и был) роман.

Тогда почему она скрыла свою осведомленность?"

Уже вечером Далила прозрела: "И Морковкина до жути боится Кроликова. И у нее странная фраза мелькнула, что-то вроде того: «Будет мне, как и Маше».

От кого будет?

Конечно, от Кроликова".

«Надо ехать к Морковкиной, — проведив последнего пациента, решила Далила. — А потом уже — к Гоше».

Но до Кроликова она не доехала. Разговор с Морковкиной оказался коротким: Марина быстро признала, что подозревает в убийстве Кроликова, но попросила Далилу никому об этом не говорить.

— Все равно доказать не сможете, — сказала она на прощание. — И мне от этого страшно.

— Зачем же вы встречаетесь с таким злодеем, да еще и замуж за него собираетесь? — поразила Далила.

Морковкина ее просветила:

— Это не я за него собираюсь, это он хочет на мне жениться. А я отказаться боюсь.

Наткнувшись на осуждающий взгляд Далилы, она с виноватой улыбкой добавила:

— Он неплохой парень, мой Кроликов, даже добрый. Просто ревнивый до жути, и дури в нем многовато. Сгоряча может дров наломать, а вообще-то он смирный.

— Ну да. Пристрелит кого-нибудь и опять смирный, — горько усмехнулась Далила.

Простившись с Морковкиной, она села за руль своего «Форда», но тронуть с места его не успела — рондо"

Моцарта помешало: в кармане запрыгал мобильный.

Звонила тетушка Мара, переживала за Мальчика.

— Да занимаюсь я твоим Мальчиком, — успокоила тетку Далила, — правда, толку от этого мало. Он абсолютно здоров, но вбил себе в голову, что у него серьезное помешательство. Какие-то кружки на кухне его пропадают и появляются, какие-то стулья сами собой передвигаются по квартире.

— И что ты собираешься со всем этим делать? — поинтересовалась тетушка Мара расстроенным голосом.

— Шкаф его продавать собираюсь, что еще я могу с ним поделаться? Пендраковский ужасно мнительный, а кто-то этим пользуется и нарочно башку ему задуряет.

— Зачем?

— Уж не знаю. Думаю, с целью заполучить его драгоценный шкаф.

Тетушка Мара тревожно спросила:

— А шкаф действительно драгоценный?

— О да! — рассмеялась Далила. — Мальчику твоему повезло. Это не шкаф, а целое состояние. Мой антиквар его посмотрел и сказал, что шкаф этот из знаменитого гарнитура. Вроде Наполеон подарил любовнице (обычной трактирщице) гарнитура, так вот шкаф вроде оттуда.

— Как же он попал к Пендраковскому? — удивилась тетушка Мара.

— Вот уж не знаю. Об этом надо было спрашивать прабабку, да уже поздно. Я знаю одно: шкаф надо срочно продать. Иначе Мальчика твоего до сумасшествия доведут и возьмут этот шкаф даром. А я, как назло, занята сейчас страшно. Ты не могла бы пробежаться по своим старым связям...

Тетушка Мара строго оборвала племянницу:

— Я ничего не могу. У меня сердце, подагра, радикулит и плачет Галкина Ангелина.

— Ангелина?! — поразилась Далила. — Откуда она у тебя?

— Слезно просила Галина, я отказать не могла.

— Ладно, не переживай, я шкафом займусь. Это значительно легче — выгодно и срочно продать наполеоновский шкаф, — чем сидеть с Ангелиной.

И Далила, развернув резко «Форд», направилась не к Кроликову, а к антиквару.

По дороге ругалась на чем свет стоит: на Пендраковского, на шкаф, на Галину и даже на тетушку Мару — пар выпускала.

Выпустила и в благостном настроении к антиквару вошла — иначе с ним не договориться, уж больно взыскательный он, антиквар.

Антиквар молча внимательно слушал Далилу, а потом вынес свой приговор:

— Хорошо, я шкафом займусь. Ради вас.

— Хотелось бы срочно продать, но выгодно, — повторилась она.

— Понимаю, — важно кивнул антиквар, — гарнитур внесен в каталог, поэтому и на шкаф взвинтилась цена. Так что, думаю, с поставленной задачей справлюсь. А как наш клиент? Он не будет капризничать?

— Клиента я беру на себя, — пообещала Далила.

— Договорились, — обрадовался антиквар.

Обрадовалась и Далила, подумав: «Как быстро все разрешилось. И к Кроликову, пожалуй, успею».

Определившись со шкафом, мысли ее переместились к Галине.

"Куда же Галка заваялась? — гадала она, выходя от антиквара. — Неужели с чехом опять помирилась?"

Вот же хитрая бестия!

Ой, какая там хитрая, глупая, — немедленно опровергла себя Далила. — Такой приятный мужчина ей целый год названивал, в трубку дышал, даже решился на отчаянный шаг, шел к Галине с букетом, и что в результате? Эта дура связалась с алкоголиком Ванеком!

Прямо на глазах у этого милого человека, на которого можно положиться, проверено. Он не сдрейфил, принял роды, спас Ангелину, а что Ванек? Ванек козел!

Упустила Галина свой случай! И гадалка ей нагадала!

Вот где я теперь буду искать ей того дышателя в трубку? Даже имени его не спросила!"

Едва она об этом подумала (бывает же в жизни такое!), в толпе прохожих неожиданно мелькнуло лицо, знакомое, чуть ли уже не родное.

«Он! — Далилу прошило. — Он!»

Мужчина прошел мимо, не взглянув на нее. Его спина стремительно удалялась, а Далила даже имени не знала его — как окликнуть? Как позвать?

И она в отчаянии завопила:

— Ой! Ай! Э-эй! Мужчина! Пожалуйста! Остановитесь! Я вас очень прошу!

Он по инерции сделал пару шагов, остановился и оглянулся, испуганно тараща глаза на Далилу. Она подлетела к нему, радостно восклицая:

— Здравствуйте! Вы меня не узнали?!

В ответ прозвучало весьма неуверенно:

— Почему же, узнал.

И Далила повела себя абсолютно неинтеллигентно: от страха, что он уйдет, оголтело затрещала:

— Я подруга Семеновой! Ой! Как хорошо! Я подруга Галины! Помните, вы роды у нее принимали!

Он расплылся в улыбке:

— Ну, как же! Помню, конечно, еще бы. То-то смотрю, знакомое вроде лицо...

Оборвав себя на полуслове, он выстрелил в Далилу вопросом:

— Как Ангелинка?

Она, довольно отметив: «Даже имя знает ее», опять затрещала — Ангелинка ходит уже. Да что там ходит, бегают.

Ой, она уже говорит! Так болтает...

— Я знаю, — вырвалось у него.

— Знаете? — вырвалось и у нее удивление, а не надо бы, так можно его и вспугнуть.

Он смутился и, кашлянув, пояснил:

— Видел их в парке, случайно.

«Так вот почему Галину не покидает ощущение, что за нею кто-то следит. Так и есть, выходит, он и послеживает», — прозрела Далила и на радостях совсем небесхитростно сообщила:

— А Галка моя по-прежнему мать-одиночка. Не везет ей с мужиками, непутевые все попадаются. Потому что добрячка она. Добрякам тяжело жить на свете. И малышка вместе с несчастливой мамашей страдает. Ей бы папу, Ангелинку очень тянет к мужчинам.

На улице просто гуляем, а она увидит прохожего и вдруг закричит: «Па-па». Нам с Галиной порой за нее даже стыдно.

Рассказывая, Далила, млея от счастья, мысленно констатировала: «Как он слушает жадно, остановился, а ведь явно куда-то спешил. Значит, небезразлична ему Ангелина, а может, с нею и Галка».

Далила для пущей надежности собралась продолжать в том же духе — что-что, а тронуть мужскую душу, если надо, она умеет. На этот раз собралась трогать профессионально, нацелилась на него пойти всей научной братией: от Фрейда до Берна. А как же, цель суперблагая: добыть мужа Галине и отца Ангелине.

Неужто он устоит, этот родной и незнакомый мужчина? Неужто не удастся настроить его на решительный лад? Конечно, удастся! Вот возьмет он и после этого разговора опять позвонит Галине.

И Далила решительно кинулась в бой.

— Ах, какая умница Ангелинка, — запричитала она, — сообразительная и хитрющая...

Он по-прежнему не уходил, он жадно слушал, ел Далилу глазами и...

И в этот решающий миг, как черт из коробочки, откуда ни возьмись, выскочил пьяный Ванек. Широко раскинув свои волосатые руки, он, слегка покачиваясь, пошел на Далилу. Увидев его, она оцепенела и тут же попятилась, а Ванек даром времени не терял.

Он уже выкрикивал типично русское приветствие с чешским акцентом:

— Какие люди, и без охраны!

Спаситель Галины мгновенно исчез. Его словно ветром сдуло. Даже не простился. Даже имени своего не оставил. Влетел в свой «Мерседес», дал по газам и был таков.

— Какие люди! — громыхал радостно Ванек.

Далила яростно сплюнула:

— Тьфу ты, гад!

И поспешно скрылась в своей машине.

Направляя «Форд» к Кроликову, она делала сразу три дела: вела автомобиль, костерила Ванека и решала ребус под названием «Галина».

"Вот где эта Семенова? — гадала она. — Я думала, она помирилась с Ванеком, а Ванек-то с горя пьет.

Тогда с кем эта артистка заваялась? И круто заваялась, даже Маре больной Ангелинку подкинула! То-то смотрю, пропала она, не звонит... Вот зараза, увижу, точно убью! Я ее в порошок... Я ее..."

Не успела Далила придумать Галине достойную кару, как в кармане запрыгал мобильный — и Моцарт, Моцарт с рондо своим. Далила глянула на дисплей и выругалась:

— Черт есть черт, помяни его, он и рога высунет!

Схватила трубку и закричала:

— Галка, у тебя совесть есть?

А в ответ ей с отчаянным ревом:

— Далька! Я в милиции! Выручай!

Глава 29

Кроликов отпал окончательно.

«Не понос, так золотуха. Ох уж эта Галина, ни дня без проблемы. Что на этот раз она натворила?» — пронеслось в голове у Далилы.

Она в панике бросилась набирать номер племянника:

— Женька! Беда!

— Что случилось?! — испугался Евгений.

— Галина в милиции!

Бонд вздохнул с облегчением и скептически осведомился:

— И что за беда? Ей это не повредит. В ментовке толпа мужиков. Не об этом ли твоя Галина с детства мечтала?

— Нашел время шутить, — рассердилась Далила. — Ты где?

— Лежу....

— Черти тебя возьми! — взбесилась она. — Сколько можно лежать?

Чертыхнулся и Бонд:

— Черти тебя подери! Ты дашь мне договорить?

Я лежу под машиной, работаю.

Далила сбавила тон:

— Ладно, прости.

— Слушай, — оживился Евгений, — мне такую классную тачку пригнали в ремонт...

— Ты что, издеваешься? Глянь на часы. Или собираешься Галку на ночь в кутузке оставить?

— А что, дельная мысль. Пусть разочек там поночует, для разнообразия.

Далила решительно приказала:

— Все, остряк-самоучка, вылезай из-под машины и дуй Галину спасать.

Бонд возмутился:

— Послушай, этому не видно конца! Утром — пули, вечером — Галина. Я, конечно, племянник и все такое, но из-за этого моя личная жизнь в захерении.

Не слишком ли много обязательств ты на меня взвалила, тетушка моя дорогая?

В отчаянии Далила напомнила:

— Ты мне не просто племянник, еще ты мне сын и Друг!

— Ой-е! — ужаснулся Евгений. — Обязательств действительно до фи́га! Ладно, не паникуй. Выезжаю.

Вытащим мы твою Галину.

Вытащили.

В милицию Семенова попала как «гастролерка» — специалистка «ставить на уши» квартиры законопослушных граждан.

Далила знать не знала, как там уши этих самых квартир, но ее уши едва не завяли — так зверски ругался законопослушный гражданин: в его квартире и взяли «с поличным» Галину. Хорошо, что Далила не только психолог, но и психиатр. Она быстро помогла пострадавшему обрести душевное равновесие, сообщив ему, что Галина ее пациентка, страдающая рядом опасных маний. После этого конфликт с хозяином квартиры удалось погасить.

До самого дома Далила ничего понять не могла: как случилось такое? До сей поры ее подруга пыталась «ставить на уши» карманы мужчин, и, надо заметить, весьма безуспешно пыталась. Что же выходит, теперь она за чужие квартиры взялась?

Вызволненная Семенова никакой ясности не вносила. На все вопросы она отвечала рыданиями и лишь дома, найдя покой на плече у Далилы, зло процедила сквозь зубы:

— Сволочь он, Кроликов.

— Здрасьте! А Кроликов здесь при чем? — поразилась Далила.

— До свидания! Он меня и подставил, — яростно сообщила Галина.

— Так вы знакомы?! — ужаснулась Далила и, прищурив глаза, спросила:

— Ну и как же вы познакомились?

Семенова гордо поведала:

— Через Хренова, через Сергея.

— Ты же клялась, что с ним не спала! — восстала Далила, — Выходит, опять обманула!

Галина внезапно обиделась:

— Вовсе нет, я сплю только с Кроликовым. Зато с ним так, что мой орган вдребезги, а его — пополам.

Ха, — зло рассмеялась она, — чтобы я спала с каким-то Хреновым? Как ты могла про меня так плохо подумать.

— О боже! Она уже с Кроликовым спит! — принялась убиваться Далила. — Да знаешь ли ты, что он Машу от ревности пристрелил? Он зверь! Его все боятся!

— Кто «все»? — деловито осведомилась Галина.

— И Наташа, и эта его, теперешняя.

— Морковкина, что ли?

Далила воздела глаза к потолку и горестно спросила:

— Господи, за что ты послал мне такое порочное наказание? Она уже и Морковкину знает!

— Слава богу, эту дуру не знаю. Слышала только от Гоши, — отмахнулась Галина и кокетливо сообщила:

— Между прочим, он обещает жениться.

Далила взвыла:

— На ком?!

— На мне, конечно, не на Морковкиной же.

— Как ты можешь всем верить? — начала вразумлять подругу Далила, но Галина категорично ее перебила:

— Я не всем верю, а только Гоше.

— Между прочим, Морковкина без «хвоста» и младше тебя в два раза.

— Но Гоша-то мой ровесник. И потом, что значит, в два раза? — рассердилась Галина. — Ей что, шестнадцать? Вот же дрянь! — возмутилась она. — Шестнадцать всего, а уже спит с моим Гошей? Скоро начнут трахаться прямо в пеленках!

Далила обиделась:

— Прекрати, я родила своего Диму в четырнадцать.

Семенова уточнила:

— Тебе было почти пятнадцать.

— Это не умаляет моей вины.

Галина пылко поднялась на защиту подруги:

— Ты была до жути наивная, и то, что случилось у вас с Матвеем, можно считать непорочным зачатием!

Так сколько там этой Морковкиной? — отбросив пафосный тон, сварливо спросила она.

Далила вздохнула:

— Морковкиной не шестнадцать, а двадцать шесть.

А твой Гоша и на ней обещает жениться.

Семенова неприятную весть восприняла невозмутимо.

— Знаю, — сказала она, — Гоша этого не скрывает. Они живут с ней гражданским браком.

— И даже после этого ты ему веришь.

— Верила, пока в милицию не попала. Теперь уж не знаю, что и думать.

Далила язвительно констатировала:

— А думать ты не привыкла. Во всяком случае, традиционным местом.

— Да брось ты, — отмахнулась Галина. — Зачем думать, когда у нас загорелось так по-серьезному. Он сразу поклялся в вечной любви и снял квартиру для встреч.

— Для каких еще встреч? — разъярилась Далила. — Где твоя совесть? Мою Мару впрягла и на встречи намылилась! Посмотри на себя! У тебя зрелый возраст!

Давно пора браться за ум, а не порхать юной бабочкой.

Я вообще не могу понять, как качок и красавец Гоша мог на тебя позариться, на старую драную кошку!

Выпалив сгоряча, Далила тут же струхнула, что подруга обидится, но Семенова и ухом не повела.

— Подумаешь, — усмехнулась она, — девушка не понимает, как Кроликов на меня клюнул. Что видел он в жизни? Да Кроликов ничего не знает слаще Морковкиной. Эх, Самсонова, жаль, ты не в курсе, какая я баба!

Далила отшатнулась:

— Этого мне еще не хватало!

Галина с чувством продолжила:

— Слышала бы ты, как он мной восторгается, не порола бы чушь!

— И слышать не хочу, видела, как он восторгается, — вздохнула Далила. — Сама вызволяла тебя из милиции. Расскажи хоть, как ты туда попала.

И Галина ей рассказала.

Гоша Кроликов (если верить Галине) вспылал с первого взгляда. Галина (опять же, если ей верить) долго сопротивлялась.

«Минут пять, не больше», — не нарушая рассказа, отметила про себя Далила.

Но сдалась: при бабках, красавец, качок — куда денешься?

Но им не везло: пошли в ресторан — наткнулись на подругу Морковкиной. Отправились в казино — нос к носу столкнулись с соседкой тещи. Хотели просто прогуляться по набережной, еще хуже вышло: встретили саму тещу.

Издерганный проколами, Кроликов в доказательство чистоты помыслов пошел на расходы — приличную снял квартиру, как сказала Галина — «апартаменты, блин, закачаешься».

И Семенова закачалась.

И рухнула на кровать.

Гоша немедленно рухнул сверху.

— Наконец-то мы одни, — шептал он, страстно лобзая Галину, — одни, как я и мечтал. Мобилу я отключил, об этой квартире никто не знает, ни одна живая Душа. Вокруг нас пустота.

— Да. — прошептала Галина, усиленно размышляя, как бы перебраться в эти апартаменты уже с Ангелиной.

А Кроликов, не подозревая о ее грандиозных планах, с нежностью сообщил:

— И ни одна сволочь сюда не сунется, я никому не дам этого номера.

И едва он успел так сказать, как уединение мгновенно разрушилось. От телефона пошел такой сумасшедший трезвон, что аппарат за малым не раскалился: то друзья звонили, то теща и даже два раза жена...

В этом месте Далила воскликнула:

— Погоди, какая жена? Кроликов холост!

— Женой он называет Морковкину, — раздраженно пояснила Галина. — Я уже говорила, что они живут с ней гражданским браком. А теща, соответственно, мать этой Морковкиной. Короче, Гоша забыл о любви и начал неистово материться: «Какая сволочь меня сдала?»

— И что было дальше? — скрывая улыбку, спросила Далила.

— А дальше ему позвонил его шеф, — брезгливо сообщила Галина.

— Муж Замотаевой?

— Да. Мой Гоша сказал: «Прости, дела» — и умотал.

Далила всплеснула руками:

— Ну, хорошо, Гоша твой умотал, ему позвонил Замотаев, а ты почему осталась? Почему не ушла?

— Гоша меня попросил. Он сказал: «Жди, я скоро». Вот я и ждала.

— Какой ужас! Ты сводишь меня с ума!

— Не переживай, я недолго ждала, — «успокоила»

Галина подругу. — Вскоре прилетели менты и хозяин квартиры. Меня повязали, а дальше ты знаешь.

Далила запротестовала:

— Ничего я не знаю. Кроликов не мошенник. Он злодей, но из приличной семьи.

Семенова согласилась:

— Правильно, он случайно меня подставил. Так получилось, его самого обманули. Мошенники сдали ему чужую квартиру, а он об этом не знал.

— Но на всякий случай смылся оттуда.

— Не придирайся, так получилось. Это вышло чисто случайно. Его

вызвал шеф.

— В таком случае непонятно, откуда шеф телефонный номер этой квартиры узнал?

— Ему теща сказала.

— А теща откуда узнала? Кроликов давно снял эту квартиру?

— Давно? — поразилась Галина. — Я самого Гошу знаю от силы пять дней.

— Ну да, — вздохнула Далила, — занимательная история, из тех, в какие ты попадать мастерица. Выходит, кто-то над Кроликовым подшутил. Когда-то и над Машей так подшутили...

— Точно! Это его Морковкина! — мгновенно прозрела Семенова.

— Думаешь, он ей признался, что обзавелся любовницей?

— Вряд ли, — усомнилась Галина.

— Звони ему! — приказала Далила.

— Точно! Звоню и делаю втык!

Кроликов был искренне ошарашен, когда узнал, куда угодила его новая ненаглядная.

— Что же ты мне не позвонила? — немедленно отчитал он Галину.

Она возмутилась:

— Ты же отключил свой мобильный. Тебя не могли отыскать даже менты.

— Но я же работал.

— Зато я гуляю по «обезьянникам»!

В ходе перепалки все же было назначено новое свидание. Кроликов решил не останавливаться на достигнутом и гордо пообещал:

— На этот раз я тебя удивлю.

— Устала уже удивляться, — «ляпнулась» Галина, но расплылась в довольной улыбке.

Едва она положила трубку, Далила торжественно возвестила:

— На свидание к Кроликову вместе пойдем! И не смей мне возражать!

— Я и не возражаю, — радостно согласилась Семенова, — устроим групповичок.

— О-о! Ты неисправима! — взвыла Далила. — Не смей говорить гадости!

Галина восстала:

— Ты что, шуток не понимаешь? — И, отвернувшись, добавила:

— Подумаешь, гадость, обычное дело. Хоть молодость вспомню.

Покопавшись в памяти, она с удивлением заключила:

— Хотя что там хорошего? Нечего и вспоминать.

— Вот именно, наконец-то и до тебя дошло, что истина в чистоте, и только в ней, — порадовалась за подругу Далила.

— Да, дошло, — согласилась Галина и с грустным испугом спросила:

— Самсонова, неужели мудрею?

Глава 30

Далила вернулась домой, падая с ног. Дмитрий ее не встретил в прихожей, как обычно, но свет из его комнаты в дверную щель пробивался.

«Значит, пришел», — заключила Далила и, втянув голову в плечи, направилась в ванную.

Остановил ее Димкин голос, радостный и удивленный:

— Ма, ты? А почему крадешься?

Ответ прозвучал лаконично:

— По кочану.

Далила просто не знала, что еще сказать сыну — не признаваться же ему в своем смущении по поводу близости с бывшим мужем.

Зато Дмитрий нашел что сказать. Он деликатно мать успокоил, буднично сообщив:

— У нас аврал, тренер злой, всех гоняет, соревнования на носу. Поэтому я сегодня пораньше на тренировку пошел, а будить тебя не хотел. Надеюсь, ты не в обиде?

— Нет, конечно, — усмехнулась Далила.

Она бросила озабоченный взгляд на куртку Матвея (куртка висела на вешалке) и подумала: «Про визит отца ни полслова. Наш сын дипломат. Он будить меня не хотел и сбежал, не заметив, что на нем куртка папочки. Что ж, и я ничего не заметила».

— Ты голоден? — спросила она.

Дмитрий кивнул в сторону кухни:

— Нет, но могу тебя покормить. Я купил полуфабрикатных пирожков.

— Уже жарил? — спросила Далила, потянув носом, как гончая. — С чем они?

— С капустой, с картошкой, с морковкой.

Она чмокнула сына в щеку и похвалила:

— Молодец, что купил с овощами. С сегодняшнего дня в нашей семье исключительно здоровый образ жизни.

Дмитрий скептически констатировал:

— Ты каждый день обещаешь, а я и без обещаний живу по расписанию: тренировка-морковка-учебникподушка-здоровый сон.

Далила бережно провела рукой по жесткому ежику его волос и подумала: «Ну вылитый Матвей. Таким он и был, когда Димка родился. Даже младше».

— Ты у меня молодец, — вздохнула она, направляясь в спальню.

Сын разочарованно бросил ей вслед:

— Ма, а пирожки?

— Спасибо, не буду. Я спать хочу.

Уже засыпая, Далила подводила итоги: "Влипла с Матвеем, но уважение сына, похоже, не потеряла. С Замотаевой поговорила: прямо камень с души упал. Тетушку ублажила: Мальчика лечим, шкаф его продаем.

Чуть Галкину жизнь не наладила, да чертов Ванек не вовремя встрял. Во всяком случае, есть надежда, что воздыхатель опять позвонит. Бонду пулю сдала. Галку из каталажки вытащила. С Кроликовым у меня завтра свидание. Что еще?

Все, жизнь налаживается...

Да, надо звякнуть завтра Матвеем, пусть куртку свою заберет..."

На этой прозаической мысли Далила заснула, а рано утром ее разбудил телефонный звонок. Думала, Галка, ошиблась — звонила Морковкина.

— Я вас обманула! — трагически прорыдала она в трубку. — Кроликов изверг! Кроликов сволочь! Это он Машу Верховскую пристрелил!

«Хорошо, что вчера до него не дошла», — порадовалась Далила и, быстро сообразив, откуда ветер подул, скороговоркой спросила:

— У вас были ночью разборки? Приходили насчет квартиры? Вы уже знаете про любовницу?

Морковкина перестала рыдать и задохнулась от восхищения:

— Ну у вас и эта, как ее?

— Логика, — подсказала Далила.

— Да, ну и логика, блин, у вас! Как вы догадались?

— Это было нетрудно, я же психолог.

— Везет вам, — позавидовала Морковкина, — а мне вот не повезло. Ночью к нам ввалились менты, начали что-то типа с квартиры, а закончили тем, что у Кроликова любовница. Какая-то гадость, Галина.

Далила радостно подытожила, соблюдая дипломатичность беседы:

— И в связи с этим вы не хотите больше его покрывать и решили сделать мне правдивое сообщение.

— Да, я хочу устроить ему подлянку! — откровенно призналась Марина.

— Тогда я вас слушаю, но не увлекайтесь. Говорите мне только правду, в противном случае это будет подлянка вам, а не Кроликову.

Морковкина хлюпнула носом:

— А мне и врать-то не надо. Хватит и правды одной, чтобы утопить подлеца Кроликова. Я же знаю, что про книжки вы втюхивали. Вы ведете расследование, это ясно даже коню. Андрей из-за Машки не может никак успокоиться, вот вас и нанял.

— Я на самом деле психоаналитик, — на всякий случай сообщила Далила, — можете это проверить.

— Я уже все проверила. Вы психолог, но и по делу Соболевой [\[4\]](#) прогремели. Не надо маленьких дурить.

Принимайте улики по Кроликову, и пусть мерзавцу дадут срок по полной программе. Жаль, нет смертной казни.

Далила уловила решительность ее настроения. Не желая пользоваться слабостью девушки, она сказала:

— Подумайте, может, не стоит?

— Стоит, стоит! — угрожающе сообщила Морковкина. — Я его ненавижу!

— Сгоряча вы сейчас наделаете глупостей, а потом будете жалеть. Я прошу вас, прежде чем мне что-то сказать, еще раз хорошенько подумайте.

— Я сто раз подумала!

— Ах, — вздохнула Далила, — это вы по обиде так говорите, а завтра захотите вернуться к Кроликову.

— Все гораздо проще горькой редьки! — заявила Морковкина.

Далила поправила:

— Проще пареной репы, вы хотите сказать.

— Да, проще впаренной репы! Я его ненавижу!

— Это из-за любовницы, со временем это пройдет.

— Да нет же! Этот Кроликов мне надоел! Он всю дорогу дурачит меня, этот артист. Не зря они с Мискиным в драмкружок пацанами ходили. Знаете, как их там научили слезки пускать. По заказу, если хотите, тут же вам что этот, что тот заревет. Все! Кроликова на фиг! Надоел хуже впаренной репы, — призналась Морковкина.

Далила снова поправила:

— Надоел хуже горькой редьки, вы хотели сказать.

— Надоел он по-всякому, как ни крути. Все! Я к нему не вернусь! У меня есть другой парень! Даже два!

Здесь бы Далиле насторожиться, но она не насторожилась, а спокойно сказала:

— Тогда я вас слушаю.

Марина на одном дыхании сообщила:

— В тот день я была у Машки. Она пекла любимый пирог Кроликова и

по-быстрому меня вытолкала. Что было потом, вы знаете: Наташка ко мне ввалилась и на дачу меня сблатовала. А когда стало известно о смерти Маши и мы вернулись с дачи, я помчалась к Кроликову.

— Зачем? — перебила ее Далила.

— Ну, причина же появилась, — бесхитростно призналась Морковкина. — Типа страшное сообщение: погибла сестра его друга, типа хотела его успокоить.

— Ясно, что дальше?

— А дальше, Кроликова я застала в дверях. Он уходит собирался. Вернулся в квартиру он неохотно, про Машу все знал. Я начала его утешать и наткнулась на ствол.

Далила удивилась:

— На какой еще ствол?

— Ой, да не на тот, на который вы подумали, — рассмеялась Морковкина.

— Я ничего не подумала, всего лишь хочу знать, о чем идет речь.

— Да о Наташкином пистолете идет речь! — закричала Морковкина. — Я наткнулась на ее пистолет.

Забралась к Гоше на колени и случайно нащупала ствол. Он торчал из кармана брюк.

Далила скептически осведомилась:

— Интересно, какая деталь вас натолкнула на мысль, что пистолет в кармане Кроликова именно тот, что был у Наташи?

— А чей же еще? — удивилась Морковкина. — Я нащупала ствол и сказала: «Ого!» А Гоша сбросил меня с колен и как гаркнет: «Не „ого“, а „ТТ“! И давай топай отсюда, шалава!»

— Ну и что?

— Ха! Разве нормального мужика так заколбасит, когда баба с огромными сиськами у него на коленях?

Нормальный мужик заведется и внимания не обратит, что я там бормочу, «ого» или «того». Понимаете, Гоша был не в себе, потому и проболтался. Я его за язык не тянула, а у Наташки как раз пистолет «ТТ». И что я должна была думать?

— Но Кроликов уже тогда был охранником, — возразила Далила. — У него было разрешение на ношение оружия. Он что, не мог выбрать «ТТ»?

Морковкина распсиховалась:

— В том-то и дело, что нет! Он выбрал пистолет Макарова! Сейчас же прекратите его выгораживать!

Меня это бесит! Говорю вам, Кроликов сволочь! Свой пистолет он

носил в кобуре, а не в кармане!

Далила поспешила ее успокоить:

— Вы правы, не нервничайте, я не хотела вас обидеть. Тем более что теперь очевидно: у Кроликова был пистолет Наташи.

— Это еще не все, — успокаиваясь, пообещала Морковкина. — Сейчас вы такое услышите! Вы слушаете? — тревожно спросила она.

— Да-да, я вас очень внимательно слушаю, — подтвердила Далила.

— Когда он сбросил меня с колен, я подумала:

«С чего взбеленился? Ствол и ствол, он же в охране».

Короче, я сделала вид, что обиделась, и ушла. А сама решила за ним последить и поднялась на этаж выше.

Кроликов вынесся чуть ли не следом за мной, бегом спустился вниз и по двору пролетел мимо своей тачки. Понимаете?

— Пока нет, — призналась Далила.

Морковкина пояснила:

— Кроликов шел пистолет выбрасывать, когда я с ним у двери столкнулась. Я ему помешала, потому он был такой злой. Короче, он со двора, я — за ним.

— А где это происходило?

— Кроликов тогда жил на Фонтанке. Его родители и сейчас там живут, когда из Москвы приезжают.

— А точное время вы случайно не помните?

— Помню, конечно. Был полдень.

— Почему вы так уверены? — удивилась Далила.

И Морковкина удивилась:

— Ну, вы даете! В Петропавловке пушка палила.

Кстати, Кроликов, когда со двора вышел, далеко не пошел, на берегу Фонтанки остановился и воровато оглянулся. Потом быстро вынул ствол из кармана и плюх его в воду. Утопил. Вот и все. Теперь сами судите, кто убил Машу, — победоносно заключила Марина.

И Далила подумала: «Молодчина Галина. Как вовремя она подросла с этой квартирой. Правда, лишила Кроликова Морковкиной, зато помогла восторжествовать справедливости».

Глава 31

В назначенный час Далила была у подруги. Галина открыла дверь в красной фривольной комбинации и в чулках с красными подвязками.

— Здравсьте! Семенова, ты еще не готова? — возмутилась Далила.

— До свидания! Куда мне спешить? Настоящая женщина должна мужчину помучить.

— Только при условии, что настоящая женщина — это та, которая задумывает испортить свидание, — усмехнулась Далила. — У кого повышается настроение от ожидания? А мужчина от природы агрессор. Ему испортить настроение значительно легче, чем женщине. Хоть и бытует обратное мнение. Так что не искушай своего Кроликова без нужды, — посоветовала она.

Семенова уточнила:

— Но первым должен прийти все же он?

— Несомненно. Одари его радостью видеть твое появление.

— Одарю! — пообещала Галина, устремляясь к зеркалу. — Я его так одарю!

Далила заметила:

— Это звучит как угроза.

— Правильно, любовь — это бой!

— Тогда умоляю, не отдаляй начало сражения.

Семенова возвестила:

— Не отдаю!

И все же они опоздали. Кроликов поджидал Галину, не выходя из машины, и собирался уже уезжать.

Несмотря на то что из его навороченных колонок вырывалась ужасная музыка, он скучал и зверел. Увидев Далилу, озверел окончательно и вместо приветствия грозно спросил у Галины:

— Ты не одна?

— Это моя подруга, — стушеввалась она.

А Далила не стушеввалась и с легким кокетством осведомилась:

— Я что, совсем некрасивая?

Кроликов (уже с интересом) окинул ее типично мужским взглядом и ответил:

— Да нет.

— Оценка отличная от остальных, — рассмеялась Далила. — И весьма

объективная.

Он удивился:

— Объективная?

— Вы сказали «да нет». В вашей оценке содержатся и все мои минусы, и все мои плюсы. Но все же хотелось бы знать конкретней: «нет» или «да»? В глазах Кроликова промелькнула растерянность.

— Что «нет» или «да»? — спросил он со смущенной усмешкой. — Вы не удивляйтесь, я слегка торможу.

Мысленно Далила отметила: «Красавец, но не блещет умом, его явно тянет к образованным женщинам. Вполне мог в Машу влюбиться».

Вслух же произнесла:

— Повторяю свой вопрос: я что, совсем некрасивая?

— Да нет, — сказал Кроликов и, рассмеявшись, добавил:

— Да!

Сообразив, что и «да» его истинного мнения не выражает, он быстро поправился:

— Вы очень красивая. Даже слишком.

Галина подругу красавицей не считала, и ее мнение стояло значительно ближе к истине, чем субъективное мнение Кроликова. Поэтому она мгновенно смекнула, что разговор пошел куда-то совсем не туда.

«Кажется, комбинашку и чулки на подвязках я зря надевала. Далька с ее психологическими изысками снова дорогу мне перешла. Когда-нибудь я точно ее прибью», — с гневной обеспокоенностью подумала Галина.

Она не ошиблась, комбинашка с подвязками ей действительно негодились. Пока Галина столбенела, соображая, какую кару назначить Далиле и как поступить, Кроликов выпрыгнул из своего безумно навороченного джипа и, рисуясь, пружинистой походкой качка несколько раз обошел друг. Затем он с игривой улыбочкой вернулся к джипу и, распахнув дверь, загадочно предложил:

— Покатаемся?

Галина и рта раскрыть не успела.

— Покатаемся, — согласилась Далила и добавила:

— Но сначала мы с вами одни, а Галочка нас подождет.

— Идет, — не раздумывая, согласился Кроликов.

— Идиот! — разъярилась Галина. — Вот именно, что идиот! Правильно ты представился! Рада была с тобой познакомиться! До свидания!

Далила ее осадил:

— Да ладно тебе, не ревнуй, мы быстро, одна нога туда, другая —

сюда.

— Колесо, — усаживаясь за руль и настраиваясь на приятный лад, поправил ее Кроликов. — У нас колесо.

Ему хотелось блеснуть остроумием перед милой и образованной дамой.

Однако немедленно выяснилось, что ничего приятного ему не светит. Едва его джип с ревом сорвался с места, как Далила с безмятежной улыбкой спросила:

— Гоша, зачем ты Машу убил?

— Что-о? — взревел Кроликов, нажимая на тормоз.

— Не тормози, Гоша, не тормози, — попросила она и многозначительно пояснила:

— Свидетели нам не нужны.

Нога его сразу упала на газ.

— Ты кто? — спросил Кроликов.

Далила его просветила:

— Я психоаналитик, приятельница Верховского, о покойной Маше книгу пишу.

Кроликов сказал:

— А-а! — и успокоился.

Потом задумался и снова разволновался.

— Чего вы хотите? — бессмысленно глядя в лобовое стекло, спросил он.

Далила спокойно ему сообщила:

— Хочу знать, зачем вы Машу убили.

— Я ее не убивал! — рявкнул Кроликов.

— Нет, вы ее убили!

Он перешел на «ты», пригрозив:

— Не заткнешься, выкину из джипа, прямо сейчас, на ходу.

Далила не испугалась.

— Ай-яй-яй, — издевательски пристыдила его она, — приличный мужчина, сын дипломата, внук большого ученого, а выражаетесь как сапожник.

— Хорошо, — сказал Кроликов и резко затормозил. — Поговорим.

— Поговорим, — согласилась Далила, — но ради экономии времени знайте, у меня есть свидетель, который видел, как вы топили «ТТ».

— Что-о?!

— Вы топили «ТТ» в Фонтанке, рядом с собственным домом. Это было на следующий день после трагедии. Ровно в полдень вы «уронили» в

речку «ТТ».

Ведь из «ТТ» была Маша застрелена? Не правда ли?

— Так, — кивнул Кроликов и побледнел. — Дальше что?

Далила, решив, что не промахнется, попробовала его взять на пушку:

— Дальше второй свидетель. Он видел вас в тот день, когда Маша погибла.

Кроликов хмуро спросил:

— Где видел?

— В магазине, вы покупали цветы. Кажется, хризантемы. Ведь так?

Он поправил ее:

— Розы.

— Хорошо. Розы были для Маши?

— Для нее, ну и что?

«Эх, была не была, — мысленно решила Далила. — Блефовать так блефовать».

— Есть третий свидетель, — уверенно сказала она.

Кроликов зло выплюнул:

— Что видел?

— Как вы входили с букетом в квартиру. Время вашего визита совпадает с данными медэксперта: Маша погибла примерно в это же время.

— Ну и что?

Далила пожала плечами:

— Думайте сами. Не правда ли, интересные совпадения: время, «ТТ», цветы. Кстати, я точно уже установила, что Маша застрелена из «ТТ», который вы утопили.

Кроликов затравленно забежал глазами, рыкнул и вытаращился на Далилу.

— Как? — с угрозой спросил он. — Как вы это установили, если «ТТ» на дне реки?

— Очень просто. Наковыряла из дерева пуль и отдала их на баллистическую экспертизу. Экспертиза показала, что Маша была застрелена из того же «ТТ», который вы утопили.

Кроликов, прищурив глаза, уставился на Далилу:

— Моя Морковкина мне про вас рассказывала, не соврала, стерва вы еще та. Так, говорите, пишете книгу про Золушку?

Она подтвердила:

— Пишу.

— Хорошая у вас получится книга, — обреченно констатировал он.

И вдруг яростно ударил ладонями по рулю, взвывая:

— А-а, черт! Я так и знал!

— Что вы знали? — немедленно осведомилась Далила.

— Что крайним в этой истории окажусь. Все не так, как вы думаете.

Ствол мне подбросили.

— Кто подбросил?

Кроликов гаркнул:

— Если бы знать!

И взмолился (по-своему, разумеется):

— Поймите вы, не мог я Машу убить! Я до сих пор Машку люблю! Иной раз глаза закрою: она! Умная, добрая... Все понимала без слов. Таких, как Машка, я не встречал. Гад буду! Зачем мне ее убивать?

— Самой хотелось бы знать причину.

— Да не убивал я ее! Мне без нее плохо живется!

Поймите, я до сих пор Машку люблю!

«И этот влюблен до сих пор, — удивилась Далила. — Запуталась я окончательно. Где же мне Принца искать, когда все в эту Золушку влюблены и все на Принцев похожи?»

— Я с удовольствием вас пойму, — сказала она, — если ваш рассказ покажется мне правдоподобным.

Кроликов с надеждой спросил:

— А что для этого нужно?

— Говорить только правду.

Он кивнул:

— Идет. Андрюха наметил Машкин юбилей отмечать вечером в кабаке, а тут вдруг она сама утром звонит, к себе приглашает. Я удивился, но за цветами потопал. Не идти же с пустыми руками...

Далила прервала рассказ:

— Нет, так не пойдет. Начните с начала.

Кроликов удивился:

— Это как?

— С того места, когда у вас с Машей начались отношения.

Он невесело усмехнулся:

— Да они у нас с того самого места и начались.

Я был пацан, а Машка новорожденная. Ее привезли из роддома, я с родителями и пошел в гости к Верховским. Когда взрослые отвлеклись, Андрюха мне ради прикола Машку на руки сунул, она тут же на меня сквозь пеленки пустила струю.

— Вы зашли слишком издали, — улыбнулась Далила. — Я имела в виду не те отношения.

— А других-то и не было, — развел он руками. — Мы даже не тискались. Пару раз поцеловались, и все.

Машка не такая была.

— А какая она была?

Кроликов, не задумываясь, определил:

— Настоящая.

— Это как? — удивилась Далила, слегка его пародируя.

Вопрос поставил его в тупик. Он долго чесал в затылке, сопел, размышлял и наконец ответил:

— Ну, человеком она была.

— Она вас понимала?

— Еще бы! Как ни одна душа!

Воцарилось молчание.

«Ясно, — мысленно заключила Далила. — Все, как я и предполагала: Маша пела ему дифирамбы, вселяла уверенность, которую все остальные (начиная с родителей) разрушали. Не оправдал он ожиданий, не захотел быть умным и образованным».

Первым нарушил паузу Кроликов — он сказал:

— Я в Наташку влюбился сперва.

— Да-да, — очнулась от мыслей Далила, — пожалуйста, расскажите.

Он продолжил:

— Наташка мне жару давала: то клеит, то посылает. Измучился с ней. А тут Машка, добрая такая всегда, веселая, с понятиями. У нее был внутренний кодекс. Как меня к ней потянуло!

— А Наташа как на это смотрела?

Кроликов свел губы в гузку и поводил ими туда-сюда:

— А черт ее знает! Наташка обожает только себя, ничего вокруг не замечает.

— А Маша?

— Маша вроде слегка меня поощряла. Нет, я ничего с ней не делал, не позволял. Да и она не позволяла. Но все шло к... Короче, сами вы понимаете.

— Понимаю, — подтвердила Далила. — А потом что случилось?

Кроликов крякнул, развел руками и, тараща глаза, сообщил:

— А хрен его знает! Все вроде было нормально, мы даже пару раз целовались, а затем как бабка та отшептала. «Прости, — говорит, — я была не права». В чем не права? Почему? Я не знаю.

— А потом?

— А потом у нее с Андреем пошла чехарда. Он жаловался, я стал

меньше к ним в гости ходить, а затем это случилось. Вы знаете.

Далила кивнула:

— Я знаю. Значит, она вам в тот день позвонила.

И что говорила?

— А ничего. Плачет, «приходи!» в трубку кричит.

И время точное назначила.

— Точное?

— Ну да, еще сто раз наказала: «Смотри не подведи, не приди раньше, чтобы был минута в минуту».

Я ей: «Когда же я подводил?» Ну и пришел.

Кроликов замолчал, опустив глаза, сосредоточенно разглядывал свои башмаки.

— Что же дальше? — осторожно спросила Далила.

— А ничего! Машка мертвая на полу лежала!

— Как же вы в квартиру попали?

— Дверь открытой была. Я долго звонил, потом толкнул дверь ногой, она и открылась. Увидел Машку свою на полу, лужу крови...

Кроликов перевел дыхание и, глядя на башмаки сквозь пелену слез, зло кому-то сказал — кому-то, совсем не Далиле.

— На столе мой любимый пирог, — сказал он, — я как вспомню, мне пекла, меня поджидала, а какой-то гад пришел и Машку убил. Выходит, она кого-то боялась, потому меня и звала, а я не успел. Я не спас Машку! Не спас! — закричал Кроликов и, с трудом подавив спазм рыдания, заключил:

— Как добрался до дому, не помню.

— А Андрей вам обеспечил алиби, — догадалась Далила.

Он, совсем как ребенок, шмыгнул носом и горестно подтвердил:

— Да, Андрюха мужик. А я баба. Сдрейфил, не смог Андрюхе сказать, что был в тот день, видел Машку и сбежал, как скотина.

— А что за история с пистолетом?

Кроликов, стуча в грудь кулаком, клятвенно сообщил:

— Вот не поверите, сам ничего не пойму! Какая-то сволочь мне «ТТ» подложила! Всю ночь не спал, Машка то с дыркой во лбу, то пальчиком мне грозит: «Эх, Гоша, не спас ты меня, а я так надеялась». Лишь под утро заснул.

— И проспали, — продолжила мысль Далила.

— И проспал. Разбудил меня шеф телефонным звонком. Я вскочил и бежать. Уже в дверях вспомнил про документы, ну шеф оставил мне на хранение, я их в нижний ящик стола подальше затырил. Сунул руку и учуял холодное что-то, вроде оружия. Вытащил и обалдел: Наташкин «ТТ». Кто

подложил? Меня с головы до ног аж прошило: какая-то падла хочет подставить меня!

Далила снова продолжила:

— И вы сразу избавились от «ГТ».

— Сразу же, — закивал нервно Кроликов. — А куда мне деваться? Не у себя же бандитский «ГТ» оставлять.

Уже позже узнал, что из него была застрелена Маша.

— Почему вы решили, что именно из него?

— А на кой мне тогда его было подкладывать? Вы мне верите?

Далила пожала плечами:

— Если честно, не знаю.

Кроликов удивился:

— Но почему вы не верите? Вы только прикиньте, если я убил Машу, то почему не сразу утопил чертов ствол? Почему на другой день? Зачем бы я хранил «ГТ» у себя? Разве это не глупо?

— Логично, — согласилась Далила. — Но если Машу убили из того пистолета, а утром вас шеф разбудил, значит, подложить «ГТ» могли или ночью...

Кроликов это предположение тут же отмел, решительно сообщив:

— Ночью в ту квартиру невозможно зайти. В доме охрана, и я дверь закрывал на засов. Леня было возиться с замками. Родители тогда были в загранке, я жил один и вел себя кое-как. Узнай они, им не понравилось бы.

Далила вздохнула:

— Значит, остается тот день, в который погибла Маша. Кто к вам тогда заходил?

Кроликов призадумался и ответил очень уверенно:

— В тот день — только Мискин. Андрюхе было не до меня, остальным, видимо, тоже.

— А Мискин зачем к вам заходил? — поинтересовалась Далила.

— Да поэтому и заходил, рассказать, что погибла Маша. Он недолго сидел. Повздыхал, выпил пивка и по делам учапал.

— По каким делам, вы не знаете?

— А фиг его знает. Мискин дюже у нас деловой, — с теплом отозвался Кроликов. — Деловее его лишь Пашка, муж Наташкин, вы знаете, Замотаев, мой шеф.

Далила осторожно допустила:

— А это не Мискин?

— Что?

— Вам пистолет подложил.

— А у него он откуда?

— Мало ли. Может, взял у Наташи.

Кроликов яростно замотал головой:

— Да нет! Борька не мог подложить!

— И все же вспомните, он не входил в ту комнату, где вы пистолет обнаружили?

— И вспоминать не хочу! Это не Мискин!

— Почему вы так уверены?

— Что бы там ни было, Борька мой друг! — отрезал Кроликов.

— А вы не запомнили время, когда Мискин к вам заходил?

Он надолго задумался и сообщил:

— Запомнил, когда он ушел.

— Когда же?

— В два часа дня. На кухне радио пропикало, и начались новости. Борька грустно сказал: "Два часа дня.

Через пять часов мы должны были все собраться, чтобы поздравить Машеньку, а ее уже нет. Даже не верится". Сказал так и поднялся. И быстро ушел. Вот и все, — с тяжелым вздохом заключил Кроликов.

Верховский вызвал милицию в три часа дня, следовательно, в три часа дня официально стало известно о гибели Маши. Почему же Мискин узнал об этом раньше?

Далила поняла, что пора встречаться с Борисом Мискиным.

Глава 32

Уже дома, сидя в своем кабинете над отчетом детектива Верховского, Далила подумала: "С Борисом Мискиным будет непросто. Во-первых, он ловелас, следовательно, прекрасно улавливает настроение женщины. Бориса провести гораздо сложнее, чем Гошу, который привык думать бицепсами, а не мозгами.

Во-вторых, против Мискина нет ни улики, ни зацепок. Алиби у него...

Ха! Алиби! Возможно, и нет у него никакого алиби!

Раз Верховский всем щедро алиби раздает (то Кроликову, то Хренову), значит, возможно, и Мискина он осчастливил. Разумеется, так и было!"

Не замечая собственной радости (появилась причина!), Далила позвонила Верховскому.

— Андрей Викторович, — начала она быстро, с подъемом.

Он ее сразу узнал и почти нежно остановил:

— Далила Максимовна, голубушка, можно, просто Андрей.

Она рассмеялась:

— Тогда можно просто Далила.

— Отлично!

— И я очень рада. А как вы меня узнали?

— По голосу.

Выдержав паузу, Верховский добавил:

— По волшебному голосу.

Далила сделала вид, что рассердилась:

— Вы нарочно меня смущаете?

Он рассмеялся:

— Нет, это выходит случайно.

— Зато часто, — упрекнула она.

Верховский воскликнул:

— Исправлюсь!

«Исправится. Значит, уезжать он пока не собирается», — с удовольствием отметила про себя Далила.

Вслух же она деловито сказала:

— Звоню вам с целью задать важный вопрос.

Верховский снова ее оборвал:

— На все важные вопросы я отвечаю только живьем. Еще не слишком поздно, можем встретиться.

Далила хотела сказать: «О да!»

Но вовремя остановила себя, сердито подумав:

«Что, милочка, давно не рыдала в подушку? Решила всплакнуть?»

Она сама толком не знала, что восстает у нее внутри против Верховского: какая частичка "я"?

Может, та, которая за покой отвечает? Или та, которой не хочется отрываться от дел? Или та, которая вечно ждет настоящего принца, здорового, не невротика?

Да, Верховский Вечный Принц, который стал Королем.

Да, Верховский явный невротик, преодолевший барьер. Но в любое время он может споткнуться о любое препятствие: мало ли что, не заладился бизнес, пожар, наводнение, конкурент обошел — камней преткновения в этом мире достаточно. Сильная личность выстоит и начнет все сначала, Верховский же мгновенно превратится в Вечного Принца. И вот тогда он станет невыносим: злоба, упреки, нытье, подозрения, ненависть к окружающим.

Это, пожалуй, похуже, чем было с Козыревым [\[5\]](#).

А Козырев изрядно Далилу помучил. Именно потому, что и он не совсем здоров.

Но много ли их, совершенно здоровых? Кто не невротик?

Ответ (против воли) немедленно всплыл в сознании: «Матвей не невротик. В этом смысле он абсолютно здоров».

И Далила опять повела себя как утопающая: ухватилась за соломинку, грустно подумав: «После разговора с Верховским немедленно Матвеем звоню. Пускай придет, заберет свою куртку».

— Спасибо за предложение, — сдержанно поблагодарила она, — но, к сожалению, сегодня я не свободна. Мой вопрос будет очень коротким.

Верховский немедленно принял ее правила и любезно воскликнул:

— Я охотно отвечу.

Далила спросила:

— Почему вы скрыли от меня, что предоставили алиби всем друзьям?

Длинная пауза ей сказала, что Верховский ожидал чего угодно, только не такого вопроса.

Вообще-то она ценила в людях умение выдерживать паузы, но именно эта пауза насторожила Далилу.

— Почему вы молчите? — поинтересовалась она.

— Я думаю.

— Можно узнать, о чем?

Верховский вздохнул:

— Да, конечно. Я думаю, почему вы сердитесь?

Чем я не угодил?

— Вовсе нет, не сержусь, — возразила Далила.

— Тогда почему задаете вопрос, ответ на который знаете. Мои друзья живут полной жизнью. Они молодые мужчины. Ни в чем плохом я их не подозреваю, поэтому предоставил всем алиби. Я где-то читал, что наличие алиби подозрительней, чем его отсутствие.

— Да," — согласилась она, — готовясь к преступлению, человек первым делом запасается алиби. Но лишь в том случае, если он готовился. Значит, у Бориса Мискина не было алиби? — без всякого перехода спросила она.

— Не было, — нехотя ответил Верховский.

Далиле было очевидно: ему неприятно Мискина вспоминать. Почему? Спросить?

«Вряд ли ответит», — решила она и спросила:

— Интересно, что он вам сказал? Где Мискин был, когда Машу убили?

— Где мог быть наш Борька Мискин? — рассмеялся Верховский. —

Конечно, у женщины.

Его «наш» прозвучало фальшиво, значит, уже не такой ему Мискин и «наш».

— Он был у замужней женщины? — уточнила Далила.

— Само собой.

— Спасибо, вы мне помогли.

Верховский забеспокоился, его выдал тон:

— Спасибо, и все? Мы разве не встретимся?

Ответ прозвучал дежурно:

— Сегодня, к сожалению, нет.

— А завтра?

— И завтра.

— Почему?

— Я занята. Вы сами меня загрузили, — с легким раздражением пояснила Далила, досадуя на его неожиданную настойчивость.

Верховский не сдался.

— Скажите хотя бы, как продвигаются наши дела? — спросил он, прекрасно осознавая, что ей не терпится прекратить разговор.

И все же она не пошла у него на поводу — разговор был прерван немедленно.

— Я как раз работаю над отчетом, — сухо сообщила Далила и любезно добавила:

— Всего вам хорошего.

Ее поразил этот натиск. Почему Верховский из учтвого и тактичного превратился в напористого и бесцеремонного? Что заставило его изменить поведение?

Чувства? Желание видеть ее?

Или нечто другое?

Из глубин души опять поднялась волна протеста:

«Хватит о нем!»

Сделав над собой усилие, Далила позвонила Матвею и грустно спросила:

— Ты не хочешь свою куртку забрать?

Он, мгновенно сообразив, что к чему, воскликнул:

— Немедленно выезжаю!

После этого Далила переключилась на Мискина и думала только о нем до приезда Матвея.

Логика ей говорила, что не могла Маша по-настоящему влюбиться в бабника Мискина, даже увлечься им вряд ли могла.

"Но с другой стороны, — размышляла Далила, — с чего я взяла, что Маша пекла торт для возлюбленного? Меня сбил с толку сон Верховского, но ведь это всего лишь сон. В жизни все могло быть по-другому.

По-другому и было. Принарядилась Маша потому, что хотела выглядеть неотразимо. Возможно, она, как когда-то и я, поддалась минутной слабости, не устояла.

Нет, у меня было все по-другому, я Матвея любила, я ему верила.

А Мискин кобель. И все же Маша забеременела от Мискина. Допустим, это выглядело иначе, не совсем по согласию, допустим, он ее изнасиловал. А потом прощение вымолил, клялся в любви. Маша ему поверила, а он ей изменил с Наташей.

Чувствуется рука интриганки Морковкиной, она немедленно сообщила. Маша решила поквитаться с сестрой. Узнав, что Наташа встречается с Мискиным, она захотела вывести предателей на чистую воду. Для этого она пригласила всех друзей брата. Мискин первым пришел. Маша не сдержалась, они поскандалили.

Она пригрозила: "Андрей узнает, что я беременна!"

Узнает при всех, что ты меня изнасиловал! Мой брат тебя не простит!"

И Мискин выстрелил?

Вряд ли.

Маша грозила ему пистолетом сестры? Возможно, хотела выстрелить, он отбирал пистолет...

И случайно попал прямо в лоб?

Что-то не вяжется. У Мискина мог быть и другой мотив, о котором пока я не знаю, но знает Верховский.

Какая кошка пробежала между Верховским и Мискиным? И что заставляет Верховского запинаться, перед тем как произнести имя Мискина? Не в этом ли загвоздка? Надо искать", — заключила Далила.

Она вполне допускала, что Кроликов сообщил Борису о ее подозрениях — Далила и не просила держать в секрете их разговор.

«Если знает, так даже лучше», — решила она.

Но Мискин не знал — разговор с ним вышел очень коротким.

Борис Мискин был немного не таким, каким представляла его Далила, но вполне укладывался в рамки обычного ловеласа. Красотой Кроликов его действительно Превзошел, но в остальном он уступал другу.

Холеный и вместе с тем мужественный Мискин был хорошо воспитанным ловеласом: он вежливо и тактично окружал собой любую понравившуюся женщину. А нравились ему многие, если не все.

Понравилась и Далила. Мискин смотрел на нее такими влюбленными глазами, что ей потребовалось некоторое усилие провести разговор в намеченных рамках. В мучительных раздумьях у Далилы был составлен сценарий, который Мискин своим донжуанством едва не поломал. Трудно ошеломлять того, кто и так уже ошеломлен, причем вашей же внешностью.

И все же она устояла, после легкой разминки спросив то, что и собиралась спросить. И именно тем тоном, который был нужен.

— Зачем вам понадобилось алиби? — холодно, даже зло спросила Далила.

Мискин не удивился — не был даже разочарован, «дамский негодник». Мгновенно сообразив, что его обманули и речь пойдет не о книге психоаналитика, а совсем о других материях, он не расстроился и взял верный тон.

— Вижу, вы работаете «под прикрытием», — пошутил он, давая понять, что все понимает и уже соучастник Далилы. — Вас нанял Андрей, а все эти разговоры о книге легенда. Все правильно. Рано или поздно все тайное становится явным. Убийцу Машеньки пора отыскать и наказать. Думаю, у вас это получится.

Создавалось впечатление, что Мискин совсем не напуган, он даже над ней издевается. И уж совсем он не был похож на Вечного Принца.

Далила усмехнулась и сдержанно согласилась:

— Да, это так, меня нанял Андрей Викторович Верховский, но вы не ответили на вопрос.

Мискин пожал плечами:

— А что тут отвечать? Я был с дамой.

— С замужней дамой, — уточнила она.

— С замужней, но в алиби я не нуждался.

— Совсем не нуждались? — искренне удивилась Далила, чувствуя, что он не лжет.

Мискин задорно щелкнул пальцами и воскликнул:

— Конечно! Я никогда ни в чем не нуждаюсь!

Постучав по голове указательным пальцем, он пояснил:

— Все необходимое здесь! Не обязательно признаваться, что мы с дамой общались в постели. Она занимается бизнесом. Я — тоже. Мы могли предъявить договор, который якобы подписали как раз в тот момент, когда погибла Машенька.

Далила растерялась:

— Зачем же Верховский сказал...

Мискин поспешно вставил:

— Андрею понадобилось алиби, я его поддержал.

— Когда он вас об этом просил?

— Одновременно.

— Одновременно? С чем?

— С сообщением.

— С каким сообщением? — раздраженно спросила Далила, подозревая, что Мискин нарочно дразнит ее.

Видимо, так и было. Заметив ее раздражение, он расплылся в довольной улыбке:

— Простите!

И, галантно целуя руку Далилы, продолжил:

— Я был в машине, ехал по делам, Андрей позвонил на сотовый и сообщил, что Маша погибла. Сказал, что нам надо встретиться. Срочно.

— Вы встретились?

— Да. Он попросил об алиби.

— Чем аргументировал просьбу?

Мискин восхищенно покачал головой, отметил:

— Вы чертовски красивы, — и лишь после этого удостоил ее ответом:

— Ничем не аргументировал.

У друзей я не требую аргументов. Я сразу им верю.

— Похвально, — усмехнулась Далила, — а кому вы в тот день покупали цветы? Кажется, белые хризантемы?

Она блефовала, но он и в этот раз не смутился, добавив:

— Утром. Утром я цветы покупал. И не хризантемы, а лилии. Белые лилии. Кому? Разумеется, даме, с которой день и провел.

Мысленно Далила отметила: «Цветы, значит, были, но не хризантемы. Впрочем, возможно, он врет».

— Вы видели Машу в тот день? — спросила она.

Мискин вяло покачал головой.

Она отказалась принять ответ в такой форме и повторила вопрос. Он неохотно ответил:

— Нет, я Машу больше не видел, ни утром, ни вечером. Только на похоронах.

Далила об этом знала из материалов дела, предоставленных ей Верховским. Знала, и все же спросила:

— Вы не были на месте преступления?

— Я же сказал, нет.

В голосе Мискина послышалось легкое раздражение. Далиле это понравилось, она решила усилить напор.

— А с кем из друзей вы обсуждали Машину смерть? — строго спросила она, словно заранее осуждая за это.

— Ни с кем.

— Вообще?

— Вообще. Андрей мне сказал, что Машу убили, что тут обсуждать?

— А с Кроликовым вы говорили о гибели Маши?

— Да! — вспомнил Мискин. — С Кроликовым говорил. Я к нему заезжал...

— Зачем? — поспешно перебила его Далила.

— По делу.

— По какому?

— Не помню уже.

— Хорошо, вы заезжали и что ему говорили?

— Ничего, только то, что Машу убили.

— И не обсуждали, при каких обстоятельствах это произошло?

Мискин взорвался:

— Как я мог обсуждать то, о чем ни я, ни Кроликов понятия не имеем?

Еще изучая документы, предоставленные Верховским, Далила обнаружила странный факт, отмеченный детективом: все друзья, начиная с Хренова и заканчивая Мискиным, утверждали, что никогда не обсуждали обстоятельств, при которых погибла Маша.

Никто из них не был на месте преступления, никто не видел Машу убитой, никто понятия не имел, в какой обстановке она погибла.

Теперь уже она знала, почему эта тема оказалась запретной — на месте преступления были все, Маша нарочно их собирала. Именно поэтому все старались об этом ужасном моменте не вспоминать. Отчасти чтобы не проболтаться, отчасти из-за угрызений совести, отчасти от нежелания доставлять себе неприятности.

Из этого следовало, что и Мискин видел Машу утром. Но какой? Живой? Или она уже на полу лежала?

Далила, в который раз, упрямо повторила вопрос:

— Значит, вы никогда не говорили с друзьями про тот трагический день?

Мискин, с трудом сдерживая гнев, ответил:

— Да, вы правильно поняли.

— Значит, вы Машу не вспоминали?

— Мы вспоминали Машу только живой и веселой.

— С кем вспоминали?

Мискин успокоился, откинулся на спинку кресла и ответил:

— Вспоминали все вместе: я, Кроликов, Хренов, Замотаев, Наташа, Андрей.

— А чем вы объясняете тот факт, что она испекла ваш любимый пирог? — мимоходом поинтересовалась Далила.

Мискин пожал плечами:

— Не знаю.

Торжествуя, она воскликнула:

— Значит, вы знаете про пирог?!

Он оказался умней и находчивей, чем ожидала Далила, он ответил невозмутимо — ни один мускул не дрогнул на его холеном лице.

— Теперь уже знаю, когда вы сказали, — ответил Мискин.

Она попыталась достать его новым вопросом:

— А почему вы рассказали Кроликову о смерти Маши раньше, чем об этом узнал Верховский?

— Вовсе не раньше. Я отправился к Кроликову именно после встречи с Андреем. Я до сих пор не знаю точного времени, когда Маша погибла, я ничего не узнавал и не сопоставлял.

И Далила поняла: "Проиграла! Его мне не одолеть!"

А ведь он убил Машу! Он!"

Уже без всякой надежды на успех спросила:

— Что за история с пирогом? Почему он у всех любимый?

Мискин просветлел — лицо его стало мягче, добрее., — Мы же детьми у Верховских всегда собирались, — задумчиво, явно возвращаясь в

детство, сказал он. — Там квартира просторней, и бабушка Андрея нам всегда рада была. Она-то и кормила нас пирогом, ее фирменным.

— Можно узнать подробней, каким? — попросила Далила.

— Я рецепта не знаю. После смерти бабушки только Маша пекла этот пирог, но редко. Песочный с абрикосово-ликерной начинкой, и все это щедро сдобрено фундуком. Представляете?

Далила мигом представила и поделилась своим впечатлением:

— Да, наверняка вкусотища.

Лицо Мискина расплылось в довольной улыбке:

— Еще какая!

Он снова нахмурился:

— Нам было двенадцать, когда бабушка умерла.

С тех пор Пирог редко есть приходилось. Маша редко его пекла, — повторил Мискин.

«И все же рискну», — решила Далила.

— Скажите, Борис, — проникновенно спросила она, — вы такой умный, порядочный, вдумчивый и логичный. Чем вам Кроликов насолил? Зачем вы ему «ТТ» подложили?

Убаюканный Мискин подпрыгнул:

— Какой «ТТ»? Ничего я не подкладывал! И вот тут он «поплыл»: побледнел, покраснел, глаза забегали беспомощно и лихорадочно.

Его паника вдохновила Далилу.

— Именно из этого пистолета была убита Маша Верховская, — завершила она. — Пистолет марки «ТТ»

Наташа подобрала возле трупа бандита и долгое время хранила у себя. Тайком от брата она ездила на дачу к Морковкиной и палила по дереву. Пули из дерева и пуля, которой была убита Маша, выпущены из того «ТТ», что вы подбросили Кроликову. Экспертиза это уже доказала.

— Какая экспертиза?

— Баллистическая.

— Я ничего не знаю, ни про «ТТ», ни про пули, ни про экспертизу.

Мискин юлил и делал это весьма неумело. Бегающие глаза и трясущиеся руки выдавали его крайний испуг.

Далила уверенно констатировала:

— Это вы украли пистолет у Наташи. Отпираться не стоит. У меня есть свидетель.

— Да нет же! — неестественно тонким голосом взвизгнул Мискин. — Никого я не убивал! Пистолет мне Верховский подбросил! А я его Кроликову перепулил!

Заявление Мискина прозвучало сенсационно. Далила опешила:

— При чем здесь Верховский?

Мискин зло пояснил:

— А при том. После встречи с ним я и обнаружил пистолет в своем бардачке. И следом (ну надо же! совпадение!) на хвост мне сели менты. Долго я мотал их по городу, пока к Кроликову во двор не заскочил. Не по злобе и не из подлости, просто Кроликов рядом жил. Я зашел к нему, спрятал в его столе пистолет, сообщил о гибели Маши и отбыл.

Далила оцепенела.

— Выходит, вы заходили к Гоше после встречи с Верховским?

— Правильно, так и было, — процедил сквозь зубы Мискин и, презрительно оттопырив губу, добавил:

— Если хотите знать мое мнение, сам Верховский сестрицу и замочил.

— Зачем? — поразилась Далила.

Мискин сник:

— Из-за наследства.

Глава 33

Далила Самсонова дождала Бориса Мискина, но радости удовлетворения не испытала. Мискин рассказал, как все было на самом деле, но страшной горечью легла его правда на сердце Далилы.

В тот трагический день Борис Мискин действительно собирался на свидание с дамой. Он действительно был в Машу влюблен, но платонически, а плоть требовала своего. Свое Мискин давал плоти, щедро и на каждом шагу.

Машин звонок застал его в магазине. Он только что купил для своей дамы огромный букет и предвкушал наслаждение, тут-то и позвонила ему Маша Верховская. Она плакала. Мискин не удивился. Все знали, что у сестер пора сложная: ссоры, разборки. Да и с братом у Маши не ладилось.

Мискин, мгновенно забыв про свидание с дамой, отправился к Маше — букет, разумеется, отправился с ним.

В этом месте Далила снова спросила:

— Букет хризантем?

Он удивился:

— Дались вам хризантемы! Хризантемы я терпеть не могу, как и Маша. Неживой, искусственный какой-то цветок. Я покупал даме лилии, с ними к Машеньке и пошел.

— Следовательно, вы предпочли Машу даме, — заключила Далила.

Мискин почувствовал себя уверенней и даже усмехнулся:

— Простите за каламбур, но дам у меня в жизни много, а Маша одна. Я любил ее как раз потому, что она никогда не произносила «дам». Она умерла, так и не сдавшись. За это я до сих пор Машу люблю.

— До сих пор?

— Да.

Она удивилась:

— Не пойму, что у вас за игра была с Машей. Мне казалось, что через Машу вы подбирались к Наташе, а вы меня убеждаете, что до сих пор влюблены только в Машу. Все остальные — для плоти?

Мискин сознался:

— Да, я плел интригу. Обожаю интриги. Они заставляют быстрее течь по жилам кровь, делают жизнь насыщенной, интересней. Глупо женщину просто брать. Это каждый дебил умеет, даже наш Кроликов.

Видели?

— Кроликова?

— Ну да, — передразнивая Друга, ответил Мискин, — или как там у него...

— «Да нет», — подсказала Далила.

— Представляете его отношения с женщинами?

— Видела и Кроликова, и его Морковкину, и все представляю. Так что же с Машей? — нетерпеливо спросила она.

Мискин продолжил:

— Мы с Кроликовым не разлей вода, к Верховским всегда вдвоем приходили. Наташка с Кроликовым флиртовала. Мне что же, скучать, если она на меня ноль внимания? Я же не такой дуrolом, как Кроликов.

Далила саркастично поинтересовалась:

— Вы другой дуrolом?

Он рассмеялся:

— Да, я дуrolом особый: не самих дур люблю, а люблю их обламывать. Вот какой я дуrolом'.

— Опять каламбур? — усмехнулась Далила.

Мискин развел руками:

— Ничего не поделаешь, кто-то прет буром, а я — каламбуром.

— Значит, по жизни вы прете?

— Лишь тогда, когда прут на меня. Вы меня затоптать пытались, что же мне остается? Только «переть».

Далиле всегда нравились люди с юмором. Не желая проникаться симпатией к Мискину, она не улыбнулась, а холодно попросила:

— Давайте вернемся к Наташе.

— Хотите сказать, давайте вернемся к дурам, — уточнил Мискин и сам себя опроверг:

— Впрочем, Наташа не дура. Дурой ее делал Андрей. Теперь эстафету подхватил Замотаев.

Далила призналась:

— У меня складывается впечатление, что вы недолюбливаете Верховского и Замотаева.

— Я терпеть не могу домостроевщины. Кто дал мужчинам право превращать женщин в самок?

Далила подумала: "Браво! Жаль, Лиза не слышит!

В восторг бы пришла от Мискина".

— Наверное, это делается из эгоистических побуждений, — сказала она. — С самками проще ощущать себя настоящим мужчиной.

Мискин прочувствованно возмутился:

— Вот уж нет! Проще с умными, образованными женщинами, они все подмечают, все понимают. Если имеешь достоинства, их оценят. А рядом с самками вообще невозможно оставаться мужчиной. Им угодить невозможно, им все не так. Самки хитрые и упертые, и все, как одна, скандалистки.

— Вы правы, — согласилась Далила. — Я неточно выразилась: домоштроевцы думают, что с самками проще.

— Потому, что сами самцы! — горячась, воскликнул Мискин. — А самец — это самовлюбленный дурак, не более. Тогда я еще не все понимал, тогда я еще уважал Андрея и не хотел терять его" уважение. Все знали, что он прочит свою Наташу Пашке Замотаеву в жены, вот я и не стал рисковать. Охота была, из-за девчонки сразу двух друзей потерять: Верховского и Замотаева. Я повел себя осторожно и начал к младшенькой подъезжать.

— Вы хотели представить в глазах друзей все так, словно Наташа вам не дает прохода, — догадалась Далила.

Мискин, умело скрывая самодовольство, ответил:

— Так все и вышло. Я начал к Машке слегка подкатывать, и Наташка взбесилась. Гонору много в ней, все от нее без ума, а я, видите ли, на нее ноль внимания. Здорово Наташка разозлилась. Кроликов мгновенно ей надоел, а я культурно держусь возле Маши, вздыхаю — все как женщины любят.

— И Наташа сдалась?

— Можно сказать и так. И вот тогда меня к Маше по-настоящему и потянуло.

Прекрасно зная причину, Далила спросила:

— Почему?

Мискин настоящей причины не знал, но ответ его прозвучал очень уверенно:

— Гордая Маша была, не спесивая, а именно гордая. И сильная, удар умела держать. Мне сначала все по фигу было, закрутил все ради интриги, но Кроликов как-то мне говорит: "Кажется, в Машку я втрескался.

Что, если мы с ней поженимся? Как на это посмотрит Андрей?" Я ему прямо в лоб: «Дудки, Маша моя!»

Далила усмехнулась:

— У вас с детства такое соревнование?

— Да, но в этот раз крепко Маша обоих нас зацепила, по-настоящему. Короче, оба сходили с ума. А она от ворот поворот, и сразу обоим. Пытались с ней отношения выяснять — смеется: "Отдаю вас Наташке.

Радуйтесь, дурачки, у вас дети будут красивей". Мы с Гошей так сильно «обрадовались», что готовы были друг другу в глотку вцепиться. Вот в таком состоянии мы к тому страшному дню и подошли.

— Значит, вы с Машей практически расстались, когда она вам позвонила?

Мискин рубанул воздух рукой:

— Не практически, а точно расстались. А тут вдруг Машка звонит. Плачет: «Скандал! Я не в такой удушливой атмосфере рассказать всем хотела, но что же поделаешь, если в нашей семье бедлам. Не я виновата».

— О чем она говорила?

— Не понял, атмосфера какая-то, скандал. Мне было все равно, о чем она говорила. Я обрадовался, что позвала, с надеждой поехал, а там...

Понурившись, он замолчал.

Далила продолжила за него:

— Вы долго с букетом на площадке топтались, звонили, дверь случайно толкнули ногой и вошли.

Мискин, пряча глаза, кивнул:

— Да, Маша лежала в луже крови. Пирог на столе я не заметил, честное слово. Стол, помню, был. Празднично накрытый, в гостиную, бокалы там, что-то еще...

Он опять замолчал. Далила задала болезненный для себя вопрос:

— А почему вы решили, что Машу убил Верховский?

Мискин возмущенно воскликнул:

— А кто же еще? В последнее время Маша здорово изменилась, постоянно твердила: «Не злите меня, нервничать мне нельзя». А сама стала нервная, неуживчивая, то ругалась с Наташей, то деньги требовала у Андрея, о каком-то своем бизнесе говорила.

Далила подалась вперед:

— О каких деньгах идет речь?

— О деньгах погибших родителей. Им троим по наследству досталась приличная сумма. Андрей был назначен над Машей опекуном, а Наташка сама отдала ему свою долю. Он все вложил в общий с Замотаевым бизнес.

— Могу я узнать, что за бизнес? — осведомилась Далила.

Мискин вдруг рассмеялся:

— С этим бизнесом хохма вышла. Нечто из области парадоксов, очень по-русски: двигатель прогресса — обычная безалаберность.

Далила попросила:

— Расскажите подробнее, пожалуйста.

— Охотно! — воскликнул Мискин. — У Верховского с Замотаевым

был заводик, газированную воду они выпускали в бутылках. Дела шли плохо, отвратительно даже. Наследство, оставленное родителями, не Увеличивалось, а таяло на глазах.

— Маша знала об этом?

— Нет, конечно. Андрей с Пашкой это скрывали, нагоняли, как говорится, понтов: «тачки» крутые у них, охрана, офис. Все, как сейчас говорят, «зашибись». Только мы, самые близкие, были в курсе, как на самом деле идут их дела.

Далила подумала: «Мотивом могли быть долги».

— Друзья им помогали? — спросила она.

Мискин кивнул:

— Неоднократно. Я в долг частенько давал, Кроликов выбивал им кредиты. Но все впустую, ничего их не спасало, заводик доходов не приносил.

— От кого же Маша узнала об этом?

— Понятия не имею, но как-то узнала, а тут еще ее совершеннолетие близилось. В общем, она поставила братца в известность, что собирается свою долю из его бизнеса изъять немедленно, как только стукнет ей восемнадцать. А у Андрея как раз дела пошли.

— Все же пошли.

Мискин рассмеялся:

— Возвращаюсь к области парадоксов. Успех Верховского и Замотаева вырос на почве чужой халатности. Они заказали этикетки для воды под названием «Тархун». В типографии какой-то ротозей не углядел и буквы "а" и "р" переставил. Ни Верховский, ни Замотаев, ни их работники — никто не заметил ошибки.

В продажу вода отправилась под названием «Грахун».

И мигом ушла с прилавков. Все, кому и не надо, ради прикола хватали и дарили друзьям, любовникам, соседям, мужьям. В данном случае безалаберность оказалась двигателем торговли.

— Значит, именно с этого момента бизнес Верховского и Замотаева пошел вверх, — уточнила Далила.

— Да, резко попер в гору, а тут Маша решила его подкосить. Ведь ее доля — это одна шестая. Колоссальная сумма. Как такие деньги одним махом из производства достать? И как я теперь должен все это понимать? На кого должен думать?

Мискин вопросительно уставился на Далилу. Она ему возразила:

— Но это еще не мотив.

— Сам по себе — нет, а в совокупности — да.

— В совокупности с чем?

— С дальнейшими фактами. Вы сами заметили, что Верховский, когда узнал о смерти сестры, не сразу вызвал милицию.

— А вы об этом не знали?

— Клянусь, не знал. И не задумывался никогда, и не сопоставлял. Вы только что сами мне сообщили, что милиция была вызвана в три, а я точно знаю, что с ним встречался около часа.

Подумав, Мискин сказал:

— Да, примерно так. Когда мне Маша звонила, было без двадцати двенадцать. Пока доехал, Маши не стало. Потом я уехал. Верховский почти сразу мне позвонил, и мы быстро с ним встретились.

— Как он себя вел? — спросила Далила.

— Как? Дрожал, как овечий хвост. Жаловался и трясся: «У нас с Машкой в последнее время сплошная вражда, теперь меня точно засудят». Я его успокоил:

«Все наши об этом будут молчать». И алиби ему дал.

А он что в ответ? Наташкин «ТТ», гад, подсунул! И, главное, куда! В бардачок! На самое видное место!

Мискин зло ударил кулаком по своей же ладони и презрительно процедил:

— «ТТ» подбросил и следом стукнул ментам. Не зря же они меня гоняли по городу. Еле от них удрал.

Кстати, как вышел от Кроликова, меня тут же и хлопнули, а я чист. Вовремя, выходит, пистолетик спулил.

А вы не в курсе, куда Кроликов дел пистолет?

Далила с иронией посоветовала:

— А вы у него спросите.

Мискин обиделся:

— Я не собирался его подставлять. Через несколько дней полез в его стол, хотел «ТТ» незаметно вынести, а там пусто уже.

— Говорите, подставлять не хотели, — усмехнулась Далила, — а если бы у Кроликова тот пистолет нашли? Представляете, на какой он загремел бы срок?

— Я точно знал, что у Кроликова не станут искать.

Вы еще попробуйте в тот дом зайдите. Уж ментов так просто точно не пустят. Родители у Гоши те еще шишки. Так и вышло, Кроликов не пострадал.

— Да, не пострадал, — согласилась Далила. — Но почему Верховский именно вам подложил пистолет?

Мискин изумленно развел руками:

— Сам поражаюсь!

Далила предположила:

— Может, из мести?

— Из мести?

Мискин, сузив глаза, задумался и согласился:

— Возможно. Если кто-то ему донес о моих отношениях с Машей, Андрей вполне мог подумать, что свою долю сестра требует для меня.

Глава 34

Далила зашла в тупик: расследование начато ради спасения Андрея Верховского, и вот уже сам Он под подозрением. Что делать?

Этой ночью она не спала. Поздно вечером, едва вернулась домой, позвонил Матвей.

— Я больше у тебя ничего не забыл? — спросил он игриво.

Далила рассердилась и бывшего своего отругала, настрого запретив ему приезжать. Ближе к утру, вдоволь наворочавшись с боку на бок в постели, она пожалела об этом, подумав: «Уж лучше б Матвей пришел, меньше думала бы о Верховском».

А Далила о нем ох как думала — поверить никак не могла, что Андрей способен убить сестру, он такой милый, воспитанный и утонченный. И из-за чего? Из-за денег!

Но с другой стороны, в связи с этим многое прояснилось. Стало понятно, какая кошка пробежала между Верховским и Мискиным. И болезнь Верховского (а он действительно болен) объясняется угрызениями совести. Содержание сна, возможно, придумано, чтобы сбить с толку Далилу, но кошмар его мучает, несомненно.

«А уж все эти вздохи-ухаживания и вовсе подстроены Верховским классически, — горестно заключила она. — Причина внезапной любви прозаична, но уезжать из Питера он передумал все же из-за меня. Правда, любовь, увы, не имеет к этому отношения. Он всего лишь боялся, что я докопаюсь до истины: Андрей хочет держать руку на пульсе расследования».

К утру Далила особо остро почувствовала себя оскорбленной, не выдержала и позвонила Верховскому.

«Ох, и устрою ему разгон! Все сейчас выскажу!» — кипела она.

Он долго не брал трубку, а когда наконец взял, Далила одумалась. Отказываясь от разгона, она любезно осведомилась:

— Андрей, простите за ранний звонок, я вас не разбудила?

Верховский обрадовался, услышав ее голос, но сообщил:

— Разбудили. Хвастаюсь: как это ни удивительно, я крепко спал.

— Извините, — виновато произнесла Далила, делая вид, что собирается вешать трубку.

Он испуганно завопил:

— Нет-нет! Я страшно рад!

Эта страшная радость поколебала ее уверенность.

— Нам нужно срочно поговорить, — сказала Далила, подумав: «Что за глупости? Машу убил не он. Ну какой он убийца? Наверняка Андрей даст разумные объяснения всем несуразностям».

В ответ на ее предложение Верховский без, размышлений воскликнул:

— Есть два варианта: я немедленно еду к вам и остаюсь. Или забираю вас, и мы пьем утренний кофе уже у меня на кухне.

Далила его осадила:

— Боюсь, разговор будет не слишком приятным.

Лучше встретимся у меня во дворе и прогуляемся по сонной Таврической. Я люблю гулять по спящему городу.

— Отлично, — согласился Верховский. — Я тоже люблю.

Встретились они не во дворе, а на углу Суворовского проспекта и Таврической улицы — Далила пошла ему навстречу. Они, не сговариваясь, прогулочным шагом направились по Таврической к музею Суворова.

Говорили в основном о погоде. Остановились, постояли напротив музея и, опять не сговариваясь, зачем-то перешли через дорогу к ограде Таврического сада.

Смущены были оба, разговор шел все о той же погоде — «захватывающая» тема, особенно в Петербурге, где привыкли не обращать внимания на капризы природы.

На углу Таврического сада снова остановились, еще постояли — Далила никак не могла начать, а он ни о чем не спрашивал.

И потопали по Кировой к станции метро «Чернышевская». Далилу ноги туда вели: она шла привычным маршрутом от своего дома к тетушке Маре.

«А почему Верховский сюда пошел? — гадала она. — Собирались же гулять по Таврической, а он вдруг на Кировую свернул».

Далила злилась на свои пустые, даже глупые мысли, на свою болтовню о дожде и тумане, на то, что не может собраться с духом. Он злился только на робость, которая заставляла говорить о погоде. Так и шли, мучимые нелепостью ситуации: взрослые занятые люди, встретились в центре Питера в шесть утра...

Чтобы поболтать о погоде.

Он:

— А в прошлом году, помнится, в эту пору был страшный туман.

Она:

— И в этом году туманов хватает.

Он:

— На завтра, вроде бы, синоптики обещают нам прояснение.

Она:

— Хорошие обещания редко сбываются.

Он:

— Смотря кто обещает.

Она:

— Все синоптики врут.

Он:

— Ну уж врут. Ошибаются.

Вдруг Далила подумала: "Стоп, это уже не о погоде. Явно прослеживается подтекст, за нас говорит подсознание. Но о чем идет разговор? Я на него нападаю, а он меня успокаивает? Похоже.

Но из этого следует, что он не чувствует за собой тяжелой постыдной вины. Его терзает нечто другое, не совесть".

Эта мысль вдохновила Далилу: она наконец решилась и задала свой вопрос.

— Почему вы не сразу обратились в милицию, а прежде встретились с Мискиным? — спросила она, мучительно ожидая, что он начнет отпираться.

Но Верховский не отпирался. Он остановился, твердо взял Далилу под локоть и, глядя ей прямо в глаза, признался:

— Я струсил.

Против воли она поправила:

— Вы испугались.

Он зло потряс головой:

— Нет, именно струсил.

— Как это было? — цепенея, спросила Далила.

Верховский отпустил ее локоть, шумно вздохнул и, вновь устремляясь по Кировской, начал свой страшный рассказ:

— Маша мне позвонила и попросила срочно приехать. Я сослался на занятость. Тогда Маша потребовала...

Он запнулся, потряс головой и поправился:

— Да нет, пригрозила: «Или ты приезжаешь, или я немедленно уйду из дома. Я хочу сделать серьезное заявление». Заявлений в последние дни хватало, но деваться мне было некуда. Я поехал домой. Готов был к чему угодно: к ссоре, к скандалу, но Маша лежала в луже крови. Вы не представляете, как это ужасно!

Я смотрел на родную сестру, на свою «мышку-малышку», и поверить не мог: лужа крови, бледное удивленное лицо, неестественно вывернутая

рука...

Он содрогнулся и замолчал.

Далила пожалела Верховского и продолжила за него:

— На какое-то время вы выпали из реальности, а потом, когда вернулись в нее, осознали, что обвинить в убийстве могут и вас.

Он вздохнул:

— Вы правы, у меня не было алиби. С утра мотался по городу, по делам. В машине я был один.

Далила ему все больше и больше верила.

«Если Андрей Машу не убивал, значит, нет смысла пытаться его пистолетом, подкинутым Мискину», — решила она И все же спросила:

— А с какой стороны вы сели в машину к Борису?

— Сел рядом с ним, на переднее кресло, а что? Почему вас это интересует? — удивился Верховский.

Далила не ответила, а задала новый вопрос:

— Вы долго с ним разговаривали?

— Нет, недолго, минут десять от силы.

— И Мискин не выходил из машины?

— Конечно, не выходил. Я все ему рассказал про Машу. Про то, как она мне позвонила, как я злой ввалился в квартиру, как увидел там ее в луже крови...

Я был жутко напуган, весь трясся, даже не помню, что нес.

— Вы первым попросили Бориса об алиби или он вас попросил?

Верховский вздрогнул:

— Об алиби? Нет. Я его не просил. Мне тогда было совсем не до алиби. Это он мне сказал, что я попадаю под подозрение, что мне нужно алиби.

— Зачем же вы ему позвонили?

Он задумчиво пояснил:

— Мне было страшно. Даже нет, то был не страх, а что-то другое, намного хуже. Руки, ноги, все тело вышло из повиновения, все дрожало в каком-то странном ознобе, в голове невесомость, сумбур. Это был...

Нет, не знаю, что это было.

— Это был ужас, — подсказала Далила.

Верховский благодарно кивнул:

— Да, я не мог оставаться один. Рядом с ней. С моей Машей. С вот такой, неживой. Я не мог взять себя в руки, не мог себя пересилить. Я просил Мискина поехать со мной, но он заплакал и отказался. Борька Мискин даже в детстве не плакал. Я его пожалел, сразу пришел в себя и

сказал, что не обижаюсь, что все понимаю. После этого мы расстались и увиделись только на Машенькиных похоронах.

Далила вздохнула с большим облегчением:

— Выходит, Мискин сам вам алиби предложил?

— Да, он признался, что алиби нет и у него. Мы решили сказать, что все это время не расставались. Позже к нам присоединились остальные друзья. Все, кроме Замотаева. У Пашки алиби было, он на складе товар принимал.

— Я знаю, об этом сказано в отчетах вашего детектива. А почему, обнаружив труп Маши, вы бросились именно к Мискину? Почему не к Хренову? Не к Кроликову? Не к Замотаеву? Ведь с Павлом вы всегда были особо близки.

Верховский пожал плечами:

— Почему? Теперь уж не помню.

— А вы постарайтесь припомнить, — попросила Далила.

Он задумался и оживленно воскликнул:

— Я же первому Замотаеву и позвонил, а он был на складе, товар принимал. Правильно, я сам с утра Пашку на склад послал. А там народу полно, суета, бесполезно встречаться. Тогда я Хренову и Кроликову позвонил, но их сотовые не отвечали. Мискин ответил, я к нему и помчался. Он был неподалеку от нашей квартиры. Мы встретились, поговорили и разбежались.

— А как он себя повел, когда узнал, что Маша погибла?

— Не помню, я был в жутком состоянии, — растерялся Верховский. — Как он мог себя повести? Думаю, остолбенел.

Он потряс головой:

— Хотя нет, врать не буду, не знаю. Знаю только, что Борька заплакал, но это уже позже, когда я его попросил поехать со мной к Маше.

После паузы Верховский добавил:

— К убитой Маше.

Далиле захотелось немедленно прекратить жестокий допрос, но, пересилив себя, она виновато спросила:

— Андрюша, скажите, пожалуйста, какая кошка пробежала между вами и Мискиным?

— Понять не могу! — с чувством воскликнул Верховский. — После гибели Маши Бориса как подменили.

Он стал меня избегать, на все вопросы отвечал или нехотя, или вовсе отмалчивался. Несколько раз я пытался вызвать его на мужской разговор — безрезультатно. Он чужой. Порой у меня возникает чувство, что Борис

кипит ненавистью ко мне. За что? Ничего понять не могу.

— А вы знали, что у Маши был с Мискиным флирт?

Ее осторожный вопрос вызвал бурю негодования.

— С Мискиным?! У Маши?! Флирт?! Чушь! Кто вам сказал эту глупость? Не иначе Морковкина! Не слушайте вы ее, дуру! Вот же дрянь! Готова оговорить даже покойницу! Маша ни с кем флиртовать не могла, а уж с Мискиным и подавно! Моя Маша святая!

— А ребенок?

— Ее изнасиловали И не вздумайте меня убеждать, что насильник наш Мискин!

Верховский был искренне разъярен, он кипел, метал стрелы и молнии. Таким Далила его еще не видела. Если и оставались у нее какие сомнения, и те мигом отпали.

Возмущенно она подумала: «Как же Андрей мог подложить пистолет в бардачок Мискина, если тот не выходил из машины? В чем тут дело? Мискин умышленно меня обманул или сам обманулся?»

— Скажите, — спросила она, — а где Мискин хранил документы на автомобиль?

Верховский изумленно ответил:

— Наверно, в бумажнике, а бумажник в кармане.

Хотя... Нет, не знаю. Я никогда не мог похвастать исключительной наблюдательностью.

— И что у него в бардачке обычно лежало, тоже не знаете?

— Понятия не имею.

«Следовательно, и о пистолете он тоже не имеет понятия, — окончательно решила для себя Далила. — Значит, или Мискин умышленно меня обманул, или его пытался подставить кто-то другой, но он об этом не знает. Одно из двух».

— А вы не в курсе, — поинтересовалась она, — Мискин давал кому-нибудь свой автомобиль?

На этот раз Верховский ответил уверенно:

— Конечно, давал.

— Кому?

— Павлу.

— Замотаеву?

— Да, Пашке.

— Зачем? — поразилась Далила. — Насколько мне известно, у Замотаева своя машина была.

— И еще какая! — восхищенно отозвался Верховский. — Настоящий

«Майбах», пусть и подержанный, но в отличнейшем состоянии. Мискин частенько у Павла этот «Майбах» просил.

— Зачем?

— Пыль в глаза пускал своим дамам.

— Выходит, они менялись.

— Постоянно. В конце концов Мискин Пашку достал. Пашка плюнул, продал свой «Майбах» и купил машину попроще. А к чему вы клоните, не пойму?

— Можно, я вас поцелую? — вырвалось у Далилы.

Верховский испуганно отшатнулся, но, сообразив, что она не шутит, не очень уверенно согласился:

— Целуйте.

Наклоняясь к ней и смущенно подставляя щеку, он изумленно сказал:

— Странная вы сегодня какая-то.

Далила воскликнула:

— Вовсе не странная! Вы сами не представляете, что за груз сняли с моей души!

Торопливо чмокнув его, она извинилась:

— Простите, очень спешу. Хочу до работы успеть прояснить для себя одну важную вещь.

— Какую вещь? — промямлил Верховский, потрясенно трогая свою целованную щеку. — Когда-нибудь я узнаю?

— Я потом вам все расскажу, — убегая, пообещала Далила.

Дома она заглянула в отчеты детектива Верховского и отыскивала адрес складов, на которых в тот злополучный день якобы был Замотаев. Далила собиралась его разоблачить. Она была абсолютно уверена, что Павла Замотаева в тот день на складах не было, алиби он купил.

Пока Далила ехала на склады, в голове у нее стройно сложилась довольно правдоподобная версия. Павел Замотаев узнал, что Маша собирается замуж за Мискина и хочет срочно получить свою долю наследства.

Именно тогда, когда их бизнес в гору «попер». Спасая свой бизнес, Замотаев похищает у Наташи «ГТ», расправляется с Машей, прячется где-то неподалеку и поджидает Бориса Мискина.

Почему поджидает?

Замотаев знает, что Маша хочет сделать какое-то важное сообщение и уже созвала всех друзей. Он догадался, что это будет за сообщение, и потому примчался к ней первым. Когда Маша объявит о своем решении выйти замуж за Мискина, мотив станет всем очевиден. Поздно будет ее

убивать.

Дождавшись Мискина, Замотаев открывает его машину и кладет «ГТ» в бардачок. Когда ошарашенный Мискин, увидев убитую Машу, вылетает из парадного Верховских, Замотаев звонит в милицию и сообщает, что в машине такой-то хранится оружие.

Почему он подставил именно Мискина?

По двум причинам: во-первых, из мести (Мискин настроил Машу забрать ее долю), во-вторых, из удобства (у Замотаева были ключи от его машины).

Далиле оставалось уговорить заведующего складами признаться, что он продал Замотаеву алиби. Зная психологию лжесвидетеля, в успехе она была абсолютно уверена.

А вот после того, как лжесвидетель сознается, можно смело отправляться к самому Замотаеву. Далила не сомневалась, что заставить его сказать правду будет сложно, но возможно. Ведь белые лепестки хризантем, лежавшие на полу возле погибшей Маши, из букета Замотаева. Наташа любит эти цветы, он привык покупать хризантемы.

Дальше все просто: она проблефует — сообщит Замотаеву про свидетеля, видевшего, как он покупал хризантемы. Потом — про Хренова, который унес лепестки, и победа, считай, обеспечена. Замотаеву не отвертеться.

В ее кармане под задорное рондо запрыгал мобильный. Далила глянула на дисплей и удивилась: «Рановато для Лизы».

И все же звонила Бойцова.

— Самсонова!. — вместо «здрасьте» возмутилась она. — Что происходит? Ты решила до инфаркта меня довести?

Глава 35

Далила посмотрела на часы и поразились: «Елизавета? Так рано? И встала не с той ноги. Ругается. На нее непохоже. Мало, что Галина мне не звонит, дуется из-за Кроликова, теперь и Лиза мной недовольна. Так я скоро останусь одна, без подруг».

— Что случилось? — удивилась Далила.

Бойцова оставила вопрос без ответа. Она извергла из себя сног изощренных ругательств — досталось всем, от кота до Семеныча, садовника клуба. В этом списке (само собой) была и Далила.

Выпустив пар, Елизавета осуждающе поинтересовалась:

— Ты где? В постели?

— Ошибаешься, я в машине.

И пошла вторая волна:

— В какой еще, черт возьми, машине?!

Далила ее успокоила:

— Не чертыхайся, в своей я машине, еду по делу Верховского. А что случилось?

— Куда ты едешь? — строго осведомилась Бойцова. — Немедленно говори, куда тебя черти на этот раз понесли?

Далила наконец возмутилась:

— А что за допрос? Ты, конечно, большой начальник, но, прости, слава богу, не мой.

Елизавета отрезала:

— Если хочешь быть в курсе, почему я бешусь, немедленно приезжай!

И бросила трубку.

Зная подругу, Далила поняла, что так разговаривать Лизу заставило нечто необычайное. Заинтригованная, она изменила маршрут и направила «Форд» к Бойцовой.

Елизавета напустилась на Далилу, едва дверь открыв.

— Что ты сотворила с Наташкой? — завопила она. — Бедная девка просто сходит с ума! Это что за лечение за такое? Начала братца лечить от бессонницы, а теперь у всего семейства бессонница приключилась! Bravo! Я тебя поздравляю! У Замотаевой связи крутые! Она мигом лишит тебя практики! Будешь тогда куковать в какой-нибудь заштатной поликлинике!

— Да погоди ты, — рассердилась Далила. — Ничего не пойму! При чем здесь Наташка? Я не помню уже, когда ее видела!

Елизавета, словно не слыша, с напором продолжила:

— Больше всего меня поражает жестокость, с которой 7Ы за девку взялась! Теперь хоть буду знать, что меня ждет, когда ты и меня возненавидишь!

Далила гаркнула:

— Молчать!

Бойцова ошеломленно вздрогнула и замолчала, от испуга забыв закрыть рот.

— А теперь, радость моя, продолжай, — ласково попросила Далила.

— Ну, ты и стерва, — выдохнула Елизавета, но продолжила уже совсем другим тоном:

— Нельзя же так издеваться над бедной девчонкой, — теперь уже осторожно пеняла она подруге. — Наташка среди ночи прибежала ко мне, ревет, руки на себя накладывать собирается.

— Следовательно, она знает уже, что ее сестрицу убил Замотаев, — заключила Далила. — Разволновалась, что я доберусь и до ее муженька.

Бойцова рявкнула:

— Отстань от Замотаевых! Не убивали они!

Далила поклонилась и с сарказмом воскликнула:

— Здравствуйте, господин адвокат!

— Была бы я твоей Галкой, сказала бы «до свидания», — «лягнулась» Бойцова. — Но я, слава богу, не Галка, а потому скажу: оставь Замотаева Павла в покое! Он приличный мужик!

— Ого! Речь уже идет о Замотаеве? Могу я узнать, почему?

Елизавета кивнула:

— Можешь. Только что от меня ушла Наташа.

— Зачем она к тебе прибегала так рано? — перебив подругу, спросила Далила.

— Утром их разбудил телефонный звонок. Звонил бывший начальник складов. Упрекал Замотаева.

— Еще бы, тот обещал, что с его алиби не будет проблем, никто, мол, не докопается, и вот они, эти проблемы. Уже начались. Но кто же меня опередил? Кто же его побеспокоил, начальника склада?

Далила подумала: «Неужели Верховский после нашего разговора бросился ему звонить?»

— Не знаю, — отмахнулась Бойцова. — Об этом Наташка не говорила. Ты пойми, их семья не имеет к убийству Маши никакого отношения.

Далила заявила:

— Я так не считаю. На это у меня есть веские основания.

Елизавета вздохнула:

— Вот и Наташка говорила об этом. Она больше всего боялась твоих оснований. Все твои основания ложные!

— Но почему ты ее защищаешь? — поразились Далила. — Стала прямо горой!

Сузив глаза в щелочки, она насмешливо предположила:

— Или Замотаев сделал тебе очень выгодное предложение? А в обмен ты должна повлиять на меня?

Лизка, признавайся, так это?

Бойцова шумно выдохнула воздух из своих тренированных тренажерами легких — по комнате словно ветер пронесся.

— Нет, — гаркнула зло она. — Не так!

— Да-а? — недоверчиво пропела Далила. — А как?

— Замотаева во всем мне созналась. Она не у стилиста была, когда Маша ей позвонила.

— А где же?

— В квартире Морковкиной. Да-да, она там трахалась с Замотаевым.

— Ого!

Елизавета фыркнула:

— Да! Ну и что? Ее доля в общем бизнесе брата и Замотаева. Верховский все равно собирался поженить Пашку с Наташкой, так почему бы им не потрахаться?

— Разумно, — насмешливо согласилась Далила. — И овцы целы, и волки сыты, и Мискин с Кроликовым не помеха. Впрочем, что это я. Принцессы на горошине редко могут похвастать высокой моралью.

— С моралью у них полный порядок! — возразила Бойцова.

— Конечно, ее просто нет. Замотаев обманул друга дважды: первый раз, когда сказал, что поедет на склад, а сам поехал трахаться с его старшей сестрой. И второй раз, когда купил алиби у начальника склада. И Наташа дурила брата: купила алиби у стилиста, а потом у Морковкиной. И это в лучшем случае: если оба они непричастны к убийству. Бездна морали!

— Не придирайся, постель — это одно, а убийство — совсем другое.

— Ладно, о морали не будем, — отмахнулась Далила. — Скажи мне, что же все-таки было на самом деле?

— Наташа поругалась с Машей и ехать к ней не собиралась. Но вскоре выяснилось, что Маша интригу затеяла. Она позвонила Замотаеву. Когда Замотаев растерянно сообщил Наташке, что Маша слезно просила его срочно приехать к ней, Наташка подумала:

«Эта сучка их собирает! Всех! За моей спиной!»

— И бросилась звонить Мискину с Кроликовым.

— Да, но их телефоны не отвечали. Наташка взбесилась и заявила Павлу: «Едем!»

Далила продолжила:

— А он сказал: "Давай хоть возьмем Маше цветы.

Как-никак у нее юбилей". И взял хризантемы.

— Да! Хризантемы! — возбужденно подтвердила Бойцова. — Ну и что из того? Он их не для Маши купил.

— Еще лучше, — ядовито усмехнулась Далила, — сквалыга прихватил букетик, который Наташеньке подарил. Так вот знай: Наташа и Паша увидели Машу первыми.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что вторым был Сергей Хренов. Он подобрал с пола лепестки хризантем.

Елизавета с гордостью сообщила:

— Если он подобрал лепестки, это значит только одно: Хренов был после Наташи и Павла.

— Логично, — саркастично согласилась Далила. — Тогда почему все остальные не видели лепестков?

— Кто — остальные?

— Кроликов, Мискин.

— Значит, Кроликов с Мискиным пришли первыми, а Замотаев с Наташей пришли после них. Хренов, выходит, пришел самый последний.

— Последним, скорее всего, Верховский пришел.

Но почему они разбежались в разные стороны, Павел с Наташей? Почему Наташа помчалась к Морковкиной, а Замотаев к начальнику склада?

— А что им оставалось? Не признаваться же Верховскому, что у них полным ходом идет половая жизнь.

Андрея Наташа и сейчас боится до ужаса, а тогда тем более. К тому же у нее были ссоры с сестрой, а Замотаев имел бизнес, из которого Маша собиралась изъять свою долю. А Верховский во всеуслышание прочил Наташу в жены Павлу, следовательно, и ей такое изъятие было абсолютно невыгодно.

Далила подвела под рассказом Елизаветы черту:

— Короче, они испугались, что их обвинят в сговоре и в убийстве.

— Да, — с царственным видом согласилась Бойцова, учуяв, что ей удалось-таки убедить подругу. — Не станешь же ты предполагать, — сказала она, — что Наташка и Павел дошли до такого цинизма, что

застрелили Машу в день ее рождения в ее же квартире из пистолета Наташи. Ужас какой! — передернуло Елизавету.

— Не стану, — задумчиво кивнула Далила. — Теперь мне действительно нет смысла разговаривать с начальником склада. Этот разговор ничего не даст.

Знаешь что, Лиза, — рассердилась она, — из-за тебя я запуталась окончательно. Ты все планы мне поломала.

Елизавета насмешливо осведомилась:

— Что, с диким грохотом развалилась очередная изящная конструкция? На этот раз подозрения снимаются сразу со всех?

— А вот и нет, теперь я снова всех подозреваю.

— Даже меня, — пошутила Бойцова.

— Даже тебя, — серьезно согласилась Далила.

А вечером ей позвонил Верховский и сухо попросил немедленно прекратить расследование. Мотивировал беспокойством о ней же, о самой Далиле.

— Пока вы лечили мою бессонницу, сами спать перестали, — грустно сказал он.

Она же подумала: «Почти слова Лизы, а Лиза передавала слова Наташеньки Замотаевой».

Глава 36

Несколько дней Далила мучительно размышляла, пытаясь нащупать более убедительную версию — версию, резко выделяющую мотив убийцы или приносящую выдающиеся улики против кого-то.

И ничего не выходило: под подозрение попадали решительно все.

Первой попадала Наташа. Почему она Далиле солгала? Почему не призналась, что именно сказала ей в трубку сестра?

А раззадоренная Морковкиной Маша кричала:

«Ты думала, что отбила Мискина у меня? Так вот, он сейчас у нас дома! Здесь же и Кроликов! И даже Хренов! И твой Замотаев скоро придет! Все у меня! Мы уже празднуем! И нам без тебя хорошо!»

После этого разговора Маша и начала всех обзванивать, стала собирать всех друзей.

А Морковкина рядом стояла. И ни слова не сказала Маше про Замотаева, что он сейчас у нее вместе с Наташей. Если бы Маша об этом узнала, не стала бы Замотаеву на мобильный звонить. Но почему Морковкина покрывала Наташу и Павла?

Боялась лишиться постоянного заработка — Замотаев ей щедро платил. И еще потому, что свои интриги вела. Она хотела руками Маши разрушить союз Кроликова и Наташи. Да-да, для этого Мискина и приплела. Раз Наташу видели с Мискиным, значит, и с Кроликовым она не завязала — обманула везде.

Из этого следует, что и Морковкина попадает под подозрение. Она взбалмошная особа и дерзкая. Маша была умней, она могла Морковкину уличить в подлых интригах и пригрозить, что Кроликов немедленно все узнает. Для помешанной на Кроликове Морковкиной это был крах. Сгоряча она вполне могла выстрелить в Машу. Могла выстрелить и хладнокровно, потому что знала: Кроликов хочет жениться на Маше. А с Наташей он просто спит. К тому же Наташа Морковкиной не опасна, она замуж за Замотаева собралась. А счастливую конкурентку Машу надо срочно убрать, и Кроликов будет в сумке. Кстати, так и вышло. Морковкина с Кроликовым по сию пору живет, пусть и гражданским браком.

А сам Кроликов, чем он не убийца? Вспыльчивый, агрессивный, безмозглый, жуткий ревнивец. Он вполне мог из ревности девочку застрелить, а потом, увидев, как подъехала к дому машина Мискина, туда пистолет подложить. А плакал он потому, что ходил в драмкружок. Там его

научили искусству в нужный момент подпустить слезу.

Мискин тоже плакал и тоже ходил в драмкружок.

Боря Мискин мог сгоряча убить Машу, когда она пригрозила рассказать брату об изнасиловании. Мог и случайно, в борьбе. А пистолет подложил Кроликову.

А потом из мести перевести стрелки на Андрея Верховского. За что Мискин мстил? За то, что Маша боялась брата, за то, что из-за Верховского Машу убил.

Во всяком случае, она именно этим страхом мотивировала свой отказ выйти замуж за Мискина: мол, ты ловелас, Андрей на наш брак никогда не согласится.

И сам Андрей как-то странно себя повел, вдруг попросил прекратить расследование. Почему? Ведь это он позвонил начальнику склада, причем сразу же после встречи с Далилой. Верховский не похож на убийцу, но вполне мог случайно убить сестру. Если Маша, схватив пистолет Наташи, делала вид, что собирается застрелиться, он, вырывая оружие, мог случайно нажать на курок.

Эта версия казалась Далиле самой не правдоподобной. Ей трудно было представить Андрея даже случайным убийцей.

Хренов Сергей меньше всех замешан в этой истории, но убить Машу мог даже он. Мог именно потому, что он единственный не замешан в истории. Ведь Маша скрывала своего жениха, а Кроликов с Мискиным засветились. О них знали все, кроме Андрея. К тому же у Хренова алиби нет. Правда, нет и мотива. И на место преступления он последним пришел, после Замотаева и Наташи. И все же Далила оставила и его под подозрением.

А вот Замотаев имел очевидный мотив (бизнес! деньги!), но у него есть алиби. Впрочем, алиби его не стоит ломаного гроша. Наташа, защищая мужа, что угодно может сказать. К тому же Замотаев наверняка знал, что Маша убита из оружия его жены. Он что, не мог, как и я, наковырять из дерева пульт? Да и это не нужно. Наташа вообще могла сочинить сказочку про похищение пистолета. Если убийца она, тогда ясно, почему Замотаев купил себе алиби у постороннего человека. Кому Наташа, убив сестру, могла довериться?

Естественно, Замотаеву. Значит, он свел все концы, и точно знает, из какого оружия убита Маша Верховская.

Как только Далила пришла к этому мнению, она позвонила племяннику и спросила:

— Жека, как там дела с баллистической экспертизой?

Бонд виновато ответил:

— Никак. Я сильно занят, решаю еврейский вопрос.

Далила обрадовалась:

— Боречка Розенблюм из-за морей приезжает!

— Оне еще не приезжают, но уже собираются, — с доброй насмешкой сказал Евгений и, рассмеявшись, сообщил:

— Мой «розовый блюм» просил ту рухлядь, которую он называет машиной, привести в полный порядок, чем я усиленно и занимаюсь в свободное от отдыха время.

«Розовым блюмом», «лесбияном» и просто «розовым» Евгений называл друга Бориса за его «неиссякаемую слабость к слабому полу». Эта же слабость диктовала иметь под рукой машину, которую Бонду хронически приходилось чинить.

Далила пожалела племянника и сказала:

— По пулям даю отбой. И без экспертизы уже очевидно, что Маша убита из пистолета сестры.

— Радость какая! — воскликнул Евгений и, поперхнувшись, добавил:

— В смысле, горе какое!

Кто убийца? Морковкина? Наташа? Ее муж, Замотаев? Мискин? Кроликов? Хренов? Или...

Или все же Верховский?

День ото дня сомнения становились все мучительней. В конце концов Далила не выдержала и отправилась за советом к тетушке Маре.

Тетушка первым делом подробнее расспросила о Мальчике, своем «близком», «родном». Далила с гордостью рапортовала:

— Все произошло, как я и рассчитывала.

— Как именно, детка? — старательно нарезая пирог, осведомилась тетушка.

— Выздоровливает твой Пендраковский.

— Ах, детка, ты его вылечила!

Далила виновато пожала плечами:

— Не я, вылечил шкаф.

Брови тетушки изогнулись в изумлении.

— Вылечил шкаф? — поразилась она. — Шкаф?

Не ты? Как возможно такое?

— Да, вылечил шкаф, а не я, — усмехнулась Далила и подробнее рассказала, как ее антиквар выгодно продал шкаф, и как рад был Мальчик тире Пендраковский, и как он пошел на поправку: перестал видеть галлюцинации и прочее, прочее.

Тетушка была очень рада и благодарна племяннице. После этого Далила с чистой совестью приступила к рассказу о гибели Маши Верховской и о своих подозрениях. Тетушка по обыкновению слушала племянницу внимательно, не перебивая. Она со вкусом жевала свой любимый пирог. Изредка, ахая от удовольствия, она и травяной чаек попивала, и за весь рассказ однажды лишь оживилась, когда Далила смутно упомянула рецепт начинки фирменного пирога Верховских.

Тут тетушка отставила свой чай в сторону, надела очки и потянулась к тетрадке с рецептами — эта замусоленная реликвия всегда была у нее под рукой.

— Как-как ты сказала? — глядя на племянницу поверх очков, серьезнейше осведомилась тетушка. — Песочный с абрикосово-ликерной начинкой и все это щедро сдобрено фундуком? Очень интересный рецепт. А нельзя ли узнать его поподробней?

Далила тетушку огорчила:

— Нельзя. Бабушка передала рецепт Маше, а Маша, как известно, погибла.

— И бабушка умерла, — вздохнула тетушка Мара. — А сколько мальчикам тогда было лет?

— Двенадцать.

— Ах вот как. — Мара поджала губы и старательно записала в тетрадку рецепт.

Затем она потянулась к чаю и, улыбнувшись племяннице, попросила ее:

— Продолжай, деточка, продолжай.

— А в общем, и нечего уже продолжать, — развела руками Далила. — Я все рассказала.

Тетушка, закивав головой, пообещала:

— Я подумаю, деточка, я над этим подумаю. Задача весьма интересная. А с Вечным Принцем ты, похоже, права. Надо только его безошибочно отыскать. В этой компании он здорово спрятался, но начинка-то какова! Абрикосово-ликерная с фундуком!

Надо попробовать!

И далее речь пошла уже только о пироге. Тетушка в красках себе представляла, как она замесит песочное тесто — Мара знает секрет: особая рассыпчатость гарантирована — как его раскатает, как сверху положит начинку...

— Деточка, а какой же выбрать ликер? — неожиданно заходя в тупик, растерянно спросила она.

Далила, скрывая скуку, включила фантазию:

— К абрикосам, думаю, подойдет...

Тетушке не суждено было узнать ее мнение: в кармане Далилы запрыгал и зажужжал мобильный — перед поездкой к старушке Моцарт был отключен.

Приложив трубку к уху, Далила с изумлением узнала, что звонит Наташенька Замотаева — любимая подруга Бойцовой.

— Умоляю вас! — истошно вопила она. — Немедленно приезжайте! Спасайте! Спасайте меня!

Записав адрес, Далила поехала.

И поступила, надо сказать, весьма необдуманно.

Но удачно!

Глава 37

Что же произошло с Наташенькой Замотаевой?

Взбодренная советами психоаналитика Далилы Самсоновой и особенно Лизы Бойцовой, Замотаева решила взяться за ум. Поскольку в разумении Елизаветы «взяться за ум» и «заняться бизнесом» — одно и то же, Наташа прельстилась затеей и размечталась: «Ах, как клево самой капусту рубить, а не понтоваться перед жабистым „поедом“!»

Что в переводе на менее образный, русский, язык означает: «Ах, как хорошо самой на жизнь зарабатывать, а не зависеть от жадного мужа!»

Всем известно: как бы муж ни был щедр, все равно он ужасный жадина. А все потому, что мужская щедрость усиливает наши женские аппетиты.

Как только Наташа решила открыть свое дело, сразу вырос (или встал, как кому больше нравится) огромный вопрос: «Как им заняться, бизнесом этим? С чего начинать?»

В страшной тайне от мужа были опрошены все друзья: от Кроликова до Морковкиной, не исключая Боречки Мискина и Сереженьки Хренова.

Все в один голос твердили: «Лучше всего развивается тот бизнес, который произрастает на почве стойких желаний самого бизнесмена. И хорошо бы к желаниям иметь еще опыт».

Вооруженная бездной советов, Наташенька Замотаева поняла, что ее склонность ко лжи и может явиться превосходной почвой для бизнеса. С детских лет она ничего так не любила, как лгать. Хлебом ее не корми, а дай хоть чуточек приврать. Разумеется, с возрастом она поднаторела на этой сомнительной ниве и могла уже похвастаться недюжинным опытом.

— Может, мне писателем стать? — спросила она у Морковкиной.

Та искренне поразились:

— С каких таких хренов?

Наташенька пояснила:

— Я своими ушами слышала, как одна писательница (и между прочим, звезда) во всеуслышание заявляла: «Я бессовестно вру! Поэтому меня все и читают!»

Морковкина усомнилась:

— Ну-у, не знаю. Ты видела, сколько та звезда наврала? Километры вранья! Такое вранье, как ни крути, а все же работа. Ты же лентяйка у нас, напрягаться не любишь. Уж прости, тебе (даже с твоей бессовестностью)

не наврать столько, сколько эта звезда.

— Да, велика конкуренция, — согласилась Наташенька, — и работать совсем не хочется. Тем более что Мискин мне говорил: «Бизнес — это не работа, а наслаждение, которое приносит доход».

— Правильно говорил. Вон Кроликов, он же все равно будет махать кулаками, хоть плати ему, хоть не плати. Твой Замотаев платит ему и Гошей доволен. Ты слышала что-нибудь про карму? — вдруг деловито осведомилась Морковкина.

— Про карму? Слышала. А что это такое?

— Карма — это когда рано или поздно каждый пинок находит свою задницу, — просветила подругу Морковкина и компетентно добавила:

— Если верить индусам, у каждого человека есть эта карма, значит, работы у тебя непочатый край. У меня есть знакомая, так вот она, исправляя чужую карму, прикарманила уйму бабок.

Наташенька выразила сомнение:

— Надо, наверное, уметь ее исправлять, эту карму.

— А что там уметь? Ври себе в наслаждение и карман подставляй: по сто баксов за каждую карму. Скажем, придет к тебе баба, а ты ей с порога: «У вас на носу развод с мужем». Она в ужасе, а ты ей: «Карма у вас такая, но я могу ее быстро исправить». И сразу карман подставляй. Чем тебе не развлечение? — осведомилась Морковкина.

— Обалдеть! — пришла в восторг Замотаева. — Этот бизнес мне очень подходит!

И она шустро последовала совету подруги. Первым делом Наташенька сняла меблированную квартиру под офис: трехкомнатную, в жилом секторе, в спальном районе — там намного дешевле.

Вторым делом она дала объявление: гадаю, снимаю порчу, предсказываю судьбу, делаю приворот, отворот, карму чищу и исправляю, снимаю венец безбрачия и надеваю его на головы ваших лучших подруг, а также оказываю психологическую помощь всех видов. И все это по самым низким расценкам.

Несколько дней в черном халате, усыпанном золотыми и серебряными звездами, она валялась в спальне офиса на широкой кровати. Кровать была хуже привычного восточного дивана, но зато на ней было не скучно: Наташенька увлеченно на звонки отвечала.

Правда, пока безрезультатно. Клиенты почему-то валом не повалили, как обещала Морковкина.

Зато насторожился муж, Замотаев. И нешуточно, надо сказать, насторожился: прислуга ему донесла, что жена повадилась уходить

ежедневно из дома. И лишь перед самым приходом его возвращается.

Павел Замотаев нанял лучшего детектива и приказал ему следить за женой, а если что-то крамольное вдруг откроется, немедленно вызывать!

Прям-таки срочно!

Самолично хотел над Наташенькой расправу чинить — супружеским своим кулаком!

Разумеется, в случае, если жена окажется уличена в безобразной измене. Замотаев был не из тех практичных мужчин, которые, узнав, что супруга им рога наставляет, лишь радуются: «Зато теперь будет чем упираться!»

Так вот, бдительный детектив свою службу несет: следит за Наташенькой Замотаевой, она — свою: в офисе на кровати валяется, модные журналы листает и по телефону трещит с будущими клиентами.

Так продолжалось до тех пор, пока детектив не заметил крамолу: в известную нам квартиру вошел мужчина симпатичной еврейской внешности. Причем мужчина вошел почти следом за Наташенькой и не постучал в дверь, а открыл ее своим же ключом, вынутым из кармана.

Можно представить, как разволновался наш детектив и что он немедленно сделал: разумеется, вызвал супруга Наташеньки, Замотаева Павла.

Тот яростно гаркнул:

— Еду!

И, прихватив Гошу Кроликова, в самом деле поехал — даже помчался.

А Наташа тем временем, не подозревая о сгущающихся над ее красивой головкой тучах, беззаботно на кровати лежала. Она была в рабочей одежде: в черном со звездами халате — халат, разумеется, с огромным карманом, все, как советовала подруга Морковкина.

Да, надо еще добавить, что лежала Наташенька босиком. По дороге в офис какой-то болван (она знатно его обругала!) обдал грязью ее чулки. Пришлось их постирать и в ванной повесить.

По этой причине Наташенька лежала босой. Не зная о приходе симпатичного мужчины еврейской наружности, она журнальчик листала и поедала европейский пористый шоколад в ожидании очередного звонка будущего клиента.

А симпатичный мужчина еврейской наружности был не кем иным, как Боречкой Розенблумом — «розовым блюмом», другом Бонда Евгения, единственного племянника Далилы Самсоновой. Вот такие бывают иной раз совпадения.

Боречка Розенблум прибыл на Родину и не вошел, а влетел в свою

родную квартиру на крыльях любви — уж простите за несвежесть метафоры, но он действительно влетел на этих, широко разрекламированных Бендером крыльях. И квартиру свою Боречка Розенблюм никогда никому не сдавал, потому что эта квартира была нужна ему самому. Особенно в этот счастливый день.

Чем этот день был счастливым, спросите вы — отвечаю: его «сладкая курочка» наконец-то сдалась!

Нет, не в том смысле, что она согласилась отдаться — этим, пожалуй, никого уж не удивишь, даже скромного Розенблюма. Все гораздо сложнее — русская «курочка» согласилась стать настоящей еврейской женой. Она решила принять веру мужа, во всем с ним соглашаться, поучая его на каждом шагу, говорить во сто крат больше мужа, готовить мацу, рыбу фиш и прочее, прочее, прочее.

Можно представить, какая еврейская жена получится из русской девушки, когда и из еврейских девушек получают чрезвычайно русские жены.

Возникает вопрос: как вляпался Розенблюм в такое безмерное счастье?

Отвечаю: сделала Боречку счастливым его собственная машина, которая то и дело ломается. По этой причине, перед тем как покинуть одну Родину ради другой (Розенблюм уезжал в Израиль), он случайно встретил женщину своей мечты — «сладкую курочку».

После пятиминутной беседы в метро «курочка» ему отдалась.

Ну не в метро, конечно, а в квартире Боречки Розенблюма, куда он ее повел уже как свою «сладкую курочку».

Увы, на следующий день абсолютно счастливый Боречка вынужден был покинуть-таки свою «сладкую курочку», он уехал на Родину.

Дни разлуки тянулись мучительно — для него, не для «курочки». После долгих месяцев телефонной любви «сладкая курочка» — бывают же чудеса! — согласилась выйти за Боречку замуж.

Вдруг взяла и согласилась!

На радостях помутившийся разумом Боречка снова покинул Родину (значительно раньше намеченного).

И вернулся на Родину. И вот он, сладчайший миг, в его родную квартиру с минуты на минуту должна явиться ненаглядная «курочка» — уже на правах хозяйки.

При таких обстоятельствах Боречка рысью помчался в ванную — надо же привести себя в надлежащий порядок с дороги. Раздевшись догола, он принял душ, но вместо полотенца обнаружил на вешалке чулки Наташеньки Замотаевой.

С этими чулками Боречка Розенблюм и потопал в спальню. Изумленно рассматривая на ходу кокетливую находку, он растерянно думал: «Что бы это могло быть? И как попало оно в мою квартиру?»

После этой святейшей мысли он распахнул дверь собственной спальни и был насквозь пронзен нечеловеческим женским визгом.

Нельзя не заметить, что для многих мужчин слова «нечеловеческий» и «женский» — синонимы. Если для вас это не так, значит, вы некоторый мужчина или, простите, женщина.

Так вот, Боречка был насквозь пронзен нечеловеческим женским визгом — визжала Наташенька Замотаева.

А что еще ей оставалось делать, если на пороге спальни ее офиса нарисовался совершенно голый мужчина симпатичной еврейской наружности?

Наташенька так неистово и громко визжала, что Боречка вынужден был к ней немедленно присоединиться. Казалось, ничто на свете не может заглушить два этих вопля, собранных воедино таинственной кармой. ан, нет, понапрасну казалось: их легко заглушил стук, вернее, грохот. В дверь кулаками-ногами тарабанили Замотаев и его телохранитель, Кроликов Гоша.

Парализованные грохотом Наташенька с Боречкой замолчали и мигом оказались во власти сонма вопросов.

— Вы кто? — спросил Боречка.

— А вы кто? — ответила Замотаева.

— Я хозяин квартиры!

— А я хозяйка!

Пока они препирались, Замотаев и Кроликов устали в дверь тарабанить и решили обойти дом с другой стороны — вдруг там окажется пожарная лестница?

Едва они вынеслись из парадного и на сумасшедшей скорости завернули за угол, как в то же парадное впорхнула Марина Морковкина.

Да-да, Марина Морковкина — не удивляйтесь, а привыкайте. Вас еще много ждет совпадений.

Глава 38

Марина Морковкина, цокая каблучками, проследовала к квартире Боречки Розенблюма. Вооружившись ключом и поколупавшись им в замочной скважине, она впорхнула в квартиру.

— Петушок мой ненасытный! Где ты? Пришла я, твоя сладкая курочка! — кокетливо прокричала она, на цыпочках устремляясь к спальне.

Не могу не заметить, что устремлялась она, времени не теряя: на ходу срывала с себя одежду, которой и без того было мало — только плащ, блузка, юбка. Нижним бельем «сладкая курочка» вообще не обременяла себя.

Услышав зов Марины Морковкиной, Наташенька с Боречкой насторожились.

— Немедленно уходите отсюда! — против всех своих правил, грубо приказал непрошеной гостье Боречка, стягивая с кровати одеяло и пытаясь прикрыть им свою наготу.

— Куда я пойду? — возмутилась Наташенька, срывая с него одеяло. — Это вы уходите отсюда!

— Нет, вы!

— Фиг вам, нет, вы!

И вот в этот напряженный момент на пороге спальни вырастает «сладкая курочка», Наташеньке больше известная как ее подруга Марина Морковкина.

Теперь взглянем на место событий глазами Морковкиной. Эта «сладкая курочка» (уже в чем ее мать родила) на цыпочках крадется к спальне. Что же она там находит?

Ее кобель Боречка стоит голый (одни чулки висят на плече женские) перед шалавой Наташкой, которая мало что совершенно босая, так еще и в домашнем халате! В халате с дурацким огромным карманом! Где она только безвкусицу эту взяла, беспросветная дура!

Ишь, что удумала! Мало ей, наставлять рога козлу Замотаеву, так она еще и за подруг принялась? Ну, да не на ту эта стерва нарвалась!

— Ах ты сучка! — , закричала Морковкина, цепко запуская свои коготки в прическу Наташеньки Замотаевой.

— Сама сучка! — закричала та, не оставаясь в долгу.

— Вы знакомы! — изумленно выдохнул Боречка, снова пытаясь прикрыть свой срам одеялом.

Но как бы не так. Его «сладкая курочка» одеяло немедленно сорвала, презрительно вопросив у подруги:

— Как ты с этим дерьмом в кровать, дура, легла?

— Я не дерьмо, — опять попытался прикрыть себя одеялом Боря.

На этот раз помешала ему Наташенька Замотаева.

С криком: «Да я с ним не ложилась!» — она зверски сорвала одеяло и бросила на пол.

Морковкина изумленно воззрилась на Боречку, огорошив беднягу вопросом:

— Ты уже стоя любишь?

Ответить тот не успел. Точнее, ответ его заглушил стук в дверь, даже, пожалуй, грохот.

— Открой, сука! Открой! Ты здесь! Я это точно знаю! — таким вот неприличным образом вопил ошпаренный ревностью Замотаев.

— Ха-ха! Муженек наш пришел! — возликовала Морковкина и злорадно Боречке приказала:

— Немедленно открывай!

Наташенька Замотаева схватилась за голову и взмолилась:

— Не открывайте! Не надо! Это мой муж!

Вновь упакованный в одеяло Боречка, направляясь к двери, удивился:

— А почему я должен вашего мужа бояться? Мы с вами совсем незнакомы.

— Вот почему! — воскликнула Наташенька Замотаева, в который раз срывая с него одеяло и обнажая все его мужское достоинство. — Вот почему!

От глупого действия любимой подруги Марина Морковкина пришла в полный восторг.

— Правильно! — закричала она. — Пусть этот лох таким и чешет в прихожую! Твоему Замотаеву вид его очень понравится!

Не имея понятия, о каком лохе идет речь, Боречка Розенблюм поинтересовался у своей «сладкой курочки»:

— А мне что же делать? Открывать дверь или не открывать?

— Открывай! Открывай! — и словами, и пинками подсказала ему Морковкина.

А Наташенька замахала руками:

— Нет-нет! Не открывай!

Боречка опять укутался в одеяло и поплелся дверь открывать — тем более что Замотаев яростным ревом требовал примерно того же. Примерно, потому, что он-то уже хотел дверь с петель сорвать, но, если откроют, тоже

неплохо.

Так вот, Боречка поплелся дверь открывать, а Морковкина (в чем мать родила) устремилась за ним — надо же посильней натравить на подругу ее муженька-рогоносца. А Наташенька от отчаяния забила в шкаф Розенблюма.

«Сладкая курочка» и ее «петушок ненасытный» были уже в двух шагах от двери, когда Кроликов Гоша, увидев бесплодность стараний шефа, решил ему подмогнуть своим звериным ревом.

— Натаха! Блин! Открывай! — заорал он. — Мы знаем! Ты здесь! Не откроешь, с дверью зайдём!

От этого ора Марина Морковкина так затряслась, словно ее подключили к розетке.

— Не открывай! — панически зашипела она своему «ненасытному петушку». — Ни в коем случае не открывай!

— Но тогда они дверь мою вынесут, — испугался хозяйственный и еврейски рачительный «петушок», решительно направляя руку к замку.

Марина Морковкина схватилась за голову и в отчаянии кинулась к шкафу. Распахнув одну из дверей, она увидела Наташеньку Замотаеву, трясущуюся от страха в углу и кутающуюся в свой звездный халат.

Морковкина плюнула на подругу, сказала ей правду в лицо: «Дура ты!» — и полезла в другую дверь. Там она затряслась от страха совершенно голая: халата ведь не было у нее.

А Боречка Розенблюм открыть замок не успел: дверь заходила вдруг ходуном и с чудовищным треском начала выползать из коробки, падая на него. Охваченный паникой Боречка бросил свое одеяло и понесся...

Конечно же, в спальню. Проходя проторенной тропкой, он попытался забиться в свой шкаф, но все места были заняты гостями. Бедному хозяину квартиры ничего другого не оставалось, как лезть под кровать. И едва он туда протиснулся, как стены его квартиры задрожали уже от крепкого русского мата: обманутый муж делился с миром своими ужасными впечатлениями.

А Гоша Кроликов впечатлениями не делился. Подбирая с пола одежду, разбросанную его гражданской женой Мариной Морковкиной, он был растерян и непривычно задумчив: "Где я мог эту гадость видеть?"

И запах духов какой-то знакомый? Фу! Ну и вонь!"

С этими мыслями он и ввалился в спальню, где с диким ревом метался пришпоренный ревностью Замотаев. Гоша Кроликов оказался ловчей: он не стал бестолково бегать по комнате, а проследовал к шкафу и решительно распахнул ближайшую дверцу. И ахнул.

И злорадно заржал. Во чреве шкафа, свернувшись клубочком, тряслась Наташенька.

— О сука! Так я и знал! — взревел Замотаев, заноса карающий кулак над женой.

Кроликос повел себя как настоящий мужчина: он кулак перехватил и спокойно сказал взбешенному другу:

— Пашка, не смей бить слабую женщину.

А Наташенька неслабо совсем завизжала:

— Пашенька! Это совсем не то, что ты думаешь!

И глазами многозначительно указала налево.

Охваченный нетерпением, Замотаев распахнул левую дверцу и, увидев сиськи-письки Морковкиной, ахнул. И злорадно заржал. И «сладкая курочка» сидела, свернувшись клубком, только халатика на ней не было, что делало ее позу значительно живописней.

Качок Гоша Кроликос, увидев гражданскую свою жену в невысмыслимо «живописной» позе, почувствовал себя оскорбленным. Почему-то его это разозлило. С воплем: «Лесбиянка!» — он занес кулак над Морковкиной, но Замотаев на радостях (все же лесбиянка лучше, чем б...дь) повел себя как настоящий мужчина.

Он повис у Кроликова на руке и призвал:

— Не смей бить слабую женщину!

Морковкина завизжала вовсе не слабо:

— Гошенька! Это не то, что ты думаешь!

И давай стрелять глазками под кровать.

Но брутального Гошу трудно отвернуть от намеченной цели. Несмотря на старания Замотаева, его кулак немедленно встретился с глазом Морковкиной.

И не раз!

Шеф Замотаев, взбешенный бунтом своего подчиненного, грозно воскликнул:

— Кроликос! Ты уволен!

Но Гоше было не до него: он уже лежал на полу и тянул Боречку Розенблюма за ногу из-под кровати.

И вытянул!

Совершенно обнаженного Боречку!

Факт его обнаженности был значительно отягощен чулочками Наташеньки Замотаевой — чулочки таинственным образом продолжали висеть на голом его плече.

Когда преисполнившийся было доверием Замотаев увидел на плече

безобразно раздетого еврея дорогие чулочки своей жены (сам Наташеньке покупал!), он растерянно взвыл:

— Это что же здесь, групповуха у вас?

Морковкина пискнула:

— А тебе что, рогоносец, завидно?

А Наташенька сдуру добавила масла в огонь, просветив муженька:

— Пашенька, я не то, что ты думаешь! Я тут работаю! Это мой бизнес!

— Ах вон оно что! — взревел Замотаев, прощаясь с последней надеждой. — Так ты проститутка?! По вызову?! Убью, сука! Убью!

И сразу всех обманул: бросился убивать не жену, а ни в чем не повинного Боречку Розенблюма.

И вот тут-то Боречка всех поразил. От страха в его хлипком теле обнаружили такая сила и мощь, что Замотаев с его горой мышц в два счета был повержен и уложен лицом в грязный пол — сам же поверженный и затоптал пол башмаками.

Наташенька, увидев, как неудачно повернулись дела, достала из кармана халата мобильный и принялась Бойцовой Лизе звонить: звать ее в свидетели своей чистоты, а заодно и на помощь.

Замотаев же лежать лицом в пол не захотел и принялся звать на помощь телохранителя — звал, правда, грубо:

— Кроликов! Сволочь! Какого рожна стоишь? Почему не спасаешь?

— Я уволен, — злорадно напомнил Кроликов, с удовольствием созерцая милую глазу картину.

А Боречка Розенблюм по доброте душевной решил утешить поверженного Замотаева.

— Я незнаком с вашей женой, — сказал он, все же не слезая с его спины. — Я сам был удивлен, когда обнаружил ее здесь, на своей постели.

— А с кем ты знаком? — прозревая, спросил Кроликов. — С этой?

Он брезгливо указал на Морковкину. Морковкина, учуяв в воздухе дух керосина, выскочила из шкафа и начала срывать с подруги халат. Халат, который недавно так ругала. Наташенька, разумеется, расставаться с халатом решительно не хотела. Внезапный бой закончился прополкой волос — причем с обеих красивых головок.

И все же Морковкина не смирилась. Желая хоть что-то у подруги урвать, она схватила ее мобильный.

С ужасом глядя на потирающего кулаки Кроликова, она вспомнила, что такие же есть только у Джеймса Бонда. Ему-то она и позвонила. Крикнув:

— Женечка, выручай, я на Блохина, дом два, квартира тринадцать, —

Морковкина поступила в полное распоряжение своего гражданского мужа Кроликова.

Впрочем, много ей не досталось — обозлившийся Кроликов раздавал тумаки сразу всем: шефу, Боречке, Наташеньке и в последнюю очередь своей Морковкиной. Уж ей он всегда успеет.

Когда Наташенька Замотаева почувствовала на своей белой щечке тяжесть вздувающегося фингала, она уползла подальше от Кроликова и уже с розенблюмовского телефона вызвала для надежности еще и Далилу Самсонову — уж та, стерва, и мертвого уговорит с ее психоштучками.

Таким образом в качестве подкрепления оказались вызваны силы, способные только усугубить вражду сторон. Первой прибыла Елизавета Бойцова у Кроликов с ходу врезал ей в ухо и сообщил, что она очень вовремя, Наташа с Морковкиной лесбосом уже занялись.

— Фу! Сейчас я сблюю! — воскликнула Елизавета, приверженка классической сексуальной ориентации.

Но, поскольку драка не останавливалась, она не выполнила своего обещания. Возбужденная духом войны, Бойцова с отвращением набросилась на Замотаеву и Морковкину и начала бить обеих.

За этим занятием ее и застал Джеймс Бонд. Увидев, как Елизавета Бойцова расправляется с Мариной Морковкиной, желанной всему его организму, Бонд возмутился и культурно начал дам разнимать. И тут же получил в ухо от Кроликова. И вдогонку под дых от Замотаева.

Бонд не упал, а удивился:

— У кого это такой приличный удар?

Оглянувшись, он с изумлением обнаружил своего лучшего друга, Боречку Розенблюма. Совершенно голый, он дрался как лев сразу со всеми.

— Борька, — ликуя, воскликнул Бонд, — а ты как здесь оказался?

— Это же моя квартира! — напомнил Розенблюм, посылая налево-направо удары.

— Твоя?

Бонд осмотрелся и усек то, чего по запарке не понял: ведь Морковкина Борькин адрес ему назвала.

Выходит...

Евгений прозрел:

— Марина! Ты же клялась!

Кроликов сообщил:

— Она всем клянется!

— Мне она тоже клялась! — подтвердил Розенблюм.

И немедленно получил в ухо от Бонда. И второй раз! И третий! Бонд

славился своим трудолюбием.

За этим занятием и застала племянника напуганная Далила. Когда она ворвалась в спальню, Евгений колошматил Боречку Розенблюма, сопровождая каждый удар стихами:

— Будешь знать, как Морковкиных отбивать!

— Ах ты, щенок! — возмутилась Далила, набрасываясь на племянника. — Не смей бить Боречку! Он больной!

Бонд поразился:

— Тетушка! Ты против меня?

— Я за Боречкино здоровье волнуюсь! — пояснила Далила.

На самом деле ей гораздо сильнее было обидно чувствовать себя одураченной. Племянник солгал: он утверждал, что не спит с Морковкиной, а сам, оказалось, спит.

К этому открытию Далилы прибавилось еще много открытий. Во-первых, друзья (Бонд и Розенблюм), дружески откровенничая по телефону (и сами не подозревая о том), рассказывали о любви к одной и той же девушке, к прохвостке Марине Морковкиной.

Факт возмутительный!

Во-вторых, Бонд спал не только с Морковкиной, но и с Лизой Бойцовой. Иначе с чего бы она набросилась на Евгения, как только сообразила, кто его вызвал.

В-третьих, с Морковкиной спали все мужчины, дерущиеся в этой комнате, — не исключая и Замотаева.

Когда Наташенька прозрела, узнав о неверности мужа, она закричала:

— Подлец!

И немедленно скооперировалась с Кроликовым против своего Замотаева и лучшей подруги. Бонд встал на защиту Морковкиной, Далила — на защиту Бонда, Елизавета Бойцова — на защиту обоих.

С этого момента сражение начало обретать угрожающе стройный вид, а мебель послужила воюющим сторонам баррикадами. По одну сторону баррикад сражались Кроликов, Наташенька и Боречка Розенблюм, по другую — Морковкина, Бонд, Бойцова, Далила и Замотаев.

Впрочем, Замотаев филонил. Он сообразил, что глупо попадать под кулаки собственного телохранителя.

А разъяренного Боречку он боялся еще сильнее. Таким образом Джеймс Бонд сражался один против друга и Кроликова. Пока он стоял, но силы были уже на исходе. Морковкина, Бойцова и даже Далила не помогали ему, а только мешали.

И вот тут-то Боречка Розенблюм, неожиданно рухнув, громко и

отчетливо произнес свою знаменитую фразу.

«Евреи, китайцы и русские только думают, что они разные, а на самом деле все они одинаковые», — сказал он.

И все восхитились.

И рассмеялись.

И ничего не поняли, но, сраженные логической задачей, заданной Борей, все осознали, что устали, и повалились там, где стояли.

Если честно, до сих пор не знаю и я, что имел в виду Боречка Розенблюм. Он — русский еврей, значит, ему виднее, приходится верить. Однако фраза его и меня привела в восхищение. Должна признаться, эта книга написана ради одной этой фразы.

Глава 39

Какое-то время компания, тяжело дыша, находилась в прострации.

Первой очнулась Далила.

— Если в ходе сражения я правильно поняла, то Наташа сняла под офис квартиру нашего Бори? — спросила она (почему-то у Бонда).

Тот потряс головой:

— Лично я ничего не понял.

Начали разбираться, и Замотаев с восторгом узнал, что Наташу его обманули.

Кроликов призадумался. Угадав ход его мыслей, Далила воскликнула:

— Обман этот слишком похож на другой обман!

Кое-кто знает, о чем идет речь!

Кроликов подтвердил:

— Я, кажется, знаю. Сам так же накололся недавно.

Далила перевела взгляд на Замотаеву:

— Наташа, кому вы говорили, что собираетесь снять квартиру под офис?

— Всем, — призналась она и, подумав, добавила:

— Всем, кроме мужа.

Далила уставилась на Розенблюма:

— А ты, Боречка?

Тот растерянно сообщил:

— О том, что уезжаю, многие знали, а о том, что приезжаю, никто. Даже Жека.

Бонд возмущенно фыркнул, а Боречка, запнувшись, добавил:

— Знала только куроч... Ой, Марина.

— Значит, так, — деловито сказала Далила, доставая из сумочки дешевый блокнот, — я раздам вам листки бумаги, а вы отобразите-ка мне круг ваших знакомых.

Замотаев с усмешкой поведал:

— Тогда мне не хватит листка.

— А вы пишите самых старых знакомых, — посоветовала Бойцова.

Все написали и, как прилежные ученики, сочинения сдали Далиле.

В результате анализа выяснилось, что у Бориса Розенблюма, Морковкиной, Кроликова и четы Замотаевых есть только один общий знакомый: некий Кирсанов Олег.

— А кто он такой? — спросила Далила.
Боречка радостно сообщил:
— Бизнесмен и очень хороший парень.
— Нужный человек, — согласился с ним Замотаев.
— Совершенно бесполезный, — возразила Морковкина и пояснила Далиле и Елизавете Бойцовой:
— Кирсанов отпетый гомик.
Наташенька подтвердила:
— Да он этого и не скрывает.
Кроликов презрительно пожал плечами:
— Гей не гей, но я при встрече руки ему не подаю, хоть мы никогда и не были в ссоре.
В голове у Далилы пронеслось: «Наполеоновский шкаф с любовниками!»
Она задумчиво подытожила:
— Ясно.
И, быстро набрав номер сотового Пендраковского, спросила:
— Валерий Гаврилович, вы знакомы с Олегом Кирсановым?
Мальчик обрадовался не хуже Боречки Розенблюма — вот они, милые доверчивые люди: как их легко обмануть.
Валерий Пендраковский с напором заверил:
— Конечно, знаком! Олег классный парень! Он мой друг и бизнесмен!
— Спасибо, — сказала Далила и, укладывая трубку в карман, добавила:
— Если Кирсанов окажется другом и Артура Велюровича, тогда я, кажется, знаю, кто Машу убил.
Наташа и муж ее, Замотаев, хором воскликнули:
— Кто?
Елизавета с Морковкиной изумленно переглянулись, а Кроликов с Бондом спокойно осведомились:
— Артур Велюрович, это кто?
— Погибший антиквар, который первым пришел к Мальчику тетушки Мары, — сказала Далила, устремляясь в антикварную лавку.
Бойцова уставилась на Евгения и спросила:
— О каком мальчике идет речь?
Тот пояснил:
— Тебе же сказали, о мальчике тетушки Мары. Хотя откуда у нашей тетушки мальчику взяться? — тут же задался вопросом Евгений.
— Вот именно! — с чувством собственной правоты заявила Бойцова.

А Далила на всех парусах (точнее, на лошадиных силах своего нового «Форда») неслась в антикварную лавку — бывшее рабочее место покойного Артура Велюровича. Там, включив все свое обаяние, она выпытала у менеджера, что Артур Велюрович действительно был знаком с Олегом Кирсановым. И перед самой своей гибелью он действительно встречался с Кирсановым.

С этой новостью Далила отправилась к Андрею Верховскому.

— Маша знала Кирсанова? — с порога спросила она.

Верховский удивленно попятился:

— Знала.

— Он у вас в доме бывал?

— Иногда. Очень редко.

— Все ясно! — рухнула в кресло Далила. — Все ясно!

Трагизм ее голоса Верховского напугал.

— Что вам ясно? — воскликнул он.

Далила вздохнула, закатила глаза и...

Ответить она не успела: в кармане под рондо затанцевал, запрыгал мобильный. Звонила тетушка Мара:

— Деточка, кажется, я решила твою задачку. Она довольно проста...

— Ты решила? Так быстро? А я?

От обиды Далила заплакала.

Тетушка все же продолжила:

— Верховскую Машу убил....

— Да знаю я, — всхлипывая, отмахнулась Далила. — Знаю теперь и я, убийца Кирсанов Олег.

— Кто-кто? — поразила тетушка Мара.

— Кирсанов, — повторила Далила, кончиком пальца осторожно вытирая глаза.

— А кто он, этот Кирсанов?

— Все думают, что он бизнесмен, а он гей и вообще криминальный тип. Затесался в приличное общество...

Тетушка рассерженно перебила племянницу:

— Деточка, не говори ерунды. По-твоему, Маша влюбилась в гея? К тому же я точно знаю, кто Вечный Принц.

— Кто же? — с тревогой спросила Далила, немедленно прекращая плакать.

— Хренов. Сережа Хренов. Он так и не стал Королем. Я навела справки о его фирме. По сути, там только офис. Фирмы нет никакой.

— Убийца Сергей?

— Именно. Он Машу убил.

На глазах пораженного Верховского Далила вскочила и, размахивая трубкой, несколько раз возбужденно воскликнула:

— Ну, надо же! Надо же! Надо же!

Потом она снова рухнула в кресло и продолжила разговор с тетушкой Марой уже спокойно.

— С чего ты взяла, что убил Машу Хренов? — спросила она.

Тетушка Мара (явно жуя) сообщила:

— В этом помог мне пирог. Сразу возник вопрос: когда это Хренов к фирменному пирогу Верховских успел прикраситься? Ведь он вошел в их компанию, когда бабушка уже умерла, а Маша редко пирог пекла.

Я начала думать, зачем он это сказал? И поняла, что Хренов всеми силами пытался влиться в компанию.

Наверняка он врал не впервые. Я абсолютно уверена: нет у него родственников-дворян, нет дядюшки-шишки в Кремле. И проверь, пожалуйста, на какие средства существует его фирма. И еще, ты же сама говорила, что Маша незадолго до смерти тоже попала в странные обстоятельства. И Галина попала твоя, которая с Кроликовым задружила.

Далила с гордостью вставила:

— Теперь не только Галина. И я это воедино свела.

Маша тоже снимала помещение под офис, и ее обманули.

Тетушка похвалила племянницу:

— Умница! Кроликов, Мискин, Замотаевы — они все как на ладони. Вот их соседи, вот их родственники и друзья, а так ли обстоит дело с Хреновым? Вовсе не так. Он подозрительный тип, этот Хренов. И, уж конечно же, именно он Вечный Принц. Даже компания его богатых друзей не помогла ему стать Королем. Так что, деточка, будь осторожна с этим Сергеем Хреновым, — заключила тетушка и всполошилась:

— Чем это пахнет? Ой! Кажется, пригорел мой пирог!

Далила, окаменев, сидела с трубкой в руках и бесцельно гипнотизировала пространство. Верховский не отставал от нее — ему было даже хуже. Пауза длилась долго. В комнате воцарилась звенящая тишина.

Прокрутив в голове все «за» и «против», Далила наконец очнулась и вспорола тишину грубым словом:

— Черт!

— В чем дело? — плохо соображая, поинтересовался Верховский.

— Мара снова опередила меня! — пожаловалась Далила. — Как я сразу не догадалась, что убийца Хренов Сергей! Точнее, я сразу догадалась, что Хренов убийца! Но потом другие меня отвлекли на себя! А тетушку

трудно сбить с правильного пути!

— Хренов убийца? Не может быть! — воскликнул Верховский. — Не смейте при мне этого говорить!

— А если я докажу?

Он растерялся:

— Ну, не знаю.

— Хренов знаком с Олегом Кирсановым?

— Конечно, Серега и познакомил с Олегом всех нас.

— И как вам этот Олег? — осведомилась Далила.

Верховский пожал плечами:

— Если честно, он мне не нравится.

— А Хренов с ним дружит?

— Да нет, не очень, скорей он боится Олега. Во всяком случае, так мне показалось.

Далила вскочила:

— Поехали к Хренову!

Верховский отпрянул:

— Зачем?

— Буду на пушку Хренова брать, а вы мне подыграете. Скажете, что Маша была беременна, что вы держали это в секрете, но не поскупились, сделали тогда дорогую генную экспертизу зародыша и можете точно установить, кто был отцом. Причем, скажете Хренову, что после моего расследования подозреваете его и намерены это проверить. Пусть он сдаст на анализ кусочек собственной кожи.

— Это гадко! Я не буду этого говорить! — возмутился Верховский.

— Если действительно хотите узнать, кто вашу Машу убил, будете, — твердо сказала Далила.

Он сник:

— Я согласен.

Глава 40

Галина все не звонила — не могла простить Самсоновой Кроликова, страшно обиделась на подругу.

Далила несколько раз звонила сама, но Семенова вредничала и не снимала трубку. В конце концов Далила решила, что она крестная мать и имеет полное право видеться со своей крестной дочерью. Дождавшись субботы, она купила Галине торт со взбитыми сливками, Ангелине — красивых игрушек и отправилась в гости.

Но дверь ей никто не открыл.

«Гуляют в парке!» — догадалась она и, обвешанная коробками, бегом устремилась в парк.

Подругу Далила увидела издалека. Одинокая Галина сидела на лавочке в грустной задумчивости. Рядом топотала ножками Ангелинка. Она деловито мела по асфальту прутиком — излюбленное занятие девочки.

Обрадовавшись, Далила хотела позвать их, но передумала. Она заметила вдалеке хорошо знакомого ей незнакомца — того, который принимал у Галины роды. Незнакомец не видел Далилу. Он осторожно выглядывал из-за дерева — явно следил за Семеновой и Ангелиной.

«Очень хорошо, пока он следит за Семеновой, я за ним послежу. Узнаю номер его машины, а заодно и адрес, и имя...»

Едва Далила подумала так, как заверещал мобильный: кружащее рондо на этот раз превратилось в бравурный марш и играло громче, чем военный оркестр.

«Вспугну его, незнакомца!» — ужаснулась Далила.

И спешно повернула со всеми своими коробками к тетушке Маре.

На бегу извлекла телефон, глянула на дисплей:

— Куськин звонит! Мать его, испортил мне все!

Зло припечатала к уху трубку и со смехом подумала: «Еще хуже, звонит Куськина мать!»

И пошел обычный деловой (и, увы, бесконечный) разговор: «Да, Генриетта Карловна!» — «А что?» — «Нет ничего!» — «Ваш сын, разумеется, лучше всех!» — «Хорошо, я вас жду...»

Так с Куськиным (точнее, с мамой его) к тетушке и вошла.

Тетушка категорически отказалась от торта, зато долго и с интересом рассматривала игрушки — подарки для Ангелины.

— Помиритесь вы, не переживай, — успокоила она племянницу.

— Я желаю Галке только добра, — начала с жаром оправдываться Далила. — Семеновой надо замуж, нужно порядочного мужчину искать, а она тратит время на всяких там Кроликовых!

Тетушка посоветовала:

— Вот и скажи это ей.

Далила хлюпнула носом:

— Она трубку не поднимает. Представляешь, сейчас видела в парке интересную сцену: тот мужчина, который роды принимал у Галины, за ними следит.

— Это хороший признак, но ты уверена, что он нормальный?

— Ой, уверена, и, пожалуйста, не начинай, — рассердилась Далила и, передразнивая тетушку, произнесла:

— Знаю, ты бы позвала «милиционэра».

Тетушка обиженно вставила:

— Милиционэр никогда не помешает.

— Но и не поможет. Ты от жизни отстала.

Тетушка удивилась:

— Если ты так в нем уверена, почему убежала? Почему не осталась и не последила?

Далила с досадой призналась:

— Как я могла за кем-то следить? Я была вся в коробках! Меня за квартал было видно! А с Куськиной матерью даже и слышно! Я привлекала к себе внимание!

— Ох, ну не знаю...

Разговор оборвал сам Моцарт — «Тили-тим, тилитим», — мобильный опять изобразил его знаменитое рондо.

Далила схватила трубку, глянула на дисплей и радостно констатировала:

— Это она! Галина!

Тетушка Мара кивнула с довольной улыбкой и все же поморщилась — она терпеть не могла трезвона, даже если трезвонил сам Моцарт. Далила извинилась и, сжимая в руках трубку, торопливо ей пояснила:

— Прости, не собиралась к тебе, потому и не отключила сигнал звуковой..

Тетушка осталась удовлетворена: хорошо воспитала племянницу, лишь извинившись, она всецело отдалась разговору с подругой.

Впрочем, как раз говорить Далиле и не пришлось.

Она только слушала.

— Далька! Представляешь! Он опять мне позвонил! — оживленно

затрещала Галина. — Вот только что!

Мы с Линкой с прогулки вернулись, и сразу звонок! Он!

Представляешь! Нам позвонил! То есть мне! Сначала, как раньше, лишь дышал в трубку, а потом, когда я начала жаловаться, заговорил! Он заговорил! Далька! Кажется, я счастлива! Приезжай! Соскучилась, как...

— Я тоже, — прервала ее Далила.

Схватив торт и игрушки, она понеслась к Семеновой. Подруги долго расцеловывались и объяснялись, кто сильнее соскучился, после чего Галина несколько раз восторженно повторила рассказ. Когда она наконец иссякла, Далила хотела приступить к своим новостям, но Галина настороженно спросила:

— А что у тебя с Кроликовым?

— Ничего нет, и быть не могло.

— Да ладно, я так, без задних мыслей.

— Знаю, — усмехнулась Далила. — У тебя все мысли передние. Твой Кроликов мне не нужен, я тебя от него спасала. Куда такой отец Лине? Крестной моей доченьке! Ну его! Пусть живет этот Кроликов (брак своих знаменитых родителей) с Мариной Морковкиной. Они одного поля ягоды.

— Кроликов не ягода, Кроликов фрукт, — уточнила Галина.

— А Морковкина овощ, — рассмеялась Далила и тут же, пока подруга снова не перебила ее, похвастала своей победой:

— Я узнала, кто убил Машу Верховскую!

Галина, не веря ушам, воскликнула:

— Кто?

— Сереженька Хренов.

Далее, опуская подсказку тетушки Мары, Далила рассказала подруге, как Хренова брали на пушку и как он сломался, признался: «Я убил Машу».

И как начали они дотошно и въедливо проверять с Верховским, кто он, этот Хренов, друг их компании?

И выяснилось, что нет у него дворянского происхождения. Мать его из деревни, уборщица: убирала у состоятельной женщины, Раисы Михайловны. Вот та действительно была дворянского происхождения.

" Позже, когда у Раисы Михайловны умер муж, она от скуки взяла к себе Сереженьку Хренова. Она даже его устроила в элитную школу.

Сережа жил у нее не даром: убирал и стирал вместо старой уборщицы (своей матери), но за это Раиса Михайловна (войдя в положение юноши) согласилась представляться его друзьям родной тетушкой.

Таким образом Хренов затесался в компанию детей влиятельных

людей города. Вечный Принц мечтал стать Королем, но мешало прошлое. Его старый дружок — Кирсанов Олег — заставил безвольного Хренова служить для него наводчиком. По подсказке Хренова Кирсанов грабил квартиры богатых людей. Потом «бизнес» расширился — Кирсанов пустился во все тяжкие: и чужие дома сдавал, мошеннически отбирал наследства, с антиквариатом химичил. Был он изобретательным, но мелко плавал.

А Хренов мечтал о крупном бизнесе. Он во всем подражал друзьям: начиная от пирога и кончая богатым офисом. Только их офисы настоящие, а офис Хре-, нова дутый: за красивой мебелью, охраной и секретаршей не было ничего. Даже хуже, был только мелочовщик Кирсанов с его криминальным умом. Кирсанов использовал громадные связи Вечного Принца Хренова по мелочам.

Хренов искал выход, он хотел избавиться от Кирсанова, мечтал стать Королем. Однажды он сидел грустный напротив Наташи, он был, как и все, в Наташу влюблен. Поджидая Верховского, Хренов мучился:

Наташа кокетничала с Гошей Кроликовым, на него не обращала внимания. Хренов смотрел на нее ненавидящим взглядом.

Этот взгляд заметила Маша и расценила его по-своему. Она так посмотрела на Хренова, что тот понял: «Да вот же он, выход: жениться на Машке, разбогатеть и одним махом покончить с прошлым».

Маша тихо спросила:

— Сережа, ты любишь Наташу?

И Хренов признался:

— Люблю.

Маша искренность оценила, у них завязалась дружба. Капкан захлопнулся: Золушку потянуло к Вечному Принцу.

Но и Вечных Принцев тянет к Золушкам. Когда у Маши закрутилось с Кроликовым, Хренов жутко ревновал. Маша это отметила, но...

Переключилась на Мискина. И Хренов (все потом это вспомнили) упал в обморок, когда случайно наткнулся на Мискина с Машей на кухне — Мискин Машу поцеловал. Вот как чувствителен Хренов. Это не могло оставить равнодушной утонченную Машу.

Она поняла, что влюбилась.

Однако Хренов еще не знал, что влюблен, он вел только игру. Он ждал ее совершеннолетия. Он мечтал получить Машину долю наследства и вложить ее в настоящий бизнес. Поэтому он до последнего дня скрывал их связь: чтобы не разоблачили и не помешали.

Мелочовщик Олег Кирсанов нарушил его большую игру. Когда он

случайно узнал от Хренова, что Маша подыскивает для редакции офис, он не удержался от соблазна немного подзаработать. Через своих дружков он провернул с Машей ту же аферу, которую впоследствии провернул с Кроликовым и Наташенькой Замотаевой.

Когда дешевое помещение под офис оказалось дорогой чужой квартирой, Маша была осрамлена. Для Маши это был настоящий удар. Для Хренова — тоже, Он с ужасом слушал Машины жалобы, он каменел, когда Маша клялась, что не простит этого гада, вычислит его и накажет.

— А как же ты вычислишь? — цепенея, спросил как-то Хренов.

И умная Маша ответила:

— О том, что я ищу офис, — знала я, ты и редактор.

Я никому об этом не говорила.

Хренов поспешно воскликнул:

— И я никому не говорил!

Может, слишком поспешно.

— Значит, остается редактор, — сказала Маша, но посмотрела на него очень задумчиво.

Вот когда Хренов порадовался, что их роман держался в строжайшей тайне. Не только по его желанию. Маша собиралась требовать долю и не хотела, чтобы гнев брата пал на Сергея, ее любимого.

Теперь Хренов живет в напряжении, которое переходит в панику: Маша вдруг ему сообщает две новости.

Первая: Маша хочет в день своего совершеннолетия собрать всех родных и друзей и торжественно им признаться, что она любит Хренова и выходит за Сереженьку замуж.

Вторая: Маша подозревает Олега Кирсанова, а он дружен с Хреновым и как-то узнал, что Маша подыскивает для редакции офис.

Есть и третья новость, которую Хренов узнает после того, как брат Андрей их благословит: Маша собиралась сообщить о своей беременности.

Но Хренову уже не до новостей. Он понимает: прижми Маша Кирсанова, и наружу выльется все: что он сын уборщицы, что он беден, что нет у него влиятельных родственников, что он всем много лет лгал.

А Хренов привык к этому обществу. Хренов так глупо устроен, что только там, в этом чужом ему обществе, он может чувствовать себя человеком. Если Маша узнает о его «сотрудничестве» с мошенником и вором Кирсановым, она сразу поймет, что Хренов не любит ее. Что она для него очередная ступенька в карьере.

Хренову страшно было даже подумать, что после этого произойдет. В отчаянии он решается на убийство: крадет у Наташи «ТТ», первым

приходит на зов Маши, стреляет, а пистолет из мести (он ненавидит всех баловней судьбы) подбрасывает бабнику Мискину. И сообщает об этом в милицию. Но не уходит от дома Верховских. Прячась в парадном под лестницей, он видит Замотаева и Наташу с букетом. И потом врет Далиле про лепестки хризантем. Врет, чтобы отвести от себя ее подозрение — ведь Далила сразу попала в цель: начала свое расследование именно с него.

Так все произошло, так остался он безнаказанным.

Впрочем, Хренов сам себя наказал. Вечного Принца тянет к покойной Золушке, он любит ее, он ее не забыл. Хренов мучается, не живет. Боль в душе и любовь к той, которую он убил ради своей глупой мечты, изводят его. Вечный Принц перестал мечтать о Королевстве, в котором Золушка не нашла себе счастья.

Рассказав трагическую историю любви Золушки и Вечного Принца, Далила пожаловалась:

— И все же я собой недовольна.

— Почему? — удивилась Галина. — Ты блестяще все предсказала. Такое впечатление, что все действующие лица этой трагедии жили по твоему сценарию.

— Сомнительный комплимент, — усмехнулась Далила. — Но я как раз не все предсказала. Я начала сразу с ошибки. Думала, Маша включала Наташу в соревнование, оказалось наоборот: Наташа не давала покоя младшей сестре. Стоило Маше с кем-нибудь просто заговорить, как Наташа бросалась его отбивать.

— Почему?

— Из ревности и эгоизма. Очень она любит себя, Наташенька, хочет, чтобы все смотрели лишь на нее и говорили лишь с ней. Можешь представить, как жилось Маше? Ведь сестры почти не расставались.

— Вот почему Маша скрывала свою любовь к Хренову, — прозрела Галина.

Далила кивнула:

— Да, Маша боялась, что Наташа станет охотиться на Сергея. Если даже не отобьет, все равно все испортит. А Маша ждала ребенка и не хотела будущим счастьем своим рисковать. Поэтому Маша и собиралась объявить всем о своем решении выйти замуж в день совершеннолетия.

Галина деловито дополнила:

— И сразу исполнить решение.

— Да.

Подумав, Далила не выдержала и призналась:

— Знаешь, я обманула тебя.

Подруга отмахнулась:

— Да ладно, думаю, тебе не впервой.

— Нет, послушай. Эту загадку разгадала все же не я, а тетушка Мара.

Причем она почти сразу.

— Да ну! — поразились Галина. — И как это ей удалось?

— Профессионально, — с горечью сообщила Далила. — Тетушка подметила то, что укрылось от моих глаз. Тонкий штрих к портрету Вечного Принца.

— Какой же?

— Вечный Принц талантлив, ему все дается легко, его часто ставят в пример. Это вызывает зависть сверстников. Его любят взрослые и не любят дети. Зная об этом, Хренов старался во всем быть своим. Поэтому он солгал про пирог, который якобы был и его любимым. Тетушка сразу задалась вопросом: а когда он успел пирог полюбить, если бабушка умерла раньше, чем Хренов примкнул к компании? Потянула Мара за этот кончик и размотала клубок, — с обидой заключила Далила. — Вот такая история про соревнования тетушки и племянницы.

Галина вздохнула и возразила:

— Нет, это история Золушки и Вечного Принца.

— Слишком грустная, потому что слишком обычная. Одно только радует: так вот трагически эти истории заканчиваются далеко не всегда.

— А шкаф? — вдруг спросила Галина.

— А шкаф Пендраковского продали.

— Здравьете! Это ясно коню!

— До свидания! Зачем тогда спрашиваешь?

— Я спрашиваю, этот шкаф действительно из наполеоновского гарнитура?

Далила пожала плечами:

— Не знаю. Люди любят придумывать красивые сказки, легенды, а в жизни все прозаичней.

— Мне не надо как в жизни, — рассердилась Галина, — ты сказку мне расскажи.

— Ну если сказку, тогда слушай. Вроде бы Наполеон влюбился в простую трактирщицу и, вернувшись во Францию, заказал известному краснодеревщику гарнитур.

— И послал гарнитур в Россию?

— Подробностей я не знаю, но вот шкаф вроде оттуда.

Семенова удивилась:

— Как же попал этот шкаф к Пендраковскому?

Где мы, а где Наполеон!

— Вот уж не знаю, — усмехнулась Далила. — Об этом надо бы спрашивать прабабку, которая умерла. Возможно, она родственница возлюбленной Наполеона.

Галина потянулась и сладко пропела:

— Эх, вот это история! Слушай, — вдруг заинтересовалась она, — а как же эти проститутки и гомики попадали в шкаф Пендраковского?

— Все они, как и сами антиквары, заодно с Кирсановым. Таких мошенников у Кирсанова целый штат.

Он запасся ключами от квартиры Пендраковского и терпеливо сводил беднягу с ума. Друзья и соседи уже начали замечать, что у Пендраковского не все дома. Если бы тот поднял шум из-за пропажи шкафа, ему никто не поверил бы. Я очень вовремя его раритет продала. Кирсанов, за малым, не околпачил мнительного Пендраковского.

— И не боится же, аферюга, творить такие дела, — поразились Галина.

— Да что ты, — усмехнулась Далила, — от таких дел Кирсанов кайфует. Он обирает людей не лишь бы как, а с выдумкой, творчески. Кирсанов, несомненно, талант. Нездоровый, конечно, но талант. Его состояние сродни мании.

Галина возмущенно фыркнула:

— И кому ты все это говоришь? Мне? Жертве его «таланта»? Надеюсь, его посадят?

— Успокойся. И Кирсанова с его шайкой, и Хренова уже взяли. А то я за Верховского опасалась, он мог своими руками Хренова придушить.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Галина. — Угодить на нары из-за какой-то сволочи!

Далила напомнила:

— Эта сволочь убила его сестру.

Галина вздохнула:

— Но сестру все равно не вернешь, так зачем же ломать свою жизнь? Слушай! — вдруг всполошилась она. — А как же у вас с Верховским?

— А никак. Он улетел в Америку.

Рассмеявшись, Далила игриво добавила:

— Но обещал вернуться!

— Ну, прямо как Карлсон! — заключила Галина и выдала мудрый совет:

— А ты пока не теряйся с Матвеем!

— Там будет видно, — отмахнулась Далила, с замиранием сердца вспоминая жаркую ночь.

Она не захотела признаваться подруге, чем закончилась ее нескончаемая игра с подсознанием: подсознание с разгромным счетом снова ведет.

Да-да, своему подсознанию проигрывают порой даже умудренные наукой психологи. Далила думала, что спасается от Верховского в объятиях бывшего мужа, а вышло наоборот: она тянулась к Верховскому, спасаясь от своего Матвея.

И не спаслась!

— Огней так много золотых на улицах Саратова-а! — затанула Далила.

— Парней так много холостых, а я люблю женатова-а! — мгновенно подхватила Галина.

notes

Примечания

1

Горельеф — скульптурное изображение, выступающее над плоскостью фона более чем на половину своего объема.

2

Чех Ванек — друг Галины. О том, как они познакомились, рассказывалось в книге Л. Милевской «Кто хочет спать с миллионером».

3

История развода Далилы затронута в книге Л; Милевской «Мужской гарем»

4

О деле Соболевой можно прочитать в книге Л. Милевской «Мужской гарем».

5

О романе Далилы с Александром Козыревым можно прочитать в книге Л. Милевской «Мужской гарем».

Содержание

[Людмила МИЛЕВСКАЯ ПРОДАЕТСЯ ШКАФ С ЛЮБОВНИКОМ](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)